

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

№ 3 (17) • 2014

СВИДЕТЕЛЬСТВО о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38335 от 8 декабря 2009 г.

Главный редактор

А.Д. Воскресенский,
д.полит.н., д. философии
(Манчестерский ун-т), проф.

Заместитель главного редактора

О.В. Гаман-Голутвина, д.полит.н., проф.

Ответственный секретарь

Е.В. Колдунова, к.полит.н., доц.

Редакционная коллегия номера

А.Д. Воскресенский

В.В. Гриб

Е.В. Колдунова

И.Ю. Окунев (выпускающий редактор)

И.А. Истомин (редактор номера)

А.В. Веретевская

Редакционный совет

Т.А. Алексеева, д.филос.н., проф.,
Заслуженный деятель науки РФ

О.Н. Барабанов, д.полит.н., проф.

В.Я. Белокреницкий, д.и.н., проф.

В.В. Гриб, д.ю.н., проф.

В.И. Журавлева, д.и.н., проф.

М.В. Ильин, д.полит.н., проф.

Е.В. Колдунова, к.полит.н., доц.

В.Г. Леднев, д.филос.н., д. философии
(Манчестерский университет), проф.

М.М. Лебедева, д.полит.н., проф.,
Заслуженный работник высшей школы РФ

В.В. Михеев, д.э.н., проф.,
член-корреспондент РАН

О.В. Павленко, к.и.н., доц.

Е.В. Попов, к.ю.н., доц.

В.Д. Соловей, д.и.н., проф.

Л.В. Сморгун, д.полит.н., проф.

М.В. Стрежнева, д.полит.н., доц. философии
(Манчестерский университет), проф.

Д.В. Стрельцов, д.и.н., проф.

Т.А. Шаклеина, д.полит.н., проф.

А.Ю. Шутов, д.и.н., проф.

И.Н. Тимофеев, к.полит.н., доц.

Международный консультационный совет

Профессор *Ayşe Ditrîhs*

(Университет Анкары)

Профессор *Akihiro Iwashita*

(Университет Хоккайдо)

Профессор *Zhao Huasheng*

(Фуданьский университет)

Профессор *Klaus Segbers*

(Свободный университет Берлина)

Профессор *Anne de Tanguy* (Сьянс По)

(Свободный университет Берлина)

Профессор *Yu-Shan Wu*

(Институт политологии, Academia Sinica)

Профессор *Alexander Zhebit*

(Федеральный университет Рио-де-Жанейро)

Профессор *Charles E. Ziegler*

(Университет Луисвилла)

Профессор *А. Файзуллаев*

(Университет мировой экономики
и дипломатии Узбекистана)

Профессор *Li Xing*

(Пекинский педагогический университет)

Учредитель:

Издательская группа «Юрист»

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:
Гриб В.В.

Редакция:

Бочарова М.А.,
Лаптева Е.А.

Центр подписки:

(495) 617-18-88 (многоканальный)

Адрес редакции:

115035, г. Москва, Космодамианская

наб., д. 26/55, стр. 7

Тел. (495) 953-91-08

E-mail: avtor@lawinfo.ru;

http: www.lawinfo.ru

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая
группа». Тел. (4842) 70-03-37

Печать офсетная.

Физ.печ.л. — 27,0.

Усл. печ. л. — 27,0.

Общий тираж 3000 экз.

Цена свободная.

Номер подписан в печать: 27.11.2014 г.

ISSN — 2221-3279

© Воскресенский А.Д., 2014

© Сравнительная политика, 2014

© Издательская группа «Юрист», 2014

COMPARATIVE POLITICS

№ 3 (17) • 2014

MASS MEDIA REGISTRATION CERTIFICATE PI № FS77-38335 of December 8, 2009

Editor-in-Chief

A.D. Voskressenski

Professor, Dr. Pol. Sc., PhD (U. of Manchester)

Deputy Editor-in-Chief

O.V. Gaman-Golutvina,

Professor, Dr. Pol. Sc.

Executive Secretary

E.V. Koldunova,

Cand. Pol. Sc., Associate Professor

Editorial Board of the Issue

A.D. Voskresenskij

V.V. Grib

E.V. Koldunova

I. Yu. Okunev (editor)

I.A. Istomin (editor of the issue)

A.V. Veretevskaya

Editorial Board

T.A. Alekseeva, doctor of philosophical sciences, professor,
Distinguished Researcher of the RF

O.N. Barabanov, doctor of philosophical sciences, professor

V. Ya. Belokrenitskij, doctor of historical sciences, professor

V.V. Grib, doctor of juridical sciences, professor

V.I. Zhuravleva, doctor of historical sciences, professor

M.V. Il'in, doctor of political sciences, professor

E.V. Koldunova, candidate of political sciences, associate professor

V.G. Ledyev, doctor of philosophical sciences, PhD,
(University of Manchester), professor

M.M. Lebedeva, doctor of political sciences, professor,
distinguished lecturer of RF higher school, professor

V.V. Mikheev, doctor of economic sciences, professor,
corresponding member of the RAS

O.V. Pavlenko, candidate of historical sciences, associate professor

E.V. Popov, candidate of juridical sciences,
associate professor

V.D. Solovjev, doctor of historical sciences, professor

L.V. Smorgunov, doctor of political sciences, professor

M.V. Strezhev, doctor of political sciences, PhD
(University of Manchester), professor

V.V. Sirel'sov, doctor of historical sciences, professor

T.A. Shakleina, doctor of political sciences, professor

A. Yu. Shutov, doctor of historical sciences, professor

I.N. Timofeev, candidate of political sciences, associate professor

International Consultative Board

Professor *Ayşe Ditihs*
(University of Ankara)

Professor *Akihiro Iwashita*
(University of Hokkaido)

Professor *Zhao Huasheng*
(Fudan University)

Professor *Klaus Segbers*
(Free University of Berlin)

Professor *Anne de Tanguy*
(Sciences Po)

Professor *Yu-Shan Wu*
(Institute of Political Science, Academia Sinica)

Professor *Alexander Zhebit*
(Federal University of Rio de Janeiro)

Professor *Charles E. Ziegler*
(University of Louisville)

Professor *A. Fajzullaev*
(University of World Economics
and Diplomacy of Uzbekistan)

Professor *Li Xing*
(Beijing Normal University)

Founder:
Publishing Group «Yurist»

Editor-in-Chief
of Publishing Group «Yurist»:
Grib V.V.

Editorial Staff:
Bocharova M.A.,
Lapteva E.A.

Subscription Centre:
(495) 617-18-88 (multichannel)
Editorial Office Address:
Bldg. 7, 26/55 Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115035
Tel.: (495) 953-91-08
E-mail: avtor@lawinfo.ru;
http: www.lawinfo.ru

Printed in typography
«National Polygraphic Group»
Tel.: (4842) 70-03-37

Offset printing.
Printer's sheet — 27,0.
Conventional printing sheet — 27,0.
Circulation 3000 copies.
Free-market-price
Passed for printing: 27.11.2014.
ISSN — 2221-3279

© Voskresenskij A.D., 2014
© Comparative Politics, 2014
© Publishing Group «Yurist», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Воскресенский А.Д., Колдунова Е.В., Окунев И.Ю.
К 70-летию МГИМО (У) МИД России. История создания
и основные вехи развития политологической школы
МГИМО (У) МИД России

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ И ИНСТИТУТОВ

Фельдман Д.М. Сеть мировой политики:
от проблем концептуализации к глобализации охлоса

Vijay Kumar. Political Culture
and Democratization in Russia

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ГЕОПОЛИТИКА

Karin Kneissl. When Importers Turn to Exporting Oil
and Gas – The Shale Gas Hype and Certain Geopolitical
Changes Lie Ahead in the Eastern Mediterranean

Лунев С.И. Страны БРИКС в процессах глобализации

Зайка К.В. Модели национальной интеграции
в Германии, Франции, Великобритании, США
и Канаде в послевоенный период в условиях
возрастающих иммиграционных потоков

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ДИСКУССИИ

Chih-Yu Shih. China Rise Syndromes? Drafting National
Schools of International Relations in Asia

Alan Henrikson. The Role of Enablers in Contemporary
Conflicts – and the Enabling of Diplomats
to Respond to them: an American Perspective

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛОКАЛЬНОГО ОПЫТА

Гасымов Н.А. Саудовская Аравия после «арабской
весны»: внутриполитические процессы и перспектива
реформ

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

*Материалы заседания УМС
по зарубежному регионоведению*

Зиневич О.В., Рузанкина Е.А. Регионоведение
как комплекс исследовательских и учебных дисциплин
в ракурсе междисциплинарности

Самойлова М.П. Методологические аспекты
преподавания регионоведения в ФГБОУ ВПО «НГЛУ»

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Воскресенский А.Д. Рецензия на книгу «История
Китая с древнейших времен до XXI века»: в 10 т. /
гл. ред. акад. С.Л. Тихвинский. М.: Наука, 2013. Т. X:
Тайвань, Сянган (Гонконг), Аомэнь (Макао), зарубежная
китайская диаспора / отв. ред. Л.М. Гудосников,
Г.А. Степанова; сост. Т.Г. Герасимова. 2014

Marco Milani. Review on the book «The Chinese
Challenge to the Western Order», edited by Antonio Fiori
and Matteo Dian. Trento, FBK Press, 2014

Баринов С.Л. Рецензия на сборник статей
«Критическая геополитика» / отв. ред. И.Ю. Окунев,
С.О. Савин. Ногинск: Аналитика Родис, 2014

НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ

ПАРТНЕРЫ ЖУРНАЛА «СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА»
Project on the Middle East and the Arab Spring (POMEAS)
Мосты. Аналитика и новости о торговле и устойчивом
развитии

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

4

47

60

68

81

109

128

143

152

159

168

174

177

179

182

185

186

191

**Alexei Voskressenski, Ekaterina Koldunova,
Igor Okunev.** MGIMO-University 70th Anniversary.
Political Science Academic School at MGIMO-University:
Establishment and Main Stages in Development

COMPARATIVE ANALYSIS OF CONCEPTS AND INSTITUTIONS

Dmitry Feldman. World Politics Network: From
Conceptualization Problem to the Crowd Globalization

Vijay Kumar. Political Culture and Democratization
in Russia

COMPARATIVE POLITICS AND GEOPOLITICS

Karin Kneissl. When Importers Turn to Exporting Oil
and Gas – The Shale Gas Hype and Certain Geopolitical
Changes Lie Ahead in the Eastern Mediterranean

Sergey Lunev. BRICS Countries
and Globalization Processes

Ksenia Zaika. Models of National Integration
in Post-War Germany, France, the UK,
the US and Canada with Growing Immigration Influx

DISCUSSION

Chih-Yu Shih. China Rise Syndromes? Drafting National
Schools of International Relations in Asia

Alan Henrikson. The Role of Enablers in Contemporary
Conflicts – and the Enabling of Diplomats to Respond to
them: an American Perspective

COMPARATIVE ANALYSIS OF LOCAL CASES

Nurlan Gasymov. Post «Arab Spring» Saudi Arabia:
internal political process and possible reforms

ACADEME

*Materials from the Teaching Council
on World Regional Studies Meeting*

Olga Zinevich, Elizaveta Ruzankina. Regional Studies
as a Complex of Research and Educational Disciplines
in the Light of Interdisciplinarity

Maria Samoiloova. Methodological Aspects
of Teaching Regional Science at Linguistics University,
Nizhny Novgorod

REVIEWS

Alexei Voskressenski. Review on the book
«History of China from the Earliest Times till XXI century»:
in 10 Volumes / ed. by S. Tikhvinsky. M.: Nauka, 2013.
Vol. X: Taiwan, Xianggang (Hong Kong), Aomen (Macau),
Foreign Chinese Diaspora / ed. by L. Gudoshnikov,
G. Stepanova, T. Gerasimova, 2014.

Marco Milani. Review of the book «The Chinese
Challenge to the Western Order», edited by Antonio Fiori
and Matteo Dian. Trento, FBK Press, 2014

Sergey Barinov. Review on collection of articles «Critical
Geopolitics» / ed. by Igor Okunev, Sergey Savin. Noginsk:
Analitica Rodis, 2014

ON THE BOOKSHELF

OUR PARTNERS

Project on the Middle East and the Arab Spring (POMEAS)
The Bridges. Analytics and News about Trade
and Sustainable Development

INFORMATION FOR AUTHORS

К 70-ЛЕТИЮ МГИМО (У) МИД РОССИИ. ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ОСНОВНЫЕ ВЕХИ РАЗВИТИЯ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ МГИМО (У) МИД РОССИИ

Воскресенский А.Д., Колдунова Е.В., Окунев И.Ю.

Основные вехи становления политологической школы МГИМО

Из всех факультетов политологии России Факультет политологии МГИМО (У) МИД России, наверное, самый старейший, хотя на самом деле он очень молодой — в год 70-летия МГИМО ему исполнилось всего 15 лет. То есть, несмотря на то, что политолог — относительно новая специальность, которая обрела «легальную» институциональную самостоятельность лишь в 1990-е годы¹, а история организационного научно-образовательного оформления этой специальности в МГИМО насчитывает всего 15 лет, политологической школе МГИМО практически столько же лет, сколько самому вузу. В отличие от многих других вузов, ориентированных на подготовку преподавателей политологии или прикладных политтехнологов, в МГИМО сформировалась своя уникальная политологическая школа «полного цикла», и академическая, и практическая, которая предполагает обучение политологов с «нуля» вплоть до самой высшей квалификации как преподавателей и ис-

следователей, так и прикладных аналитиков, консультантов и практиков. Уникальность политологической школы МГИМО позволяет ее организационной ипостаси — Факультету политологии — предложить абитуриентам обучение по широкому кругу востребованных специальностей и специализаций, одновременно обеспечив более глубокую как теоретическую, так и практическую подготовку. Подготовка МГИМО на всех факультетах традиционно включает расширенную лингвистическую компоненту (как минимум два иностранных языка), но для политологов-международников она особенно важна, так как позволяет не просто общаться, а вести профессиональные дискуссии, читать профессиональную высокоспециализированную литературу и даже писать и публиковаться не только на языке международного общения, но, в идеале, и на другом или даже других иностранных языках. При этом наши преподаватели-политологи — не только теоретики, но и практики, поскольку они не только пишут книги, но и реально участвуют в политическом процессе и знают о нем не понаслышке.

При организационном оформлении политологической школы МГИМО предтечей Факультета политологии МГИМО-Университета была кафедра политологии, образован-

¹ Факультет политологии МГИМО-Университета / ред. А.Н. Ракова, М.А. Троицкий; под общ. ред. А.Д. Воскресенского. М. : МГИМО-Университет, 2009. URL: http://www.mgimo.ru/files/38157/MGIMO_2009-1.pdf

ная в 1990 г. Ее заведующими были в 1990–1991 гг. профессор Р.Г. Богданов, а в 1991–1994 гг. — заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук профессор А.Ю. Мельвиль, в дальнейшем — первый декан Факультета политологии и проректор МГИМО по научной работе, президент Академии политических наук. К первому поколению школы политологии МГИМО принадлежали профессора М.В. Ильин, А.М. Салмин (член Президентского Совета РФ 1994–2000 гг., декан Факультета политологии в 2004–2005 гг.), Ю.Е. Федоров, М.М. Лебедева, В.М. Сергеев и др.

Крупный вклад в развитие Факультета политологии и реформу его научной составляющей и практически всех учебных программ внес выпускник МГИМО 1976 года доктор политических наук профессор А.Д. Богатуров — декан ФП в 2005–2007 гг. Он заслуженный деятель науки РФ, лауреат премий Е.В. Тарле, Института общественно-го проектирования, Правительства РФ. В 2007 г. А.Д. Богатуров был назначен проректором МГИМО по программному развитию, а затем работал первым проректором МГИМО.

В январе 2008 г. деканом Факультета стал доктор политических наук профессор А.Д. Воскресенский — востоковед и политолог, первым из российских ученых получивший высшие научные степени (*earned degree*) России и Великобритании (доктор политических наук и доктор философии Манчестерского университета по специальности «Политика и международные отношения»), автор тринадцати монографий, выдержавших несколько изданий в России и за ее пределами. До прихода на

Факультет в качестве декана А.Д. Воскресенский возглавлял кафедру востоковедения МГИМО с 1999 по 2008 г. и преподавал на Факультете политологии магистерские курсы.

В период 2008–2014 гг. произошло окончательное административно-содержательное оформление политологической школы МГИМО, так как Факультет политологии институализировался как научный и образовательный центр полного цикла подготовки, не только формирующий основу всех политологических исследований в МГИМО, но и продуцирующий основные научные новации вовне — в национальное и даже (по некоторым параметрам) мировое политологическое сообщество.

*** **

Основы политологической школы МГИМО начали закладываться вскоре после создания института. В условиях жестких идеологических ограничений тех лет, вопреки им, возникали очаги современных научных политических исследований и современного образования. МГИМО стал одним из них. Профиль института, его практическая ориентация предполагали изучение реальной международной политики и ее внутривнутриполитического контекста, способствовали становлению подлинно научных политологических исследований. Это позволило создать своего рода площадку для развертывания «де факто политологии» — политической науки, которая часто выступала под маркой иных дисциплин — истории, юриспруденции, философии.

В ту пору политологическая проблематика разрабатывалась в МГИМО

в значительной мере в рамках философско-социологической школы, а также в русле изучения политической истории зарубежных стран. В этой связи нужно упомянуть ставших академиками Г.А. Арбатова и Г.В. Осипова, профессоров В.И. Антюхину-Московченко, Э.А. Араб-оглы, И.В. Бестужева-Ладугу, Д.М. Гвишиани, Д.В. Ермоленко, Ю.А. Замошкина, А.А. Злобина, Н.Н. Разумовича, Ю.Н. Семенова, В.С. Семенова, М.А. Хрусталева, которые читали лекции политологического профиля в аудиториях МГИМО, тогда еще не университета, а института международных отношений.

В условиях оттепели 1960-х годов и последовавшего интеллектуального оживления в советской общественной науке происходило фактическое утверждение политологии как научной и образовательной дисциплины. Эти процессы самым непосредственным образом затронули МГИМО. Относительная свобода научной работы, помноженная на надежды и дерзость нового поколения исследователей, позволила наметить первые направления отечественной политологической школы. Особая роль в этом принадлежала Ю.А. Замошкину, Д.В. Ермоленко и Н.Н. Разумовичу.

Во второй половине 1970-х годов создается Проблемная научно-исследовательская лаборатория системного анализа международных отношений (ПРОНИЛ), которую возглавил В.Б. Тихомиров. Вскоре ее руководителем становится И.Г. Тюлин. С именем И.Г. Тюлина во многом связано становление и дальнейшее развитие политологической школы МГИМО. Он обладал уникальными способностями поиска

талантливой молодежи. Многие из тех, кто начинал свою работу после окончания института в Проблемной лаборатории, преобразованной позднее в центр международных исследований (ЦМИ), под руководством И.Г. Тюлина, стали известными российскими учеными, дипломатами, политическими деятелями.

В 1979 г. ученые МГИМО, многие из Проблемной лаборатории, приняли активное участие в подготовке и проведении Всемирного конгресса Международной ассоциации политических наук (*IPSA*) в Москве, в тот период ставшего апогеем развития «де факто» политологии, поскольку все его советские участники, хотя и называли себя политологами, имели научные степени в других областях гуманитарных и социальных знаний. Конгресс дал мощный толчок дальнейшим и качественно новым политологическим исследованиям в нашей стране в целом и в МГИМО в частности. Именно после него начался постепенный процесс официального признания политической науки в СССР.

Во второй половине 1980-х и в 1990-е годы ученые и выпускники МГИМО приняли активное участие в научных и общеполитических дискуссиях, развернувшихся в связи с «перестройкой» и радикальными переменами во внутренней и внешней политике страны. Именно тогда, в 1990-е годы, политологи А.М. Мигранян и А.М. Салмин стали членами Президентского совета России. Мгимовцы были инициаторами ряда общесоюзных и международных конференций, организованных, в частности, Советской ассоциацией политической науки и секцией философии политики и международных отношений

Философского общества СССР, на которых по-новому ставились многие актуальные проблемы развития современной политической науки.

Новый организационный период в развитии политологической школы МГИМО был обусловлен важным событием — образованием в 1989 г. самостоятельной кафедры политологии (а затем и отделения политологии) на Факультете международных отношений. Активным сторонником создания кафедры был И.Г. Тюлин, ставший к тому времени проректором по научной работе. Формальным основанием для этого послужило принятое в 1989 г. решение Высшей аттестационной комиссии, давшее толчок созданию в стране учебных советов и кафедр политологии. Одним из важнейших следствий данного решения стали новые возможности для развития отечественной политологии.

С первых лет существования кафедры ее сотрудники сконцентрировали свои усилия на разработке и внедрении учебных курсов по политической науке, которые прежде нигде в России не преподавались. Так, был создан ряд новых оригинальных программ и соответствующих им курсов по основам политологии, авторами которых являлись Э.Я. Баталов, М.В. Ильин, А.Ю. Мельвиль, А.И. Соловьев, Ю.Е. Федоров. Эти курсы читались на различных факультетах МГИМО. Были также разработаны новаторские курсы по истории политических идей (А.А. Чанышев), политической социологии (В.И. Пантин), политической системе современной России (Л.Ф. Шевцова), современной политической мысли (И.Г. Тюлин), политической психологии (Н.А. Косолапов, Д.В. Ольшанский).

Отчетливо мгимовский, со значительной международной составляющей, характер получили курсы по сравнительной политологии (М.В. Ильин), прикладной политологии (А.А. Дегтярев), проблемам международной безопасности (А.И. Никитин, Ю.Е. Федоров), основам изучения демократических преобразований, или транзитологии (А.Ю. Мельвиль).

Несмотря на то, что кафедре политологии пришлось львиную долю своих усилий сосредоточить на разработке и внедрении учебных курсов, она быстро стала центром инновационных политических исследований. Уже в первой половине 1990-х годов работы сотрудников кафедры по сравнительному изучению демократических преобразований (Л.Ф. Шевцова, А.Ю. Мельвиль, А.М. Мигранян, О.Г. Харитонова), по международной безопасности (А.И. Никитин, Ю.Е. Федоров), по дискурс-анализу (М.В. Ильин) получили признание в отечественной и мировой политологии.

Практически одновременно с кафедрой в МГИМО был образован специализированный диссертационный совет по присуждению ученых степеней по политологии. Его первым председателем стал И.Г. Тюлин, заместителем председателя — А.В. Шестопад. Обладателями первых дипломов докторов политических наук среди мгимовцев стали Н.В. Жданов и И.Г. Тюлин, а также М.А. Хрусталева, М.М. Лебедева, А.В. Торкунов (ректор МГИМО и академик РАН), Т.В. Зонова, Ю.И. Лавров, Р.Ф. Матвеев, А.Н. Панов (впоследствии заместитель министра иностранных дел РФ), Э.Я. Баталов, Ю.С. Пивоваров (впоследствии директор ИНИОН

РАН и академик РАН) и др. В дальнейшем председателями диссертационного совета по политологии стали А.Ю. Мельвиль, А.Д. Богатуров, затем А.Д. Воскресенский.

Накопленные кафедрой политологии преподавательский опыт и научный потенциал позволили уже в середине 1990-х годов поставить несколько серьезных задач. Все они так или иначе были обусловлены необходимостью выведения отечественной политической науки на качественно новый уровень. В педагогической области эти задачи заключались в создании специализации по политическим наукам — существовавшее Отделение политологии работало в рамках Факультета международных отношений и, вполне естественно, фокусировало внимание на страноведческой проблематике — разработке единого стандарта общего политологического образования на непрофильных специализациях с учетом их особенностей и т.д. В результате была выработана концепция политологической специализации в МГИМО, позволившая к концу 1990-х годов завершить подготовку к организации нового факультета. Одновременно политологи МГИМО приступили к созданию учебно-методического комплекса «Категории политической науки», решая задачи, которые до них ни в одном университете в стране решены не были.

В исследовательской сфере были предприняты усилия по освоению новой для отечественной науки проблематики и разработке новых методологических подходов. Ученые кафедры сфокусировали внимание на проблематике демократических преобразований и типологии современных политиче-

ских режимов. Концепция многовариантного демократического транзита и его отличия от «векторно» предопределенной демократической трансформации была обоснована А.Ю. Мельвилем. Он же в сотрудничестве с норвежскими и американскими коллегами предложил использовать концепцию «воронки причинности» как инструмент изучения ключевых моментов демократических транзитов. Несмотря на то, что не все из разработанных в тот период концепций выдержали проверку временем, они вошли в копилку отечественной современной политической мысли и знаменовали этапы формирования национальной школы политологии в целом.

Принципиально новый методологический подход к изучению эволюционной морфологии политики был предложен и разработан М.В. Ильиным в докторской диссертации, защищенной в МГИМО в 1995 г. Он обосновал хронополитику как особую отрасль политической науки, показал, что хронополитика в широком смысле позволяет осуществлять сравнения всех типов политической организации, а в узком смысле служит инструментом изучения мировой политики — феномена развитого Модерна, возникающего в результате интеграции цивилизационных и национальных традиций, которые в преобразованном виде сохраняются в мировой политике и обретают новые морфологические характеристики.

В условиях значительного расширения диапазона исследований и увеличения разнообразия предлагаемых подходов на первый план вышли задачи интеграции научной деятельности, поскольку специальные интересы политологов МГИМО были весьма разно-

образны: М.В. Ильин — дискурс-анализ, эволюционная морфология политики, сравнительная политология, история политических понятий, Ю.Е. Федоров и А.И. Никитин — международная и региональная безопасность, проблемы СНГ, Л.Ф. Шевцова — переходные политические режимы, политические процессы в России, А.М. Мигранян — политическая модернизация и политические процессы в России, А.В. Малащенко — ислам и политика, А.Г. Володин — процессы модернизации в развивающихся странах, А.Ю. Мельвиль — сравнительная политология, транзитология, В.Н. Мионов — современная социал-демократия, А.А. Дегтярев — прикладные политологические исследования, Н.А. Косолапов — политическая психология.

Решение было найдено благодаря выделению единого смыслового фокуса исследований. Им стала проблема внешних и внутренних факторов политических изменений. Изучение данной проблематики вполне отвечало как традициям МГИМО, так и новым вызовам политической практики. Более того, работа над данной проблематикой позволяла сотрудникам кафедры органично вписываться в общий поток научных исследований, проводившихся в МГИМО, а также подключать к научной работе коллег с других кафедр, занимавшихся политологическими исследованиями.

В середине и во второй половине 1990-х годов в МГИМО было организовано независимое исследование политических процессов глобализации. С самого начала в ядро группы МГИМО входили А.Д. Богатуров, А.Г. Володин, А.Д. Воскресенский, М.В. Ильин,

М.М. Лебедева, А.Ю. Мельвиль, В.М. Сергеев, И.Г. Тюлин, А.В. Шестопал. По их инициативе были открыты научные дискуссии, посвященные глобализации, что привлекло к этой теме внимание российских политологов.

В 1996 г. политологи МГИМО организовали в Москве совместный российско-американский семинар по вопросам глобальных политических и социальных изменений². В начале 2000 г. по инициативе политологов МГИМО под Москвой был организован двухдневный семинар, который собрал вместе представителей различных центров исследования глобализации. Ряд членов группы позднее подготовили книгу, которая обозначила некоторые методологические точки взаимопонимания в исследованиях проблем глобализации³.

Активизации научной деятельности на направлении сравнительной политологии способствовало участие ряда профессоров кафедры в серии семинаров «Вызовы теории» (Москва, июнь 1996; Вена, ноябрь 1996), а затем в семинарах в Институте сравнительной политологии Университета Бергена (Норвегия), хранителя традиции выдающегося компаративиста Стейна Роккана. В ходе дискуссий, в частности, стали формироваться российская и норвежская «школы» применения методологии транзитологических исследований. Однако ученые МГИМО не ограничи-

² Глобальные социальные и политические перемены в мире : материалы российско-американского семинара (Москва, 23–24 октября 1996 г.) / ред.: А.Ю. Мельвиль, Н.П. Микешин. М. : МГИМО МИД РФ; Федерация мира и согласия; Университет Айовы (США), 1997.

³ Мегатренды мирового развития / под ред. М.В. Ильина, В.Л. Иноземцева; Центр исследований постиндустриального общества. М. : Экономика, 2001.

лись этим, а предприняли попытки использования данного методологического инструмента для анализа электоральных процессов (Е.Ю. Мелешкина и Н.В. Анохина), мировой политики (М.М. Лебедева), процессов принятия решений (А.А. Дегтярев), методологии политических изменений (М.В. Ильин, А.Ю. Мельвиль, В.М. Сергеев). Результаты этих исследований были опубликованы в научных журналах и монографиях и стали научным вкладом политологов МГИМО в отечественную и мировую политическую науку.

Нельзя не отметить и существенный вклад политологов МГИМО в развитие политологического сообщества России. Они были в числе наиболее активных коллег, группировавшихся вокруг основного российского профессионального журнала политологов «Полис». Именно этой группой в конце 1997 г. была поставлена задача перестроить Российскую ассоциацию политической науки в соответствии с требованиями времени. По их инициативе на площадке МГИМО 20 декабря 1997 г. состоялось общее собрание РАПН. В его работе приняли участие около 200 индивидуальных членов ассоциации, представители семи ее региональных отделений и 18 научных и университетских центров страны. Политологи МГИМО фактически возглавили обновляющуюся ассоциацию. Президентом РАПН стал профессор МГИМО М.В. Ильин, вице-президентами — А.Ю. Мельвиль, А.И. Никитин, В.В. Смирнов и А.И. Соловьев. В Совет РАПН вошли А.В. Торкунов, В.Б. Кувалдин, А.М. Салмин и Л.Ф. Шевцова. По завершении работы общего собрания была проведена научная конферен-

ция «Состояние политической науки в России», организованная кафедрой политологии МГИМО в сотрудничестве с редакцией журнала «Полис».

Общее собрание РАПН стало поворотным моментом в консолидации отечественного политологического сообщества. Уже в начале следующего года был проведен Первый Всероссийский конгресс политологов. Несколько десятков представителей МГИМО приняли участие в его работе. Вполне логичным и закономерным стало проведение Второго конгресса уже в МГИМО (апрель 2000 г.). В его работе приняли участие свыше 500 ученых и преподавателей политологии, аналитиков и политических консультантов из 46 регионов России, а также из стран дальнего и ближнего зарубежья. Состоялись заседания 11 секций, 4 «круглых столов», а также исследовательской группы по геополитике. Возникла невиданная до того времени концентрация отечественной политологической мысли и политологического интеллекта.

В феврале 2001 г. в Москве состоялась конференция представителей региональных отделений Российской ассоциации политической науки, которая в соответствии с уставом ассоциации является ее высшим руководящим органом. К конференции были подготовлены новая редакция устава и предложения по структуре и составу руководящих органов ассоциации. На конференции было избрано новое руководство РАПН. Президентом стал выпускник МГИМО, член-корреспондент, затем академик, директор ИНИОН РАН Ю.С. Пивоваров. Профессор А.И. Никитин стал первым вице-президентом,

профессор А.И. Соловьев возглавил Научный совет.

При самом активном участии политологов МГИМО проходили подготовка и проведение Третьего Всероссийского конгресса политологов, который состоялся в апреле 2003 г. в Москве. Как и на предыдущих конгрессах, политологи МГИМО организовали и вели многие секции — по методологии политической науки (В.М. Сергеев), политической философии (Т.А. Алексеева), гражданскому обществу (Г.Г. Водолазов), международной безопасности (А.И. Никитин), принятию решений (А.М. Салмин, А.А. Дегтярев), мировым политическим процессам (М.М. Лебедева, П.А. Цыганков), политическому управлению (Е.В. Охотский), политической регионалистике (П.А. Федосов). Во время работы конгресса состоялись также ежегодное собрание РАПН и собрание Академии политических наук.

Развитию политологической школы в немалой степени содействовал работающий с 1998 г. под руководством И.Г. Тюлина общеинститутский проблемный семинар по внешним и внутренним факторам политических изменений. Семинар действовал на базе кафедры политологии и при участии Центра международных исследований МГИМО (профессор В.М. Сергеев), а также Российской ассоциации политической науки и журнала «Полис» (профессора М.В. Ильин и Т.В. Шмачкова). Создание этого общеинститутского семинара было обусловлено тем, что в изучение проблематики политических изменений так или иначе были вовлечены многие кафедры и подразделения института. Семинар, с одной стороны, был нацелен на то, чтобы обобщить нара-

ботки ученых различных кафедр и подразделений (политологии, философии, социологии, международных отношений, регионоведческих кафедр, Центра международных исследований), а с другой — выйти на новый уровень знаний о многообразии политических трансформаций, которые дает мировая практика, а в перспективе — и на новые теоретические модели и концепции политических преобразований, происходящих в современном мире.

Наработки кафедры и отделения политологии, а также проблемного семинара по внешним и внутренним факторам политических изменений стали основой для создания в 1998 г. Факультета политологии. В составе Факультета были образованы три специализированные кафедры: сравнительной политологии, политической теории, мировых политических процессов. Создание и институализация Факультета политологии стали важной вехой в становлении политологической школы МГИМО, что, в частности, позволило полнее выявить специфику преподавания и изучения политики, точнее и четче разграничить и соединить соответствующие предметные сферы, сконцентрировать межфакультетские профессиональные взаимосвязи в области политологических исследований.

После создания Факультета политологии и образования трех специализированных кафедр дальнейшее развитие мгимовской политологической школы приобрело более структурированную предметную определенность. Развивающееся в МГИМО направление политической компаративистики (сравнительных политологических исследований) ориентировано прежде

всего на изучение ключевых тенденций и закономерностей мирового политического развития на основе сравнительного анализа формирующих их внешнеполитических и внутривнутриполитических факторов. Это научное направление опирается на исследовательские традиции МГИМО 1960–1970-х годов, в первую очередь — на школу системного анализа внешней политики Д.В. Ермоленко и на школу изучения тенденций развития политического сознания и политической идеологии Ю.А. Замошкина.

Развитие специфического компаративистского подхода в русле общей политологической школы МГИМО основывалось в первую очередь на выработке научного языка, методологических подходов, совместных исследовательских приоритетов в условиях осмысления драматических политических изменений, охвативших в 1990-х годах Россию и весь мир. При этом одна часть политологов-компаративистов стремилась выявить структурные аспекты политических трансформаций, а другая — фокусировала свое внимание на предпочтениях и действиях самих участников политических процессов. Эти специфические различия двух исследовательских ориентаций в значительной мере отражали противостояние двух основных подходов в мировой политической науке и обществоведении в целом к изучению проблемы причинности в политических изменениях и трансформациях — системного, акцентирующего роль структурных факторов (*structure*), и деятельностного, ставящего во главу угла самих участников политических процессов (*agency*). Политологи-компаративисты начали активный

поиск общей теоретико-методологической рамки исследований.

Еще в 1993 г. с идеей учета различных масштабов структур и действий в политическом процессе выступил М.В. Ильин. Он исходил из того, что действительное противоречие возникает между агентами и структурами принципиально разных, например, крупных и мелких масштабов, а не между структурами и агентами как таковыми. При таком подходе у крупномасштабных явлений мировой политики, например у модернизации, были как свои структуры (система суверенитета, конституционный порядок, международное право и др.), так и свои действующие агенты (нации, корпорации, международные организации и т.п.). Точно так же и у мелкомасштабных агентов (отдельных группировок или индивидуальных политиков и граждан) есть отвечающие им структуры (наборы «фреймов» и схем поведения, личные идентичности и т.п.). Несколько иной, но, по сути, близкий подход стал разрабатывать с середины 1990-х годов А.Ю. Мельвиль. Он также предложил способ учета масштаба политических явлений (прежде всего в аспекте политических изменений), однако в его концепции значимые структуры и значимые агенты действия рассматривались как взаимодополняющие, но при этом все же подчиненные определенной иерархии элементы единой аналитической логики, которые в соответствии с концепцией «воронки причинности» интегрируют структурный и процедурный подходы к сравнению политических явлений и процессов. Этот интегральный подход был применен к сравнительному анализу процессов демократизации в разных

странах и регионах мира, что в конечном счете позволило выйти на эскиз методологической схемы исследования и типологизации разнонаправленных политических изменений и трансформаций в современном мире.

Многотомное издание «Политического атласа современности» (гл. ред. А.В. Торкунов, н. ред. А.Ю. Мельвиль, коллектив авторов), другие научные работы А.В. Торкунова, М.В. Ильина, А.Ю. Мельвиля, осуществляющиеся в тесном сотрудничестве с коллегами по кафедре, факультету, университету и другим научным центрам, позволили обогатить изучение темпоральных аспектов политики в целом, а мировой политики — в особенности⁴. Это, однако, ни в коей мере не привело к ослаблению внимания к пространственным аспектам политической организации. Лидерами данного направления стали: И.М. Бусыгина, в работах которой были обоснованы и развиты новые подходы в области политической географии и политической регионалистики⁵; и А.Д. Воскресенский, синтезировавший на основе нового концептуального осмысления пространственно-временных факторов мировой и региональной политики новое интегральное исследовательское направление «мировое комплексное регионоведение», соединившее международно-политическую и внутривнутриполитическую проблематику на основе оригинальной методологии

комплексного регионального анализа⁶. При этом разработкой методологических аспектов собственно геополитики занялся М.В. Ильин, а затем, уже в рамках неоклассической и критической геополитики, — И.М. Бусыгина и пришедший на Факультет в 2013 г. преподавателем молодой исследователь И.Ю. Окунев.

Логика такого развития политической мысли объяснялась тем, что в последние десятилетия в мировой политической науке становится плодотворным слияние комплексного регионоведения (*Comprehensive Regional Studies / Global Regional Studies / World Regional Studies*) и дисциплинарных (особенно политологических) исследований, с опорой прежде всего на методологическую базу политической науки. Практически во всех важных работах последнего времени синтетический подход на основе методологии политических наук трактуется как основополагающий, несмотря на существенные сложности при реализации и новые требования к подготовке специалистов, которые он налагает на университеты и институты учебного и исследовательского профиля: необходимость глубоких дисциплинарных (прежде всего — политологических) знаний и одновременно страноведческой и языковой подготовки. В основе этого научного синтеза нового типа лежат принципы «структурно-пространственного» («структурно-спатильного») анализа региональ-

⁴ Политические системы современных государств. В 4-т. / гл. ред. А.В. Торкунов, н. ред. А.Ю. Мельвиль. М. : Аспект Пресс, 2010–2014.

⁵ Бусыгина И.М. Политическая регионалика. М. : РОССПЭН, 2006 ; Бусыгина И.М. Политическая география. Формирование политической карты мира. М. : Проспект, 2010.

⁶ Воскресенский А.Д. Политические системы и модели демократии на Востоке. М. : Аспект Пресс, 2007 ; Мировое комплексное регионоведение / под ред. А.Д. Воскресенского. М. : Магистр Инфра-М, 2014 ; Практика зарубежного регионоведения и мировой политики / под ред. А.Д. Воскресенского. М. : Магистр, 2014.

но-странового материала, исходя из внутренней цивилизационно-географической и культурно-политической логики развития стран и регионов мира и одновременно общей динамики мирового политического развития. Это позволяет расположить и исследовать регионально-страновой материал в определенной «пространственной» (или «спатильной», если использовать политологический термин) системе координат⁷ и помогает выявить, в какой степени историко-культурные и этноконфессиональные особенности влияют на специфику эволюции и структурного функционирования политических систем обществ определенного типа в разных регионах мира. В России концептуализация этой проблематики в обобщенном и систематизированном виде была сделана в двух факультетских исследованиях, которые стали своеобразными содержательными вехами на этом новом направлении исследований⁸.

В целом за последние годы в России именно в рамках политологической школы МГИМО был сделан существенный шаг в разработке этого

направления как на научном, так и на образовательном уровне. За последние несколько лет российскими политологами-востоковедами А.В. Торкуновым, В.Я. Белокреницким, К.П. Боришполец, А.Д. Воскресенским, И.В. Кудряшовой были не только разработаны методологические принципы, но и развернута серия изданий научного и научно-образовательного типа⁹.

Сегодня стало очевидным, что теоретическое объяснение современных международных политических и экономических процессов не может считаться полным без регионального анализа, особенно в незападных регионах мира. Вместе с тем на протяжении достаточно длительного времени теоретическое осмысление особенностей регионов на Востоке с точки зрения комплексного международно-политического ана-

⁷ Современные международные отношения и мировая политика / отв. ред. А.В. Торкунов. М. : Просвещение, 2004 ; Воскресенский А.Д. Предмет и задачи изучения региональных подсистем международных отношений // Восток / Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений / под ред. А.Д. Воскресенского. М. : РОССПЭН, 2002. С. 3–14 ; Воскресенский А.Д. Региональные подсистемы международных отношений и регионы мира (к постановке проблемы) // Восток — Запад — Россия. М. : Прогресс-Традиция, 2004. С. 141–144.

⁸ Политические системы и политические культуры Востока / под ред. А.Д. Воскресенского. М. : Восток-Запад, 2006 ; Воскресенский А.Д. Политические системы и модели демократии на Востоке. М. : Аспект Пресс, 2007.

⁹ Восток / Запад. Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений / под ред. А.Д. Воскресенского. М. : РОССПЭН, 2002 ; Китай в мировой политике / отв. ред., вступит. слово — А.В. Торкунов; отв. сост. — А.Д. Воскресенский. М. : РОССПЭН, 2001 ; Северо-Восточная и Центральная Азия. Динамика международных и межрегиональных взаимодействий / под ред. А.Д. Воскресенского, отв. сост. и научн. ред. — А.Д. Воскресенский, К.П. Боришполец. М. : РОССПЭН, 2004 ; Политические системы и политические культуры Востока / под ред. А.Д. Воскресенского. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Восток-Запад: АСТ, 2007 ; Политические системы и политические культуры Востока / под ред. А.Д. Воскресенского. М. : Восток-Запад, 2006 ; Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии / под руковод. и с предисл. А.В. Торкунова, научн. ред.-сост. А.Д. Воскресенский. М. : МГИМО, 2007 ; Этнос и конфессии на Востоке: Конфликты и взаимодействие / отв. ред. А. Д. Воскресенский, сост. и научн. ред. В.Я. Белокреницкий, М.А. Сапронова. М. : МГИМО-Университет, 2005 ; Конфликты на Востоке: Этнические и конфессиональные / под ред. А.Д. Воскресенского. М. : Аспект Пресс, 2008 ; и др.

лиза заметно отставало от рассмотрения аналогичных процессов в Западном мире прежде всего потому, что основные концептуально-методологические новации сравнительного анализа рождались прежде всего в самом Западном мире, описывали реальность этого мира и прогнозировали эволюцию мирового развития в одной плоскости. Дело в том, что до конца XX в. превалирующим в мировых общественных науках было мнение о том, что параметры международной политической динамики едины для всего мира, а регионы и страны формируют международно-политическое взаимодействие «более низкого» уровня, фактически полностью идентичное по своим характеристикам глобальной системе. Однако подобный взгляд к концу XX в. столкнулся с невозможностью объяснить целый ряд сложных тенденций, связанных с регионализацией мирового политического пространства и новой динамикой странового развития некоторых крупных незападных или азиатских стран (страны группы БРИКС, к примеру) в XXI в. В этом контексте суть более широкой научной проблемы, вскрытой в факультетских исследованиях последних лет, заключается в разработке и применении в конкретном практическом анализе научно-теоретических принципов определения соотношения общих (общеполитических, структурных) и специфических (региональных / страновых) закономерностей политического развития, в частности и тех, которые объясняют отклонения от общих закономерностей или их искажение, своеобразие. Эта проблематика в последнее время становится международной, поскольку в ЕС и США появилась

серия новых исследований структурного характера, ориентированная на более глубокое и непредвзятое изучение «незападной» части мира.

Задача выявления специфики стран Востока через определение специфики политических культур, влияющей в свою очередь на специфику политических систем, и соответственно комплексный анализ политических процессов оказалась крайне сложной, а предметное поле исследований постоянно расширялось. Несмотря на то, что культурный фактор в объяснении структурной специфики развития Востока и Запада появляется уже в работах К. Маркса и М. Вебера, т.е. не является чем-либо совершенно новым в современных условиях, его влияние в объяснении с научной точки зрения специфики политических систем и политических процессов — непроторенная дорога. Однако решение этой проблемы важно для российского интеллектуального сообщества. Дело в том, что задачи, стоящие перед модернизирующейся Россией, не уникальны. Другие страны обращались к ним раньше, правда, по-своему и в другой последовательности, т.е. пути решения этих не уникальных по отдельности проблем являются уникальными в совокупности для каждой страны из-за ее специфики. Какова может быть методология адекватного использования иного, в частности и политического, опыта? Это особенно важно при ответе на вопрос о страновом своеобразии, которое может ускорять, а может и тормозить развитие конкретного государства. Применение чужого опыта (социальная, политическая и экономическая инженерия) может ускорять, а может останавливать

или даже направлять вспять эволюцию некоторых параметров развития, в частности, его политических и некоторых экономических характеристик, т.е. оно может как помогать модернизировать, так и архаизировать политическую и экономическую составляющую развития государств. Чтобы успешно развиваться и получать желаемый результат в развитии, а не стагнацию и возвратное движение, нужна качественно иная, более глубокая и разносторонняя научная подготовка как специалистов политического профиля в регионоведении и страноведении, так и профессионалов-политологов — в политическом востоковедении.

Дело в том, что существуют разные (успешные, проблемные или неуспешные) пути модернизации социально-экономической и социально-политической систем, которые приводят или не приводят к удачному завершению процесса осовременивания. Те страны, которые сумели найти свой путь, сохранили свою культурно-цивилизационную специфику и самобытность, обогатив опыт мирового развития, но при этом смогли сделать так, что эта специфика перестала становиться препятствием развитию, не только догнали Запад, но даже в некоторых случаях скорректировали путь мирового развития. Опыт этих стран чрезвычайно важен для России, которая, осознав в целом необходимость рационального решения социально-политических проблем, только вступает на путь действительно научно-го конструирования модели развития, ориентированной на осовременивание, развитие и одновременно плодотворно и рационально использующей опыт других стран.

Публикация первых исследовательских результатов компаративного исследования стран Незапада / Востока вскрыла совершенно новое исследовательское поле, которое для академического и практического сообщества (преподавательского корпуса и политических аналитиков) России оказалось малоизвестным, поскольку до этого в России издавались в основном только справочники по политическим системам мира, большая часть из которых была к тому же подготовлена вне нашей страны¹⁰. В этих справочниках проблематика постулировалась, но не анализировалась либо анализ был оторван от реалий Востока. Очень скоро появилось новое, частично адаптированное к задачам учебного процесса и переработанное издание¹¹. Далее была подготовлена авторская монография, ставшая основой дальнейшей концептуализации проблематики и одновременно учебным пособием для курсов политологического и политико-регионоведческого профиля, апробировавшихся в течение 8 лет на факультетах МГИМО-Университета, а также и других вузов Москвы¹². Она стала основой нового концептуально и фактографически об-

¹⁰ Первыми масштабными аутентичными отечественными исследованиями на этом направлении являются упомянутые книги проекта «Политические системы современных государств» (Политические системы современных государств. Энциклопедический справочник: в 4 т. / гл. ред. А.В. Торкунов. М.: МГИМО, 2009–2014) и проекта «Политические системы и политические культуры Востока».

¹¹ Политические системы и политические культуры Востока / под ред. А.Д. Воскресенского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Восток-Запад: АСТ, 2007.

¹² Воскресенский А.Д. Политические системы и модели демократии на Востоке. М.: Аспект Пресс, 2007.

новленного исследования политических систем и политических процессов на Востоке, получившего в 2008 г. новый заголовок «Восток и политика».

Исследование «Восток и политика» было подготовлено расширенным коллективом авторов на базе Факультета политологии и Факультета международных отношений в инновационном жанре научно-методического комплекса. Оно подробно раскрывает методику использования исследовательского материала для подготовки, проведения учебных занятий и выработки профессиональных компетенций. Это издание обладает двумя грифами УМО — по международным отношениям и политологии — довольно редкий случай для исследований по политологической проблематике. Некоторые концептуальные положения этой книги были вынесены на международную дискуссию семинаров Института демократии и сотрудничества проекта «Демократия в российском зеркале», проходивших в Нью-Йорке в ноябре 2009 г. и в Москве в МГИМО в мае 2010 г. Обсуждение методологических и теоретических положений проблематики культурно-политической специфики в кругу таких политологов, как А. Пшеворски, А.М. Миграян, Дж. Данн, Дж. Форджен, П. Паскино, Х.М. Мараваль, Я. Шапиро, Б. Макаренко, С. Холмс, А.Ю. Мельвиль, В. Соловей, придало более глубокое измерение анализу политических процессов. Сама дискуссия привела к появлению уникального международного исследования «Демократия в российском зеркале» (М. : МГИМО-Университет, 2013), изданного в России в МГИМО и планирующегося к выпуску в свет в 2015 г. одним из крупнейших

издательств мира «Кэмбридж Юниверсити Пресс» (*Cambridge University Press*).

Книги «Политические системы современных государств», «Восток и политика: политические системы, политические культуры, политические процессы», «Конфликты на Востоке»¹³, «Восток в мировой политике»¹⁴ фактически составили сердцевину осовогоременного нового предметного поля на стыке политологии и регионоведения¹⁵, а уникальное издание «Демократия в российском зеркале» подвело содержательный итог мировым исследованиям демократических процессов последних лет во всем мире. Вопросы прежде всего практического характера, поднятые в этих книгах, были инкорпорированы не только в общую политологическую проблематику учебного и научного характера (предметное поле сравнительной политологии), но и в учебное (по направлениям «политология» и «зарубежное

¹³ Политические системы современных государств. В 4-т. / гл. ред. А.В. Торкунов, н. ред. А.Ю. Мельвиль. М. : Аспект Пресс, 2010–2014 ; Конфликты на Востоке: этнические и конфессиональные / под ред. А.Д. Воскресенского. М. : Аспект Пресс, 2008.

¹⁴ Воскресенский А.Д., Белокриницкий В.Я., Лунев С.И. и др. Восток в мировой политике // Сравнительная политика. 2010. № 2 (специальный выпуск) / гл. ред. А.Д. Воскресенский; под ред. А.Д. Воскресенского и Д.В. Стрельцова.

¹⁵ Стрельцов Д.В., Лунев С.И., Колдунова Е.В. Политология Востока в МГИМО: Что сделано за последние годы и куда двигаться дальше // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 3–4. С. 168–179 ; Политологическая школа // МГИМО-Университет. Традиции и современность (1944–2009) / под общ. ред. академика РАН А.В. Торкунова. М. : Московские учебники, 2009 ; Стрельцов Д.В., Лунев С.И., Колдунова Е.В. Политология Востока в МГИМО-Университете // Сравнительная политика. 2010. № 2. С. 120–129.

регионоведение») и складывающееся новое комплексное научное направление в науке о международных отношениях и политологии, получившее название «мировое комплексное регионоведение»¹⁶. Таким образом, политологическая проблематика западного и незападного профиля во всей ее сложности и применительно к новому этапу развития нашего мира была введена в предметное поле науки о международных отношениях в те ее разделы, которые получили название «мировая политика и мировое комплексное регионоведение», в частности в теоретические разделы и мирополитическую проблематику, прежде всего по проблемам соотношения общих закономерностей и специфики политических систем, а также специфики влияния внутривнутриполитической проблематики на внешнеполитическую, что позволяет обеспечить не только более широкий и непредвзятый взгляд на мировое развитие, но и углубить практическое понимание современных международных процессов.

Изучением политических институтов и политических идеологий стала заниматься О.Г. Харитоновна, другими аспектами этой проблематики — пространственными аспектами политической организации — в той или иной мере занимаются и другие политологи МГИМО. В первую очередь это касается исследования политики отдельных стран и регионов. Так, Е.Г. Пономарева изучает Балканы и, шире, политику посткоммунистического про-

странства¹⁷, И.В. Кудряшова исследует политику Ближнего Востока и исламского цивилизационного пространства, А.В. Лукин (в настоящее время начальник департамента ВШЭ, бывший проректор Дипломатической академии) — Дальнего Востока, А.Г. Володин (в настоящее время перешедший в Дипломатическую академию) — регионов, примыкающих к Южной Азии, С.М. Хенкин — иберийские и ибероамериканские регионы, А.А. Байков занимается сравнительным структурно-пространственным анализом европейской и азиатской интеграции, Е.В. Колдунова концентрируется на Юго-Восточной Азии, А.А. Киреева — на Восточной Азии в целом.

Не менее результативным стало изучение отечественной политики. На наиболее актуальных ее аспектах, на изучении текущих политических процессов в сравнительной перспективе сосредотачивают свое внимание и усилия многие исследователи. В результате компаративных исследований обогатилось научное понимание элитообразования, электоральных процессов, становления партийной системы в России (О.В. Гаман-Голутвина и др.). Компаративному изучению отечественной политической традиции немало сил отдают Ю.С. Пивоваров, О.В. Гаман-Голутвина¹⁸.

В ноябре 2012 г. в МГИМО-Университете состоялся VI Всероссийский конгресс политологов, организован-

¹⁶ Мировое комплексное регионоведение / под ред. А.Д. Воскресенского. М. : Магистр, 2014; Практика зарубежного регионоведения и мировой политики / под ред. А.Д. Воскресенского. М. : Магистр, 2014.

¹⁷ Пономарева Е.Г. Новые государства на Балканах. М. : МГИМО-Университет, 2010.

¹⁸ Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М. : РОССПЭН, 2006; Политическое управление и публичная политика XXI века: государство, общество и политические элиты / ред. О.В. Гаман-Голутвина. М. : РОССПЭН, 2008.

ный Российской ассоциацией политической науки. Президентом РАПН к этому времени на второй срок была выбрана заведующая кафедрой сравнительной политологии д.полит.н. профессор О.В. Гаман-Голутвина. Шестой конгресс стал самым многочисленным и представительным национальным конгрессом специалистов в области политической науки — исследователей, аналитиков, экспертов, консультантов и преподавателей. Из 1324 зарегистрированных участников 721 человек выступили с докладами и сообщениями, участвовали в их обсуждении. На конгрессе были представлены более 65 регионов России, 17 институтов РАН и РАО, 102 государственных университета и академии, более 30 негосударственных учебных заведений, аналитических центров, а также Международная ассоциация политической науки (МАПН), Европейский консорциум политических исследований, ряд национальных политологических ассоциаций, университетов и научных центров из 33 зарубежных стран. В ходе конгресса было проведено 186 заседаний, в том числе 17 заседаний по основной теме конгресса, 67 — по основным направлениям политической науки, 24 специальных заседания, 15 круглых столов, прочитаны 3 пленарные лекции. Прошли презентации книг (14), журналов (3), проектов (8), 23 заседания исследовательских комитетов (ИК) и инициативной группы по созданию ИК РАПН.

Стержнем научных дискуссий на конгрессе стал анализ проблем позиционирования России в глобальном мире, ее конкурентных преимуществ, соотношения внутренней и внешней политики. Большое внимание было уделено

обсуждению политики модернизации (развития) и политических условий ее осуществления в нашей стране и в других регионах мира.

Основная тема конгресса помимо пленарных заседаний развивалась на секциях, специальных заседаниях и «круглых столах». Анализировались стратегические ресурсы политической конкурентоспособности в глобальном мире, оценка мирового образа России, глобальное политическое управление и место в нем России, трансформация современного государства, ассоциаций гражданского общества, политических партий, роль бизнеса в политике и его взаимодействие с государством и гражданским обществом, новые угрозы и риски политического развития, включая терроризм, глобальное сотрудничество в вопросах безопасности. Проблемы социокультурного многообразия современного мира и возможности политического управления, политическая идентичность, проект модернизации России как гражданская инициатива и вопросы социального неравенства и борьбы за справедливость также заняли заметное место в дискуссиях на конгрессе¹⁹.

Содержательно научно-исследовательская и педагогическая деятельность по сравнительной политологии и политической компаративистике организована в МГИМО в виде трех концентрических кругов, позволяющих фокусировать или расширять интересы преподавателей и студентов в рамках единого поля изучения внешних и внутренних факторов политических изменений различных масштабов. Кроме

¹⁹ URL: <http://rapn.ru/in.php?part=in&gr=1594&d=4216&n=35&p=0&to=congresses>

зоны сравнительного мирополитического анализа, где так или иначе пересекаются интересы всех членов Кафедры сравнительной политологии, более широкий круг образуют изучение политической модернизации и сравнительный анализ различных вариантов, связанных с модернизацией политических трансформаций, включая и процессы глобализации. Соответствующая проблематика находится в сфере научных интересов О.В. Гаман-Голутвиной, М.В. Ильина, И.В. Кудряшовой, С.М. Хенкина. Самый широкий круг научных интересов составляет проблематика политического развития в широком историческом и эволюционном диапазоне. Основы изучения данных направлений заложены М.В. Ильиным, В.М. Сергеевым, М.Г. Миронюком и другими исследователями в тот период их научно-образовательной деятельности, который был непосредственно связан с МГИМО.

Специфический компаративистский подход в русле общей политологической школы МГИМО основан на выработке общего научного языка, методологических подходов, универсальных исследовательских приоритетов в условиях чрезвычайно быстрых и драматических изменений современного политического процесса. Основные направления компаративистской школы МГИМО в рамках кафедры сравнительной политологии (и шире, чем в кафедральных разработках) включают исследования методологических проблем сравнительной политологии; форм, типов и основных инструментов сравнительных исследований; политических культур, систем и режимов, систем правления и режимов, феномена поли-

тического лидерства, а также зон динамичного, наверстывающего и проблемного развития.

На кафедре сравнительной политологии — в основном центре политической компаративистики МГИМО — сосуществуют два исследовательских направления. Одно из них ориентировано на выявление структурных аспектов политических трансформаций, в рамках другого фокусируется внимание на ориентации и поведении непосредственных участников политических процессов. Эти исследовательские парадигмы в значительной степени отражают противостояние двух основных подходов мировой политической науки к изучению проблемы причинности в политических изменениях — системного, акцентирующего внимание на роли структурных факторов, и функционального, изучающего деятельность участников политического процесса. Новация школы политической компаративистики МГИМО заключается в активном поиске общей теоретико-методологической матрицы исследований. В своих трудах политологи-компаративисты МГИМО развивают и формируют различные аспекты универсальных, кластерных (страновых и региональных) и казусно-ориентированных сравнений. Таким образом, специфика и уникальность школы политической компаративистики МГИМО — в органической интеграции изучения внутривнутриполитических и внешнеполитических процессов и явлений. Компаративистский анализ политических институтов и процессов в разных странах мира происходит через призму внешних, международных факторов. И, наоборот, при анализе мировых про-

цессов особое внимание уделяется изучению внутренних характеристик тех или иных стран.

Усилиями преподавателей кафедры были реализованы масштабные политико-компаративные проекты, в том числе «Политический атлас современности» (рук. А.Ю. Мельвиль); проекты с активным международным участием «Политические элиты в старых и новых демократиях» (рук. О.В. Гаман-Голутвина, А.П. Клемешев), «Административные реформы в контексте властных отношений: Опыт постсоциалистических трансформаций в сравнительной перспективе» (рук. О.В. Гаман-Голутвина, А.Н. Олейник), «Средства массовой коммуникации в посткоммунистических странах» (совместно с Университетом в г. Фрибур, Швейцария, рук. О.В. Гаман-Голутвина, М. Дычок). При активном участии преподавателей кафедры СП была издана серия монографий в серии книг «Библиотека Российской ассоциации политической науки (РАПН)». И это не случайно, так как в подготовке к изданию результатов научно-исследовательских проектов РАПН, выполненных при активном участии кафедры СП, задействован ряд руководителей ассоциации прошлых лет (Ю.С. Пивоваров, М.В. Ильин, О.Ю. Малинова), а возглавляет кафедру действующий президент РАПН О.В. Гаман-Голутвина.

Школа сравнительной политологии МГИМО — это одновременно и социальный феномен, объединивший представителей всех наиболее значимых отраслей политологического знания, что дает возможность сочетать сложившийся в МГИМО творческий потенциал и практические возможности ре-

ализации научных идей, ставит школу политологической компаративистики в один ряд с признанными в мире центрами изучения сравнительной политологии и делает ее «законодательницей моды» в своей области в России. Отличительная черта, подчеркивающая уникальность компаративистской школы МГИМО, — успешное сочетание глубоких теоретических исследований с практическим участием в политике. Профессорско-преподавательский состав активно взаимодействует с Администрацией Президента, Государственной Думой, Советом Федерации, МИДом, Дипломатической академией МИД РФ, Правительством г. Москвы и властными структурами многих регионов России. На систематической основе политологи привлекаются к консультированию, разработке аналитических записок и докладов по актуальным проблемам современной политики. Таким образом, на базе школы компаративных политологических исследований происходит соединение фундаментальных и теоретических научных разработок с практикой современной политики, что придает особый статус и значение компаративистике в современной России.

Изучение проблем политической теории традиционно занимало в рамках МГИМО одно из важных мест, однако вычленив политико-теоретическую проблематику как одно из магистральных направлений научных исследований удалось в полной мере лишь после создания на Факультете кафедры политической теории. Приход видных специалистов в области политической теории (Т.А. Алексеевой, Г.Г. Водолазова, В.И. Пантина, позднее А.М. Салмина, Б.Г. Капустина и др.), а затем появление

молодых, быстро растущих профессионально и административно специалистов (Я.И. Ваславский и др.) ознаменовали собой новый импульс к разработке проблем политической теории и философии²⁰. В центре внимания кафедры оказались в первую очередь проблемы онтологии, эпистемологии и методологии политических и международных исследований. Отчасти результаты проделанной работы нашли свое воплощение в теоретических главах учебника «Современные международные отношения» под ред. А.В. Торкунова и А.В. Мальгина²¹, учебном пособии «История политических учений» для аспирантов, подготовленном совместно с преподавателями Саратовского государственного университета (Т.А. Алексеева, А.А. Чанышев)²²; «Россия в новом веке: внешнеполитическое измерение» (Т.А. Алексеева, А.П. Минеев²³) и др. Во-вторых, важным направлением стала разработка концептуальных оснований взаимоотношений между бизнесом и государством (в английской терминологии — *GR, government relations*). Этим сравнительно новым направлением в отечественной политической науке и практике на Факультете занимаются сотрудники двух кафедр — политической

теории и государственно-частного партнерства. Проблемам GR был посвящен целый ряд статей (А.Д. Богатуров, А.А. Дегтярев²⁴ и др.).

Изучение сравнительной политологии и политической теории в рамках политологической школы МГИМО привело к складыванию эпистемологического комплекса, включающего три уровня познания политического: политико-философский, политико-теоретический и, наконец, эмпирический, или прикладной. Такая направленность научных исследований вполне логична и позволяет избежать двух основных «опасностей», нередко мешающих развитию отечественной политологии, — тенденций к излишней абстракции, схоластике, с одной стороны, и к увлечению фактологией и первичным уровнем обобщений, с другой, не позволяющему подняться до необходимого теоретического осмысления политических процессов и явлений. Одновременно сразу же была поставлена задача выхода на уровень междисциплинарных исследований. Одним из важнейших направлений в данной области стала разработка проблем истории политической мысли, как отечественной, так и зарубежной. Этим направлением занимается академик РАН Ю.С. Пивоваров, создавший оригинальную школу историко-политических исследований²⁵.

²⁰ Водолазов Г.Г. Между реакцией и революцией. Гуманистическая идея в русской истории. М. : РГГУ, 2013.

²¹ Современные международные отношения : учебник / под ред. А.В. Торкунова и А.В. Мальгина. М. : Аспект-пресс, 2013.

²² История политических учений / под ред. А.И. Демидова. М. : Изд-во «Норма — ИНФРА-М», 2013.

²³ Россия в новом веке: внешнеполитическое измерение : сборник материалов заседаний Экспертного совета Комитета Совета Федерации по международным делам. М. : Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, 2013.

²⁴ Корпоративное управление и социальная ответственность бизнеса / под ред. Е.Б. Завьяловой, В.Б. Кондратьева (А.А. Дегтярев). М. : МГИМО-Университет, 2013 ; Россия в глобальном мире: институты и стратегии политического взаимодействия (А.А. Дегтярев) / под ред. Л.Е. Ильичевой. М. : Аналитик. 2012.

²⁵ Пивоваров Ю.С. Политическая культура пореформенной России. М. : ИНИОН, 1994 ; Пивоваров Ю.С. Очерки истории русской общественно-политической мысли XIX — первой трети XX столетия. М. : ИНИОН, 1997 ;

А.А. Чанышев выступил в роли научного редактора собрания сочинений А. Шопенгауэра в шести томах, он автор популярного в стране учебника «История политических учений»²⁶. Логичным развитием этой же линии стал учебник Т.А. Алексеевой «Современные политические теории»²⁷. Научная и преподавательская общественность России дала высокую оценку этим работам, отметив их высокий профессиональный и научно-теоретический уровень.

Вместе с тем очевидно, что знание новейших тенденций в политической теории за рубежом отнюдь не означает автоматического переноса выводов и заключений, полученных на ином, зачастую чуждом российскому менталитету и традициям, материале. Отсюда следует важный методологический принцип политологической школы МГИМО и ее политико-теоретического исследовательского направления — конструктивно и одновременно критически подходить к выводам зарубежной политической науки, обогащать знание российских реалий за счет основательной проработки зарубежного опыта, опираться на богатейшую российскую традицию политической мысли, сочетая преемственность и инновации.

Одно из наиболее важных мест в исследовательских программах направ-

ления политической теории в рамках политологической школы МГИМО занимает разработка методологических проблем²⁸. Не менее значима и разработка методологических принципов политической философии как самостоятельной области познания политического. Через Виртуальную мастерскую журнала «Полис», то есть фактически вокруг политологической школы МГИМО, удалось создать группу увлеченных, преимущественно молодых политических философов из разных городов России (около 30 человек), силами которой были проведены «мозговые штурмы» по таким проблемам, как «Свобода и справедливость в современном мире», «Политическое насилие», «Власть и авторитет», «“Публичное” и “частное”: где граница политического?». Статьи и эссе как политологов МГИМО, так и более широкого круга молодых исследователей, которые интеллектуально тяготеют к мгимовской политологической школе, систематически публикуются на страницах основных политологических журналов России — «Полис», «Политическая наука», «Сравнительная политика», «Международные процессы», которые интеллектуально формируются политологической школой МГИМО, тем самым внося вклад в развитие отечественного научного сообщества в области политической науки в широком, но методологически корректном ее понимании.

Россия: опыт революций и современность / гл. ред. Ю.С. Пивоваров. М., 1998 ; Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. «Русская Система» как попытка понимания русской истории // Полис. 2001. № 4.

²⁶ Чанышев А.А. История политических учений. Классическая западная традиция (античность — первая треть XIX века). М. : РОССПЭН, 2000.

²⁷ Алексеева Т.А. Современные политические теории. М. : РОССПЭН, 2000.

²⁸ См., напр.: Салмин А.М. Современная демократия: очерки становления. М. : Ad Marginem, 1997; Дегтярев А.А. Основы политической теории. М. : Высшая школа, 1998; Соловьев А.И. Политология: политическая теория, политические технологии. М. : Аспект Пресс, 2000; Алексеева Т.А. Справедливость как политическая концепция. М. : МОНФ, 2001.

Еще один методологический принцип, которым руководствуются исследователи-политологи МГИМО, о котором уже частично упоминалось выше, — это преодоление разрыва между изучением внутренней и внешней политики, т.е. проведение исследований на стыке политической теории, сравнительной политологии и политической теории международных отношений. Речь, разумеется, не идет об автоматическом переносе эпистемологических принципов политической теории, политической философии или сравнительной политологии на международную сферу, а скорее — о попытке выработать новый инструментарий анализа и понимания международно-политических процессов, опирающийся на более сильную, чем это принято широко распространенном социологическом подходе, политико-теоретическую основу. Этот подход получил свое обоснование в статьях и книгах Т.А. Алексеевой, А.И. Никитина, Н.А. Косолапова и др. При этом собственно мирополитические аспекты этой проблематики, включая ее теоретическую проработку, были глубоко исследованы А.Д. Богатуровым, А.Д. Воскресенским, М.М. Лебедевой, Т.А. Шаклеиной.

Еще одним элементом в развитии политологической школы МГИМО стало исследование и построение на прочном политико-теоретическом фундаменте проблематики, связанной с политическим анализом, в том числе и политическим анализом международных отношений, а также с мировой политикой. Международно-политическая ипостась этой проблематики разрабатывалась в трудах А.Д. Богатурова, М.А. Хрусталева, А.Д. Воскресенско-

го, Т.А. Шаклеиной и ныне развивается молодыми исследователями А.А. Байковым, Е.В. Колдуновой, И.А. Истоминым, А.А. Сушенцовым, А.А. Киреевой. Особенностью данного направления является его концептуальная и дисциплинарная инновационность, а также научная работа на стыке политологии и международных отношений.

Мировая политика — научная и учебная дисциплина политологического профиля, которая возникла относительно недавно, в последней четверти XX столетия. Мировая политика составляет существенный, но не единственный исследовательский сегмент мирополитической проблематики, предметного поля науки о международных отношениях, допускающей применение междисциплинарных подходов, а также применение методологии исторического исследования. Мировая политика занимается изучением складывающейся в современных условиях политической системы мира, а также традиционных и новых акторов, характера и специфики мирополитических процессов. Возникнув на стыке сравнительной политологии, международных отношений, политической теории и других дисциплин, мировая политика продолжает «взаимодействовать» с ними, следя за новыми идеями, фактами и гипотезами, которые появляются в смежных областях. В свою очередь политическая компаративистика (как отмечалось выше) начинает осваивать область сравнительной мировой политики²⁹, в частности в том предметном сегменте, который концен-

²⁹ Алексеева Т.А. Внешнеполитический процесс. Сравнительный анализ : учебное пособие для студентов вузов / Т.А. Алексеева, А.А. Казанцев. М. : Аспект Пресс, 2012.

трируется на выявлении связей между мировой, внешней и внутренней политикой, а политическая наука в целом — по крайней мере с точки зрения методологии — включает теперь региональную проблематику и исследование процессов формирования макрорегиональных комплексов (мировое комплексное регионоведение).

В России именно МГИМО стал ведущим центром формирования мировой политики и комплексных региональных исследований (мировое комплексное регионоведение) как научных и учебных дисциплин (направления «международные отношения» и «зарубежное регионоведение»). Особая роль МГИМО, и в частности его политологической школы, на этих направлениях обусловлена рядом обстоятельств. Во-первых, МГИМО занимается подготовкой кадров для внешнеполитических ведомств, прежде всего Министерства иностранных дел. Во-вторых, мирополитические исследования во многом междисциплинальны, но при этом как бы «нанизаны» на «стержень» политического анализа. В МГИМО образовательная и научно-исследовательские стратегии всегда включали значительные междисциплинарные компоненты. В этом смысле проблематика и исследовательские подходы в области мировой политики и зарубежного регионоведения закладывались в МГИМО в том числе и предшествующими поколениями.

В значительной мере проблематика мирополитических исследований исторически стала кристаллизоваться в аналитических разработках Проблемной научно-исследовательской лаборатории системного анализа международных отношений под руко-

водством И.Г. Тюлина. В фокусе внимания проводимых в ПРОНИЛ работ оказались необычные для отечественных международных исследований вопросы — вопросы методологии и теории, методов исследования, в том числе и количественных методов анализа, международных переговоров, сравнительного изучения региональных конфликтов, т.е. тех аспектов, которые впоследствии составили проблематику мирополитического направления (мировая политика и мировое комплексное регионоведение).

Внимание к методам изучения международных отношений пронизывало всю деятельность ПРОНИЛ. Именно в Лаборатории впервые в отечественных международных исследованиях стали применяться такие методы, как ивент-анализ, когнитивное картирование, что нашло отражение в сборнике, подготовленном ПРОНИЛ еще в 1982 г. «Аналитические методы в исследовании международных отношений» под ред. И.Г. Тюлина и М.А. Хрусталева, а также в ряде других публикаций. Результаты исследований использовались для изучения и текущих проблем международных отношений, в том числе и их региональных аспектов. Работы по международным переговорам, проводимые в ПРОНИЛ В.Б. Луковым, М.М. Лебедевой, О.М. Ковалевой, Ан.В. Загорским, внесли существенный вклад, пожалуй, не только в отечественную науку, но и в мировую, что отмечали даже зарубежные исследователи³⁰.

³⁰ См., в частности: *Assumptions and Perceptions in Disarmament* / ed. by D.Frei. N.Y. : United Nations Publication, 1984 ; Bennet P.R. *Russian Negotiating Strategy: Analytic Case Studies from SALT and START*. N.Y. : Nova Science Publishers, 1997.

Исследование предметного поля мировой политики стало привлекать к себе интерес и вызывать жаркие споры после оживленной научной полемики, разгоревшейся в 2004 г. на страницах журналов «Международные процессы», «Полис», в которых выступили А.Д. Богатуров, М.В. Ильин, О.Н. Барабанов, М.М. Лебедева, Д.М. Фельдман, П.А. Цыганков и др. Результат этой дискуссии был плодотворен, так как в области мировой политики выявилось несколько лидирующих национальных направлений, при этом мирополитическое поле исследований расширилось. Сегодня оно включает в себя не только традиционную проблематику, но и множество других проблем современного развития мира. В рамках методологически и предметно «расширенного» поля мирополитических исследований работают А.В. Торкунов, А.Д. Богатуров³¹, А.Д. Воскресенский, Т.А. Шаклеина³², М.М. Лебедева, В.Б. Кувалдин, В.М. Кулагин и другие политологи-международники. В.Б. Кувалдин в период его работы в МГИМО разрабатывал идею об объединении человечества в современных условиях в единое целое и формировании мегаобщества, В.М. Кулагин — идею многомерности процесса глобализации, идеи увязки процесса глобализации с другими тенденциями мирового развития. В фокусе внимания В.М. Кулагина оказалась также гипотеза демократического мира, согласно которой развитые демокра-

тии не воюют друг с другом. Ему принадлежит наиболее подробная разработка этой гипотезы в отечественной науке. Не будет преувеличением сказать, что российский читатель знаком с гипотезой демократического мира во многом благодаря работам именно В.М. Кулагина.

Уникальным исследовательским продуктом на этом направлении, практически не имеющим аналогов, стало фундаментальное исследование «Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии» (общ. ред. и рук-во — А.В. Торкунов, н. ред.-сост. — А.Д. Воскресенский). Позднее А.Д. Воскресенский и Т.А. Шаклеина сконцентрировались на выявлении характеристик региональных подсистем мира, а Е.В. Колдунова, А.А. Байков, А.А. Киреева — на сравнительном анализе региональных подсистем, включая углубленный анализ конкретных региональных подсистем. Политологи МГИМО нашли и ракурсы рассмотрения проблем как глобализации: глобализация и образование (О.Н. Барабанов), разрыв между «Севером» и «Югом» в условиях глобализации (К.П. Боришполец), глобальное управление и глобальное сотрудничество (О.Н. Барабанов), так и регионализации международных отношений (А.Д. Воскресенский, Т.А. Шаклеина, А.А. Байков).

Отдельным мощным направлением исследований мировой политики стал анализ собственно политической системы мира³³. Эта проблема на долгое время стала центральной в иссле-

³¹ Богатуров А.Д. Современная мировая политика. Прикладной анализ / под ред. А.Д. Богатурова. М. : Аспект Пресс, 2009.

³² Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке / под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. М. : Аспект Пресс, 2013.

³³ Лебедева М.М. Школа кафедры мировых политических процессов МГИМО (У) // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 6 (154). С. 93–102.

дованиях кафедры мировой политики. Надо отметить, что если понятие «политическая система» является традиционным для политологов и относится к уровню национального государства, то теми, кто изучает мировую политику и международные отношения, оно не использовалось. Требовалось обосновать наличие современной политической системы мира, в основу которой легли принципы Вестфальского мира 1648 г. Эта проблематика получила отражение в ряде работ М.М. Лебедевой, О.Н. Барабанова, Д.М. Фельдмана, позже — Ю.А. Никитиной и других политологов-международников Факультета. В этих работах были выделены структурные единицы политической системы мира, проанализированы государственные и негосударственные участники международных отношений. Негосударственные участники международных отношений фактически ранее не исследовались отечественными аналитиками. Это было обусловлено тем, что слишком сложным в теоретическом плане представлялось сравнение столь различных действующих лиц на мировой арене. Поэтому политологи Факультета сосредоточили свое внимание на теоретических аспектах анализа негосударственных акторов, таких как ТНК, крупные города, НПО, СМИ, РПЦ и др. Они получили разработку в исследованиях С.А. Афонцева, П.И. Касаткина, И.А. Сафранчука.

Традиционные для международных исследований проблемы безопасности в контексте мировой политики приобретают специфическое звучание. На первый план вышли проблемы изменения повестки дня в области безопасности, появления новых вызовов и

угроз, взаимосвязи процессов безопасности и сотрудничества, формирования режимов безопасности, в связи с террористическими актами по-новому звучала проблема нераспространения ядерного оружия. Эти вопросы освещались в трудах В.М. Кулагина³⁴, а также работах Т.В. Юрьевой, И.А. Ахтамзяна, В.Е. Петровского. Проблемами терроризма занимаются И.В. Кудряшова, С.С. Веселовский.

Пограничная с темой безопасности проблематика — конфликты и их урегулирование в современном мире — также в центре внимания исследователей мировой политики. Изучением конфликтов изначально занимались М.А. Хрусталева, А.С. Кожемяков, Ш.З. Султанов, К.П. Боришполец, С.И. Лобанов. Монографии и научные работы на эту тему написали М.М. Лебедева и Д.М. Фельдман. Анализируются различные аспекты конфликтов — соотношение силовых и политических методов их разрешения (Д.М. Фельдман), посреднические и переговорные процедуры урегулирования конфликтов (М.М. Лебедева), особенности и возможности современного миротворчества (А.И. Никитин), вопросы гуманитарной интервенции и конфликтов в конкретных региональных подсистемах (О.Н. Барабанов, А.В. Худайкулова, И.А. Истомин), роль национализма (К.П. Боришполец³⁵). Истоки открывающегося на Факультете политологии в 2014 г. нового научно-образовательного направления «Конфликтология и обще-

³⁴ Кулагин В.М. Международная безопасность. М. : Аспект Пресс, 2006.

³⁵ Боришполец К.П. Национальное измерение глобального мира / К.П. Боришполец. М. : Навона, 2009.

ственная дипломатия» были заложены именно в этих давних работах политологов-мгимовцев.

Ученые, работающие на мирополитическом направлении, также уделяют внимание международной политической экономии (С.А. Афонцев). Другая область мировой политики связана с изучением новых коммуникационных и информационных технологий (А.В. Крутских, Е.С. Зиновьева). Также из относительно новых тем молодым исследователем П.И. Касаткиным разрабатывается проблема взаимодействия государства и религиозных акторов в мировой политике, М.В. Харкевичем — проблематика исследовательских культур в области мировой политики, И.А. Истоминым — мировая система внешнеполитической экспертизы, Ю.А. Никитиной и И.В. Болговой — проблемы интеграции постсоветского пространства (международные и военные аспекты).

В настоящее время предметно и методологически «расширенная» проблематика мирополитических исследований исследователями и педагогически концентрируется на отделении мировой политики Факультета политологии, в то время как профилизация и исследовательско-аналитическая специализация обеспечивается соответствующими кафедрами отделения: кафедрой мировых политических процессов (заведующая М.М. Лебедева) и кафедрой прикладного анализа международных проблем (заведующая Т.А. Шаклеина). Тем самым соблюдается, с одной стороны, соответствие международным нормам (мирополитические исследования традиционно практически во всех университетах мира находятся именно на факультетах политологии), с дру-

гой стороны, номенклатура мирополитической проблематики расширена методологически и предметно и включает востребованное практико-ориентированное направление международной внешнеполитической экспертизы. Тем самым на практике восполняется пробел между теорией международных отношений, теоретическим объяснением процедуры мирополитического анализа и практикой самого анализа. Публикации по профилю международно-политической экспертизы получили развитие в работах таких специалистов-политологов, как М.А. Хрусталева, А.Д. Богатурова, Т.А. Шаклеина, А.А. Байкова и др.³⁶ Кроме этого, и исследователями мирополитического направления (Т.А. Шаклеиной³⁷, М.М. Лебедевой³⁸, В.М. Кулагиным, К.П. Боришполец, А.А. Байковым, И.А. Истоминым и др.) подготовлен целый ряд учебни-

³⁶ Введение в прикладной анализ международных ситуаций / под ред. Т.А. Шаклеиной : учебник. М. : Аспект Пресс, 2014 ; Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке / под ред. Т.А. Шаклеиной и А.А. Байкова : учебник. М. : Аспект Пресс, 2013 ; Ситуационные анализы. Выпуски 1–3 / под ред. Т.А. Шаклеиной : учебное пособие. М. : МГИМО, 2011, 2012, 2013 ; Хрусталева М.А. Методология прикладного политического анализа. Курс лекций. М. : МГИМО-Прспект, 2010 ; Хрусталева М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии. М. : НОФМО, 2008 ; Шаклеина Т.А. Россия и США в мировой политике : учебное пособие. М. : Аспект Пресс, 2012 ; Международные отношения в Центральной Азии : учебное пособие / под ред. А.Д. Богатурова М. : Аспект Пресс, 2011 ; Современная мировая политика. Прикладной анализ : учебное пособие / под ред. А.Д. Богатурова. М. : Аспект Пресс, 2010.

³⁷ Введение в прикладной анализ международных ситуаций / под ред. Т.А. Шаклеиной. М. : Аспект Пресс, 2014.

³⁸ Лебедева М.М. Мировая политика : учебник для бакалавров. М. : Кнорус, 2013.

ков и учебных пособий, обеспечивающих полный цикл и исследовательско-педагогическую профилизацию подготовки эксперта-международника. На стадии магистерской подготовки по мировой политике студенты приобретают дополнительные компетенции в сфере стратегического анализа процессов формирования конкурентной международной среды, а также углубленные навыки прикладного анализа, связанные с освоением специализированных информационно-аналитических методик, элементов количественного анализа (теоретико-игровой подход), а также использования современных информационно-электронных средств обработки данных и технологий построения визуализированных презентаций полученных результатов.

Следующая ступень подготовки специалистов в мирополитической области предоставляет возможность дальнейшего совершенствования профессиональных навыков и участия в развитии аналитических методик во время обучения в аспирантуре и участия в учебной работе университета, а также участия в конкурсах и проектах в рамках сотрудничества МГИМО-Университета с МИД России, Советом Безопасности РФ, Российской академией народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) при Президенте РФ, ведущими институтами РАН и университетами РФ, а также с зарубежными университетами (Джорджтаунский университет и Университет Джонса Гопкинса, США, и др.). Таким образом, сформировано направление профессиональной специализации, осуществляется серьезная профессиональная подготовка, открывающая широкие возможности получения работы для мо-

лодых специалистов в разных государственных и научных ведомствах, в бизнес-структурах, НКО.

Среди новых, интенсивно развивающихся направлений политологической школы МГИМО — экономическая политология, организационно и содержательно основанная на Факультете А.Д. Богатуровым и интенсивно разрабатываемая заведующей кафедрой экономической политики и государственно-частного партнерства Е.Б. Завьяловой; А.Г. Олейновым, В.Ю. Фокиным и другими сотрудниками кафедры. При участии Е.Б. Завьяловой была организована подготовка по программе «Прикладная экономическая политология и политический менеджмент» и новое учебное направление «Конфликтология и общественная дипломатия», реализуемое с 2014 г. всеми кафедрами Факультета с существенным элементом юридической подготовки, осуществляемой самой молодой кафедрой Факультета — кафедрой гражданского общества (заведующий В.В. Гриб).

Научная деятельность по экономической политологии (исследования экономической политики и государственно-частного партнерства) традиционно ведется по трем основным направлениям: собственно экономическая политика, развитие и совершенствование государственно-частного партнерства; корпоративное управление и социальная ответственность бизнеса. Несмотря на молодость этого направления внутри политологической школы МГИМО, основные положения уже нашли отражение в многочисленных как коллективных кафедральных (Корпоративное управление и соци-

альная ответственность бизнеса / сост. Е.Б. Завьялова. М. : МГИМО-Университет, 2013; Экономическая политология: Отношения бизнеса с государством и обществом / отв. ред. А.Д. Богатуров. М. : Аспект Пресс, 2012; Корпоративное управление в России. М. : МГИМО-Университет, 2012), так и авторских (Варнавский В.Г. Механизмы государственно-частного партнерства в экономической теории. М. : МГИМО (У) МИД России, 2013; Студеникин Н.В. PR-защита бизнеса в корпоративных войнах. М. : Альпина Паблишерз, 2011) публикациях. Кроме этого, только за последние годы на этом исследовательском направлении успешно выполнен ряд конкурсных научно-исследовательских программ (к примеру, «Разработка методологии статистического учета деятельности по реализации проектов государственно-частного партнерства», «Разработка методических рекомендаций по оценке эффективности реализации инвестиционного проекта с использованием механизмов государственно-частного партнерства по сравнению с прямым бюджетным финансированием»).

Вообще говоря, все годы своего существования Факультет политологии ведет интенсивную научную и публикаторскую работу. Даже за 15 лет его существования практически не представляется возможным количественно посчитать все монографии, коллективные научные работы (в том числе и изданные за рубежами нашей страны), сборники научных материалов, учебники, учебные пособия, статьи и другие материалы, выпущенные его профессорско-преподавательским составом. Только за последние пять лет подго-

товлено более 50 учебников и учебных пособий, порядка 80 монографий (индивидуальных и в соавторстве), более 600 научных статей. Среди последних публикаций Факультета — такие уникальные издания как «Демократия в российском зеркале» (редакторы-составители А.М. Мигранян, А. Пшеворский, коллектив авторов), «Современная мировая политика. Прикладной анализ» (под ред. А.Д. Богатурова, коллектив авторов), «Восток и политика: политические системы, политические культуры, политические процессы» (под ред. А.Д. Воскресенского, коллектив авторов), «Экономическая политология: Отношения бизнеса с государством и обществом» (под ред. А.Д. Богатурова, коллектив авторов), «“Большая Восточная Азия”: мировая политика и региональные трансформации» (под ред. А.Д. Воскресенского, коллектив авторов), «Международные отношения в Центральной Азии: события и документы» (под ред. А.Д. Богатурова, коллектив авторов), «Современные глобальные проблемы» (под ред. В.Г. Барановского, А.Д. Богатурова, коллектив авторов), «Политическая география. Формирование политической карты мира» (И.М. Бусыгина), «Гражданское общество: учебник» (А.С. Автономов, В.В. Гриб (руководители авторского коллектива), Е.В. Попов, Е.В. Попова, Р.Ю. Шульга), «История международных отношений (1945–2008 гг.): конспект лекций» (А.Д. Богатуров, В.В. Аверков), «Инновационные направления современных международных отношений» (под ред. А.В. Крутских, А.В. Бирюкова, коллектив авторов), «*Vocabulary for Political Science Students*» (под общ. ред. Н.Н. Пав-

ловой, Н.А. Чес, коллектив авторов), «История политических учений: электронный учебник» (А.А. Чанышев), «Политические системы и политические культуры : сборник учебных материалов» (коллектив авторов), «Внешнеполитический процесс. Сравнительный анализ» (Т.А. Алексеева, А.А. Казанцев), «Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке» (под ред. Т.А. Шаклеиной и А.А. Байкова, коллектив авторов), «Обществознание: настольная книга ученика» (О.В. Гаман-Голутвина, Е.Г. Пonomарева, О.А. Удашова), «Механизмы государственно-частного партнерства в экономической политике» (В.Г. Варнавский) и др. Также многие преподаватели Факультета приняли участие в подготовке абсолютно нового учебника МГИМО по современным международным отношениям, опубликованного в 2012 г. (ред. А.В. Торкунов, А.М. Мальгин), а также в работе над многотомным изданием «Политический атлас современности» (А.В. Торкунов, А.Ю. Мельвиль, коллектив авторов). В финальной стадии подготовки находится учебник нового поколения по сравнительной политологии, вышла из печати книга «Мировое комплексное регионоведение» и ее продолжение — «Практика зарубежного регионоведения и мировой политики».

Значительное число изданий политологической школы МГИМО и профессорско-преподавательского состава Факультета политологии отмечены наградами Института общественно-го проектирования (ИНОП) — национальными премиями в области общественно-научной литературы «Об-

щественная мысль» («Международные отношения в Центральной Азии: события и документы» под ред. А.Д. Богатурова, «Восток и политика: политические системы, политические культуры, политические процессы» под ред. А.Д. Воскресенского), Российской ассоциации политической науки (книги А.Д. Богатурова, А.Д. Воскресенского, М.В. Ильина, И.В. Кудряшовой, И.М. Бусыгиной, А.А. Дегтярева, Д.В. Стрельцова и др.), Российской академии наук (монографии Е.В. Колдуновой, А.А. Байкова), Российского совета по международным делам. Все эти книги — солидная основа образовательных проектов организационной ипостаси мгимовской политологической школы МГИМО — его Факультета политологии, покоящихся на прочнейшем научном фундаменте, заложенном с момента основания Факультета всеми членами его дружного научно-преподавательского коллектива и всеми представителями мгимовской политологической школы.

*Образовательная миссия
Факультета политологии —
интеллектуального стержня
политологической школы МГИМО*

Факультет политологии МГИМО — специализированный центр научно-педагогической подготовки по мирополитическим, сравнительно-политическим и экономико-политическим проблемам — изначально задумывался не только как исследовательский центр, вокруг которого будет концентрироваться исследовательская политологическая школа МГИМО, но и как лидер в политологическом образовании на всем

постсоветском пространстве. Факультету пока удается сохранять это лидерство. В этом заслуга всего профессорско-преподавательского и административного состава факультета. Деканами ФП работали: А.Ю. Мельвиль, А.М. Салмин, А.Д. Богатуров, в настоящее время деканом является А.Д. Воскресенский. Заместителями декана работали: А.А. Чанышев, О.А. Удашова, К.П. Боришполец, М.Г. Миронюк, М.Г. Троицкий, С.Г. Абрамов, О.В. Шишкина, Е.В. Колдунова, И.Ю. Окунев.

ФП дает солидную теоретическую подготовку и одновременно готовит выпускников к реальной жизни, к то-

му, чтобы заниматься практически-ми вещами, быть востребованными на рынке и уметь зарабатывать деньги, то есть существовать как конкурентоспособные специалисты в реальном мире. В сентябре 2013 г. РИА Новости и НИУ ВШЭ опубликовали очередной мониторинг качества бюджетного приема в вузы России. Рейтинг по отдельным направлениям подготовки ведется с 2010 г., что позволяет делать первые выводы о динамике качества приема на политологические факультеты России. Факультет политологии МГИМО в 2013 г. вновь стал лидером политологического образования в стране. За годы

Таблица 1

**Качество приема на факультеты политологии российских вузов
по уровню среднего балла ЕГЭ**

	2010	2011	2012	2013
Факультет политологии МГИМО (У) МИД России	2 (84)	1 (92,3)	2 (91,6)	1 (95)
Факультет политологии МГУ им. М.В. Ломоносова	1 (86,7)	2 (89,7)	3 (91,1)	2 (92,6)
Факультет прикладной политологии НИУ ВШЭ	6 (81,8)	10 (84,7)	5 (87,6)	3 (90,8)
Факультет политологии СПбГУ	3 (82,7)	5 (87,5)	6 (87)	4 (90,4)
Факультет сравнительных политических исследований Северо-Западного института управле- ния (филиал РАНХиГС в г. Санкт-Петербурге)	н/д	н/д	11 (83,8)	5 (87,9)
Факультет социологии и политологии Финансового университета	5 (81,8)	4 (88,5)	19 (80,6)	6 (87,9)
Факультет гуманитарных и социальных наук РУДН	7 (81,5)	8 (85,6)	8 (85,7)	7 (87,6)
Факультет истории, политологии и права РГГУ	н/д	13 (82,9)	4 (88,3)	8 (86,3)
Философский факультет КФУ	н/д	12 (83,1)	14 (83,1)	9 (85,3)
Философский факультет Томского ГУ	8 (76,8)	21 (78,4)	12 (83,7)	10 (83,6)
РЭУ им. Г.В. Плеханова	н/д	3 (89,2)	1 (92,8)	11 (82,9)

мониторинга Факультет, специализирующийся на подготовке политологов-международников со знанием двух иностранных языков, стабильно занимает 1–2 места по качеству абитуриентов (см. Таблицу 1).

Можно говорить о том, что в стране сформировалась «большая четверка» ведущих политологических факультетов: факультеты политологии МГИМО, МГУ, СПбГУ и факультет прикладной политологии НИУ ВШЭ. Данные факультеты традиционно конкурируют за самых сильных абитуриентов, а Факультет политологии МГИМО последние четыре года уверенно удерживает на этом поприще ведущее место, хотя конкуренция со стороны других вузов усиливается.

Создание Факультета политологии МГИМО стало ответом на реальную общественную потребность реформирующейся России, когда на определенном этапе ее развития возникла необходимость в профессионалах политологического и международно-политического профилей новой формации. Выпускники Факультета обладают квалификацией, соответствующей высочайшим мировым стандартам. Такая подготовка позволяет им свободно ориентироваться в сложностях внутривнутриполитической и международной жизни, включая такие важнейшие ее сферы, как процессы подготовки и проведения выборов, отношения бизнеса и государства, взаимодействие экономических, военно-политических и идеологических интересов различных стран и народов.

Сегодня на Факультете политологии и администрируемых профессорами Факультета магистерских програм-

мах обучается более 500 студентов и слушателей магистратур. Общий конкурс при поступлении на бюджетную форму обучения по бакалаврским программам Факультета политологии вырос с 2,8 человека на место в 2006 г. до 13 человек на место в 2013 г., а в целом на Факультете по двум направлениям подготовки: международные отношения и политология — составил 20,3 человека на бюджетное место и 15,3 человека на договорное место. На договорной (платной) форме обучения за этот период конкурс возрос с 1,6 до 8,19 человека на место по программам политологии и до 28 человек на договорное место по программам мировой политики. В год десятилетнего юбилея (2008 г.) в ходе приемной кампании на Факультет было подано 320 заявлений абитуриентов, а в 2013 г. — в год 15-летия Факультета — на все отделения и формы бакалаврского обучения было подано 1399 заявлений.

В настоящее время на Факультете и аффилированных с ним магистерских программах работают порядка 120 профессоров и преподавателей. В их числе — лучшие эксперты-международники и политологи страны, имеющие богатый опыт практической работы в МИД России и других органах государственного управления, в частном секторе, а также структурах, занимающихся фундаментальными и прикладными исследованиями в интересах органов власти и бизнеса. Ведущими представителями профессорско-преподавательского состава Факультета политологии являются академики А.А. Кокошин, Ю.С. Пивоваров и Е.М. Примаков, член-корреспонденты РАН И.С. Иванов и Р.С. Рязанцев, профес-

сору Т.А. Алексеева, А.Д. Богатуров, И.М. Бусыгина, А.Д. Воскресенский, О.В. Гаман-Голутвина, А.А. Дегтярев, М.В. Ильин, Н.А. Косолапов, В.М. Кулагин, М.М. Лебедева, О.Ю. Малинова, А.И. Никитин, В.М. Сергеев, М.А. Хрусталев, П.А. Цыганков, Д.Н. Фельдман, Т.А. Шаклеина и др.

В структуре Факультета политологии — семь кафедр.

Сравнительной политологии

Заведующая кафедрой — доктор политических наук профессор О.В. Гаман-Голутвина. Кафедра обеспечивает преподавание общеобразовательных курсов по политологии, ведет работу со студентами и аспирантами по наиболее перспективным направлениям современной политической компаративистики, региональной политики и политической экспертизы. Теоретические и практические аспекты сравнительной политологии традиционно находятся в центре научной жизни кафедры.

Политической теории

Заведующая кафедрой — заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук профессор Т.А. Алексеева. Преподаватели кафедры знакомят студентов с основными категориями, проблемами и теоретическими подходами современной политической науки, включая науку о международных отношениях. Анализ и разработка политических концепций и теорий является стержнем научной работы кафедры.

Мировых политических процессов

Заведующая кафедрой — заслуженный работник высшей школы, доктор политических наук профессор М.М. Лебедева. Кафедра занимается разработкой и преподаванием дисциплины «Мировая

политика», в рамках которой международная арена рассматривается шире, чем сфера исключительно межгосударственного взаимодействия; а также научными исследованиями на этом направлении.

Прикладного анализа международных проблем

Заведующая кафедрой — доктор политических наук профессор Т.А. Шаклеина. На кафедре сосредоточено преподавание и разработка методических блоков прикладного анализа международных ситуаций, политического регулирования экономических и международных процессов. Теоретические и практические аспекты этой проблематики — основа научно-исследовательской составляющей ее работы.

Экономической политики и государственно-частного партнерства

Заведующая кафедрой — кандидат экономических наук доцент Е.Б. Завьялова. В рамках деятельности кафедры ведется научное исследование и преподавание по проблематике взаимодействия бизнеса с государством и обществом в современной России и зарубежных странах, а также вопросов, связанных с осуществлением государственной экономической политики.

Гражданского общества

Заведующий кафедрой — доктор юридических наук профессор В.В. Гриб. Кафедра была создана в июне 2008 г. на основании обращения Совета Общественной палаты Российской Федерации к руководству МГИМО. Кафедра обеспечивает преподавание цикла дисциплин, раскрывающих современные механизмы функционирования гражданского общества и защиты прав человека.

Английского языка № 7

Заведующая кафедрой — кандидат педагогических наук доцент И.А. Мазаева. Кафедра обеспечивает профессиональную языковую подготовку студентов Факультета в соответствии с самыми высокими требованиями МИД России.

Факультет политологии ориентирован на комплексную подготовку специалистов-международников с акцентом на транснациональных составляющих современных политических и экономических процессов. Это позволяет выпускникам Факультета вырабатывать широкий профессиональный кругозор, определяющийся оптимальным соотношением знаний дисциплин международного, общественно-политического, историко-политического и экономического профилей. Особое внимание уделяется глобальным составляющим политики и экономики, поскольку международный аспект — это не только профессиональный «бренд» МГИМО, но и определяющий фактор современного развития стран и народов в целом.

В рамках общего профиля МГИМО уникальная профессиональная «ниша» Факультета — подготовка международных, специализирующихся в сферах сравнительной политологии, экономической политологии и мировой политики. При сравнительном анализе отношений бизнеса и государственной власти, политических процессов и политических институтов в разных странах мира в фокусе внимания Факультета находятся внешние, международные факторы, воздействующие на внутреннюю политику и экономическую стратегию. И наоборот, при анализе мировой политики, мировых политических

процессов особое внимание уделяется изучению внутренних факторов и обстоятельств формирования и реализации внешней политики государств. В этой международной составляющей, интегрирующей изучение внутриполитических и внешнеполитических процессов и явлений, — специфика и отличие Факультета политологии МГИМО-Университета от других факультетов и отделений политологии, появившихся с середины 1990-х годов в различных российских вузах и ориентированных преимущественно на подготовку преподавателей политологии или прикладных политтехнологов.

В соответствии с «брендом» МГИМО профессиональная подготовка на Факультете политологии включает изучение двух иностранных языков (обязательно английского, а также второго языка по выбору: французского, немецкого, испанского или китайского). В числе общих гуманитарных и социально-экономических дисциплин на ФП преподаются философия и экономика, право и история, социология и риторика. Обязательным является изучение математики и информатики, по которым разработаны инновационные курсы с интерактивным использованием Интернет-технологий.

Общие профессиональные дисциплины, преподаваемые на Факультете политологии, включают в себя (в зависимости от отделения): основы политической науки, сравнительную политологию, мировую политику, историю и теорию международных отношений и внешней политики России, политические процессы в РФ, мировую экономику, политическую географию, проблемы глобального развития, меж-

дународное право, политические технологии, дипломатию, международную интеграцию, международные конфликты, международную безопасность, этнополитику. В числе дисциплин специализации — политические системы и политические культуры стран Запада и Востока, анализ международных ситуаций, политические аспекты экономического развития и экономической стратегии, оценки политических рисков, взаимоотношение государства и бизнеса, экономическая политология и международная политическая экономия, парламентаризм и президентство, модели избирательных и партийных систем, основы публичной политики и общественной дипломатии. Они дополняются такими курсами, как: основы сравнительного изучения региональных внешнеполитических процессов, сравнительные стратегические культуры, международно-политические процессы в Европе и внешнеполитические институты Европейского Союза, идейно-теоретические основания мирополитического взаимодействия, современные технологии политико-информационной работы, технологии конструирования политических идеологий, методология и практика анализа международных ситуаций, основы теории игр и ее использование в моделировании международно-политических процессов, основы политического и бизнес-лоббирования, политико-информационная работа и основы делового управления информационным пространством. Все курсы подкреплены авторскими учебниками, учебными пособиями и фундаментальной монографической литературой, значитель-

ная часть которой вышла в свет за последние годы.

На Факультете политологии существуют четыре отделения: сравнительной политологии и политической экспертизы, мировой политики и экономической политологии, а с 2014 г. — отделение конфликтологии и общественной дипломатии. Для всех специальностей базовая подготовка — политологическая с уклоном в международную проблематику, но у каждого отделения есть своя специфика. Отделение экономической политологии ориентировано на практический анализ политического регулирования и политического менеджмента экономических процессов. Это направление стало неотъемлемой частью «товарного знака» Факультета, и сегодня другие университеты активно «осваивают» эту политологическую «нишу», впервые сформированную именно МГИМО-Университетом и его Факультетом политологии. Выпускники этого отделения умеют политическими методами влиять на экономические процессы, давать экономическую оценку политическим процессам и выступать посредниками между государством и негосударственным сектором. Сегодня это одно из перспективных направлений политической науки, которое постепенно наращивает и свою академическую глубину через освоение сравнительного анализа экономической политики стран и регионов мира. Выпускники отделения мировой политики особое внимание уделяют анализу и менеджменту мирополитического взаимодействия. В стандарт этого направления, как и на всех других отделениях факультета, заложено свободное

владение по крайней мере двумя иностранными языками, но есть студенты, которые успешно осваивают три и даже четыре иностранных языка. В сфере специализации выпускников отделения сравнительной политологии находятся сравнительный анализ политических процессов и политическая экспертиза. В 2014 г. предусматривается расширение деятельности Факультета: отделение экономической политологии расширяет и углубляет свой профиль, добавляя к своим курсам специализации сравнительную экономическую политику стран и регионов мира и политический менеджмент. Уточнено и его название — отделение прикладной экономической политологии и политического менеджмента. В 2014 г. открылось новое отделение: конфликтологии и общественной дипломатии. Урегулирование международно-политических конфликтов средствами общественной дипломатии, превентивная дипломатия и сотрудничество для развития становятся новыми императивами современной эпохи, которые должны получить адекватное образовательное измерение.

Для студентов ФП предусмотрена практика в МИД России, Администрации Президента РФ, Аппарате Правительства РФ, Государственной Думе, Россотрудничестве и других органах государственной власти, в частных компаниях, занимающихся политической аналитикой, консалтингом и т.д. В последнее время появились и такие новые формы как, к примеру, практика в иностранных посольствах.

Факультет политологии предоставляет студентам не только уникальные возможности получить знания от факультетской профессуры в стенах

МГИМО и практиковаться в разного рода государственных и негосударственных организациях, но и расширить свои знания за счет программ партнерства с зарубежными вузами. Для этого предусмотрены как стажировки в вузах-партнерах, инкорпорированные в образовательный процесс бакалаврского и магистерского уровней обучения, так и различного рода самостоятельные языковые стажировки. Кроме того, факультет проводит спецкурсы силами приглашенных известных иностранных преподавателей. Коллеги-политологи с уникальными авторскими курсами приезжают к нам из Сяньс-По, Свободного университета Берлина, Стэнфордского университета, Университетов Беркли, Северной Каролины и Айовы, Колумбийского университета и Университета штата Нью-Йорк, Оксфордского университета, Университета Бергена (Норвегия) и др. «В ответ» на факультете организуются и разного рода спецкурсы, востребованные иностранными студентами и стажерами. То есть возможности по сотрудничеству у ФП фактически безграничны.

На базе ФП работает уникальная совместная со Свободным университетом Берлина сертифицированная программа бакалаврского уровня “*German Studies Russia*”, она администрируется Факультетом, но обучаются на ней студенты практически всех факультетов МГИМО.

Помимо четырех бакалаврских программ по двум направлениям подготовки (политология и международные отношения), на базе Факультета политологии были открыты программы магистерской подготовки не менее чем на трех образовательных направлени-

ях (политология, международные отношения, зарубежное регионоведение). В рамках направления «Международные отношения» обучение проводится по программам «Мировая политика» и «Международные отношения и транснациональный бизнес». Программа «Мировая политика» имеет четыре отделения — российское, российско-французское, российско-германское и российско-итальянское.

Обучение на российско-французском отделении осуществляется совместно профессорами и преподавателями МГИМО и Парижского института политических наук (*Sciences Po*). Обучение проходит на русском и французском языках. Выпускники российско-французского отделения получают два диплома — диплом магистра МГИМО-Университета и диплом магистра Парижского института политических наук.

Студентов российско-германского отделения обучают преподаватели МГИМО, Свободного университета Берлина, Потсдамского университета и Университета имени В. Гумбольдта (Берлин). Выпускники этого отделения получают дипломы магистра МГИМО-Университета и магистра Свободного университета Берлина. В рамках сотрудничества МГИМО-Университета и Факультета политических наук Университета г. Флоренции с сентября 2011 г. действует совместная магистерская программа по направлению «Международные отношения».

Совместные программы с самыми престижными мировыми центрами подготовки политологов в области международных отношений и мировой политики ориентируют на получение двойного диплома и, что самое глав-

ное, полную международную «конвертацию» полученных знаний и навыков.

Магистратура по направлению «Политология» изначально предполагала обучение по программе «Российская политика», которая давала уникальные знания способов формирования политического курса, принятия политических решений в области внешней и внутренней политики в России. К преподаванию в магистратуре «Российская политика» привлекались приглашенные профессора ведущих европейских университетов — Миланского, Бергенского, Свободного университета Берлина и др. В качестве основы этой программы Факультетом политологии совместно с Университетом Бергена (Норвегия) был разработан магистерский модуль на английском языке по российской политике. В 2010 г. эта программа была преобразована в отдельную новую самостоятельную программу по политическим наукам на английском языке *“Politics and Economics in Eurasia”*. В дополнение была открыта интенсивно развивающаяся магистерская программа *«Governance and Global Affairs»*. В 2012 г. была открыта новая магистерская программа «Политическая экспертиза и GR-стратегии», в 2013 г. она стала составной частью новой широкомасштабной по охвату проблематики магистерской программы «Политическая экспертиза и GR-стратегии».

Политический анализ в рамках сравнительно-политического и международно-политического профиля обучения также активно внедрен в магистерской программе «Политика и экономика регионов мира» по направлению «Зарубежное регионове-

дение» совместно преподавателями факультетов политологии и международных отношений. Специализации этой программы в расширенном виде охватывают проблематику всех отделений бакалаврского уровня Факультета политологии, центрируются «вокруг» методов кроссрегионального политического анализа, но по сути являются междисциплинарными. Эта программа пользуется популярностью как у студентов обоих факультетов, так и у студентов других вузов страны.

Кроме магистерских программ политологического профиля выпускники ФП также поступают практически на все программы МГИМО-Университета: «Мировая политика», «Международная политика и транснациональный бизнес», «Внешняя политика и дипломатия России» (совместно с Киевским институтом международных отношений) по направлению «Международные отношения», «Теория и практика синхронного и письменного перевода» по направлению «Лингвистика», «Международная журналистика» по направлению «Журналистика», «Международное частное и гражданское право» по направлению «Юриспруденция», «Международный банковский бизнес» (совместно с ОАО «Газпромбанк»), «Международный учет, анализ и аудит», «Финансовая экономика: рынок ценных бумаг» по направлению «Экономика», «Международный бизнес», «Международный менеджмент» (совместно с *ICN School of Management*, Франция), «Менеджмент в области военно-технического сотрудничества и высоких технологий» (совместно с ГК «Ростехнологии»), «Устойчивое раз-

витие и стратегическое управление в энергетике» (совместно с Университетом Сент-Эндрюс, Великобритания) по направлению «Менеджмент». Кроме магистерских программ МГИМО выпускники ФП с легкостью поступают на магистерские программы таких известных зарубежных вузов как Лондонская школа экономики и политической науки, Сьянс По, Свободный университет Берлина, Венский университет и других, тем самым доказывая высокую конкурентоспособность международно-политологического образования МГИМО.

Что нового ждет успешно сдавших вступительные экзамены и поступивших на Факультет в последние годы? Как будет развиваться Факультет политологии МГИМО? Сейчас идет глобальная перестройка системы образования, которая дает возможность повысить качество обучения, в частности, сделав дополнительный упор на практическую сторону образовательного процесса, одновременно увеличив номенклатуру курсов по выбору и предложив программы «под потребителя», то есть под конкретного студента (так называемое *tailored education*). Эволюционным путем модернизируется учебный план, на Факультете вводится все больше практических занятий — практикумов, круглых столов, деловых и ролевых игр, которые ориентируют студента на получение практических навыков, сужая разрыв между обучением и реальной жизнью. Для выпускников это означает лучшее образование, большую востребованность и в конечном счете большее финансовое вознаграждение за работу более высокого качества.

Семь лет назад Факультет начал набор студентов-политологов, изучающих китайский язык. Теперь в учебный план включены спецкурсы, которые помогут им стать специалистами по политическим проблемам Китая. С 2008 г. были введены курсы, связанные с ролью стран Востока в мировой политике, сравнительным анализом социально-политических учений Востока, изучением этнопсихологии стран и народов Азии и Африки. Это углубляет и расширяет подготовку студентов-политологов, а значит, помогает им быть более востребованными на рынке труда.

ФП — один из флагманов МГИМО в использовании новейших методик обучения. Профессоры Факультета активно используют в учебном процессе ролевые игры. И в области политологии, и в мировой политике моделирование разного рода конфликтных ситуаций и умение эти конфликтные ситуации разрешить дает очень полезные практические навыки. Кроме того, на Факультете разрабатываются разного рода компьютерные методики. Уже сейчас все программы курсов преподавателей Факультета размещены в Интернете, вводятся компьютерные методики объективной проверки остаточных знаний студентов и т.д. Расширяется номенклатура курсов политико-правовой проблематики. Эта традиция будет продолжена и получит дальнейшее развитие.

С точки зрения содержания учебного процесса, студентам предлагается все новое, что существует в политологической сфере, причем с полным пониманием того, как происходящие процессы трансформируются в разных странах и регионах, каковы общие и специфи-

ческие тенденции и тренды мирового и регионального развития и как их учесть применительно к российскому опыту. Именно поэтому наши выпускники очень востребованы как в государственном секторе (МИД России, другие государственные министерства и ведомства), так и в международных компаниях. Наших вчерашних студентов можно встретить в таких крупных компаниях, как «Русал», «Газпром», «Транснефть», «Майкрософт» и т.д.

Выпускники всех отделений Факультета политологии легко находят себя в профессиональной жизни. Специалисты, окончившие отделение политической экспертизы, региональной политики и сравнительной политологии, работают политическими аналитиками, спичрайтерами или занимаются компаративными научными исследованиями, а с 2014 г. они могут также реализовывать себя в сфере региональной политики в регионах России. Спрос рынка в этом секторе растет. Выпускники-международники (отделение мировой политики и внешнеполитической экспертизы) трудятся в российских и международных структурах, занимающихся организационным обеспечением международной деятельности и международной аналитикой. Они выступают в качестве дипломатов, международных политологов-менеджеров, международных политологов-управленцев, советников и экспертов различного ранга. А спрос на квалифицированных политологов-международников в международных отделах компаний, количество которых быстро увеличивается, только растет.

Отделение прикладной экономической политологии и политического ме-

неджмента уникально для российских вузов. Осваивать проблематику отношений власти и бизнеса пытаются либо экономисты, либо юристы, однако у них не хватает профессионального понимания политических процессов. Таким образом, выпускники отделения экономической политологии занимают практически пустующую нишу на отечественном рынке труда. Кроме того, возник и новый сегмент рынка — *business and politics* — анализ взаимоотношений между государством и бизнесом. Спрос на специалистов в этой области увеличивается и в государственном, и в частном секторе, так как страна в целом интернационализируется и ее национальные интересы вовне становятся более видимыми на международной арене. Соответственно политологи со знанием экономических процессов могут занять еще и эту нишу.

Бурлит на Факультете общественная жизнь. С 2008 г. проводится два конкурса — «Моя первая курсовая работа» и «Моя первая исследовательская работа». С первого курса преподаватели факультета учат студентов приобретать профессиональные знания и, соответственно, поощряют тех из них, кто действительно «вложил душу» в свою работу. При этом сами тематические планы обучения на ФП крайне увлекательны: здесь очень много неизведанного, принципиально новых проблем, оригинальных постановок вопросов. И студентам интересно: можно написать что-то свое, сделать то, чего еще никто не делал. Этот элемент творчества на Факультете поощряется. И преподавателям, и административному составу факультета хочется, чтобы студент

понимал, что его учеба — не только его личное дело. За его успехами следят на Факультете, его, пусть самые начальные, умозаключения и исследования интересны профессорам. Подчеркну, все работы студентов внимательно читаются и разбираются преподавателями. Это часть факультетского профессионального воспитания, мгимовской политологической школы. И эта незаметная скрупулезная работа формирует «дух» Факультета, она является стержнем факультетской политологической школы.

Образование ФП — качественное, фундаментальное, при этом ориентированное на практику и быстро адаптирующееся к требованиям реальной жизни. Все это позволяет выпускнику Факультета политологии уверенно чувствовать себя в жизни.

Выпускник Факультета политологии — это профессионал нового типа, свободно владеющий как минимум двумя иностранными языками. Образованный на уровне международных стандартов, он может самостоятельно разбираться в сложных политических и экономических проблемах международного развития и внутренней жизни России. Он является специалистом, который способен сделать карьеру в сфере практической внешней политики и дипломатии, анализа политических интересов государства и бизнеса, практического применения различных моделей государственного управления, прикладных политических технологий, информационно-аналитической работы во всем ее многообразии.

Таким образом, за прошедшие с момента создания годы Факультет политологии МГИМО существенно упро-

чил свою репутацию в образовательной и научной среде. Объемы учебно-методической и научной работы Факультета подтверждают, что де-факто Факультет представляет собой сформировавшуюся не только учебную (с программы полного цикла от бакалавриата до аспирантуры), но и научно-исследовательскую площадку с высокой инновационной составляющей и сильными аутентичными направлениями учебной и исследовательской специализации. Научные публикации, причем фундаментального характера, традиционно являются сильной стороной Факультета. На образовательном направлении в результате полного обновления учебных планов, позволяющих формировать специализированные компетенции, необходимые политолого-международнику для работы в сфере политической экспертизы, Факультет смог четко обозначить свою профессиональную нишу в российском образовательном и исследовательском пространстве.

Перспективы и новые задачи развития Факультета политологии МГИМО

Новые задачи, которые стоят перед Факультетом как центром политологической школы МГИМО, связаны с необходимостью дальнейшего творческого развития образовательного, административного и научного направлений на уже сформированной за годы предыдущей работы базе. Эти задачи можно классифицировать по нескольким направлениям, в совокупности дающим полное представление о том, как будет развиваться Факультет в ближайшие годы.

Образовательное направление

- Ребрендинг существующих политологических программ, открытие нового отделения по направлению «Политология» в 2014 г.

- Дальнейшее позиционирование образовательных программ Факультета политологии как предоставляющих классическое университетское образование, но с высокой долей практикоориентированных элективных курсов и индивидуальных образовательных треков, в том числе с международной составляющей.

- Развитие конкурентных преимуществ Факультета — высококлассной языковой подготовки, сочетающейся с профессиональными образовательными траекториями в области политологии, международных отношений, наук об обществе в целом.

- Регулярное обновление учебных программ в соответствии с новыми квалификационными требованиями и новыми стандартами учебных направлений, постоянное уточнение программ семинаров, обновление литературы и использование в преподавании исследовательских новинок и новых педагогических технологий.

- Увеличение номенклатуры элективных курсов, способных качественно достроить индивидуальные образовательные траектории студентов.

- Дальнейшее внедрение новых образовательных методик, основанных на лучших достижениях отечественной и зарубежной педагогических школ в области общественных и гуманитарных наук.

- Дальнейшее углубление и расширение корпуса собственной учебной литературы, подготовленной преподавателями Факультета, по основным направлениям подготовки.

- Поддержание традиции и практики внимательного научного руководства на всех этапах обучения.

- Борьба с плагиатом, неправомерными заимствованиями текстов, некорректным цитированием.

- Сохранение преемственности лучших образовательных традиций Факультета, но одновременно и расширение практико-ориентированной компоненты в процессе перехода студентов с уровня бакалавра на уровень магистра.

- Интернационализация магистерских программ Факультета, в перспективе — превращение их в программы двойного диплома, поиск зарубежных партнеров, отработка совместных методик образования с зарубежными партнерами.

- Дальнейшая работа силами всего профессорско-преподавательского и административного состава Факультета над формированием стабильной абитуриентской базы.

Административно-организационное направление

- Поддержание высокого уровня дисциплины профессорско-преподавательского состава при одновременном понимании того, что именно благодаря его работе содержательно функционируют и Факультет, и Университет в целом, поддержание и развитие на Факультете комфортной и гуманистической творческой атмосферы, поощряющей индивидуальное развитие каждого члена коллектива Факультета как исследователя и преподавателя.

- Поддержание дисциплины и одновременно формирование у студентов уважительного отношения к профессорско-преподавательскому составу и административным сотрудникам.

- Поддержание четкой и прозрачной системы поощрения студентов и преподавателей, основанной в первую очередь на конкретных достижениях и профессиональном росте.

- Внимательная работа со студентами, поддержка, включая при необходимости психологическую.

- Проведение мероприятий профориентационного характера, встречи с выпускниками, достигшими значимых карьерных успехов в своей профессиональной сфере.

- Организация выступлений гостей-практиков: политиков, экспертов, мастер-классы выдающихся специалистов в области политической экспертизы.

- Повышение открытости выборов заведующих кафедрами, возможно, на альтернативной основе.

- Подготовка силами кафедр нового поколения преподавательских и научно-исследовательских кадров, ответственно относящихся к судьбе Факультета и Университета.

Научное направление

- Усиление научно-исследовательской компоненты в работе Факультета.

- Подготовка научно-исследовательских работ обобщающего характера, в идеале силами каждой из кафедр Факультета в области своей профессиональной специализации.

- Эффективное внедрение научных разработок в учебный процесс.

- Интенсификация интернационализации научной деятельности, в том числе в направлении подготовки публикаций для реферируемых журналов на английском и других иностранных языках, повышение индекса цитируемо-

сти профессорско-преподавательского состава.

- Интернационализация журнала «Сравнительная политика», издающегося на базе Факультета политологии, и усиление взаимодействия с журналами политологического и международно-политологического профиля, такими как «Полис», «Международные процессы», «Политическая наука», «Вестник МГИМО» и др.

- Расширение практики проведения факультетских научных мероприятий, в том числе с международными партнерами (практика таких мероприятий уже заложена опытом проведения презентаций факультетских книг, журнала «Сравнительная политика», подготовленной Факультетом специальной секции 7-го конвента РАМИ «Стратегии великих держав», совместного круглого стола с Пекинским педагогическим университетом, ежегодных политологических симпозиумов, международной научно-практической конференции к 15-летию Факультета политологии МГИМО и других научных мероприятий).

*** **

Одним словом, жизнь, и научная, и образовательная, на Факультете кипит, самым ярким свидетельством чего стала масштабная международная научно-практическая конференция «Россия в мировой динамике: дискурсы политической науки и прикладного анализа», приуроченная к его 15-летию, в декабре 2013 г.; юбилейные номера журнала «Сравнительная поли-

тика», а также новые номера журналов «Полис», «Международные процессы», «Политическая наука», которые помогли состояться Факультету как центру притяжения политологического интеллекта не только России, но и ряда зарубежных стран. Научно-практическая конференция, которая была проведена в канун юбилея Факультета — своеобразный промежуточный итог работы политологов МГИМО³⁹. На ней выступили ведущие российские и иностранные исследователи и практики, в том числе глава Россотрудничества К. Косачев, председатель комитета по делам СНГ и связям с соотечественниками Государственной Думы Л. Слуцкий, профессор Гамильтон Колледжа А. Кафруни, декан Высшей школы телевидения МГУ им. М.В. Ломоносова В. Третьяков, декан Факультета прикладной политологии НИУ ВШЭ А. Мельвиль, министр-советник по политическим вопросам Посольства США в России Г. Соломон, послы Сингапура и Малайзии. В адрес ФП пришло немало поздравительных писем от ректоров вузов, государственных деятелей, ученых и бизнесменов России и разных стран мира. Политологическая школа МГИМО и Факультет политологии стали не только ведущими российскими научно-образовательными политологическими центрами, но и получили международное признание.

³⁹ URL: <http://www.mgimo.ru/news/university/document244038.phtml>, видео URL: http://www.youtube.com/watch?v=PaIX93_BLYk; <http://www.mgimo.ru/study/faculty/politics/news/n244273.phtml>

К 70-летию МГИМО (У) МИД России. История создания и основные вехи развития политологической школы МГИМО (У) МИД России

Воскресенский Алексей Дмитриевич, доктор политических наук, доктор философии (Манчестерский ун-т), профессор кафедры востоковедения, декан факультета политологии МГИМО (У) МИД России

Колдунова Екатерина Валерьевна, кандидат политических наук, доцент кафедры востоковедения, заместитель декана факультета политологии МГИМО (У) МИД России

Окунев Игорь Юрьевич, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии, заместитель декана факультета политологии МГИМО (У) МИД России

***Аннотация.** Из всех факультетов политологии России Факультет политологии МГИМО (У) МИД России, наверное, самый старый, хотя на самом деле он очень молодой — в год 70-летия МГИМО ему исполнилось всего 15 лет. В отличие от многих других вузов, ориентированных на подготовку преподавателей политологии или прикладных политтехнологов, в МГИМО сформировалась своя уникальная политологическая школа «полного цикла», и академическая, и практическая, которая предполагает обучение политологов с «нуля» вплоть до самой высшей квалификации — как преподавателей и исследователей, так и прикладных аналитиков, консультантов и практиков. Уникальность политологической школы МГИМО позволяет ее организационной ипостаси — Факультету политологии — предложить абитуриентам обучение по широкому кругу востребованных специальностей и специализаций, одновременно обеспечив более глубокую как теоретическую, так и практическую подготовку.
Ключевые слова: МГИМО, политология, научная школа.*

MGIMO-University 70th Anniversary. Political Science Academic School at MGIMO-University: Establishment and Main Stages in Development

Alexei Voskressenski, Dr.Pol.Sc., PhD (University of Manchester), PhD (Institute of Far Eastern Studies), Professor, Dean of School of Political Affairs, MGIMO-University

Ekaterina Koldunova, Ph.D. in Political Science, Associate Professor, Vice-Dean of School of Political Affairs, MGIMO-University

Igor Okunev, Ph.D. in Political Science, Associate Professor, Vice-Dean of School of Political Affairs, MGIMO-University

***Abstracts.** School of Political Affairs of MGIMO-University proves to be the oldest of all Russia's political science schools, however at the same time it is very young — it celebrated only 15 years*

in the year of the 70th MGIMO anniversary. In contrast to many other universities, oriented towards training political science lecturers or practical political consultants, MGIMO has formed its own unique, “complete cycle” political science school which is both academic and practical and is expected to teach political scientists starting from the zero level up to the highest level of proficiency as lecturers and researchers, as well as applied analysts, consultants and practitioners. The originality of MGIMO political science school allows its organizational analogue, School of Political Affairs, to offer applicants to acquire wide range of requested professions and specializations, concurrently providing them deeper practical as well as theoretical training.
Key words: MGIMO-University, Political Science, academic school.

СЕТЬ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ: ОТ ПРОБЛЕМ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ К ГЛОБАЛИЗАЦИИ ОХЛОСА

Фельдман Д.М.

Мировая политика, выйдя за пределы отдельных ойкумен и регионов, где она «вызревала» на протяжении предшествующих веков, сегодня охватывает всю сферу международно-политического взаимодействия глобализирующегося социума. Политическая наука концептуализировала этот факт в теоретическом осознании сетевой природы мировой политики как одного из объектов своего изучения¹. Это почти совпало по времени с широким распространением сетевого подхода как метода исследования политических сетей². Важно подчеркнуть, что если сетевая теория мировой политики и сетевой подход почти ровесники, то сеть мировой политики как объект научного познания старше их на многие столетия.

Взаимодействие множества акторов мировой политики (государств, политических, религиозных и других массовых движений, ТНК, пиратов,

торговцев, а главное (!), отдельных индивидов) вне национально-государственных границ происходит на протяжении тысячелетий. Его политическое значение, как и наличие политических аспектов у неполитических отношений, на мировой арене не вызывает сомнений. Но транснациональное взаимодействие индивидов в рамках криминальных и легальных торговых сделок, личных контактов, внутриконфессиональных трансграничных общностей или массовых идейно-политических движений никогда не было исключительной сферой взаимодействия индивидов, являющихся гражданами в высоком политическом смысле этого слова. Не случайно, что транснациональные связи, по сути, представляющие собой международные сети, рассматриваются сегодня на примере таких образований, как, например, «пиратские сообщества (преимущественно XIV–XVIII вв.), Ганзейский союз, европейские купеческие гильдии, Британская Ост-Индская компания, существовавшие во множестве религиозные организации, религиозно-мистические ордена и группы и многое другое»³.

Сетевое понимание политического взаимодействия акторов мировой по-

¹ В конце 1980-х годов на сетевых параметрах международно-политических отношений современной эпохи акцентировали свое внимание B.O. Keohane and J.S. Nye. *Power and Independence*. New York, 1987. [V kontse 1980-h gg. na setevyih parametroh mezhdunarodno-politicheskikh otnosheniy sovremennoy epohi aktsentirovali svoje vnimanie Keohane B.O. and J.S.Nye. *Power and Independence*. New York, 1987].

² См., например: Hecllo H. *Issue Networks and the Executive Establishment* / *The American Political System* / ed. by A. King. Washington, DC:AEI, 1978 ; Knoke D. *Network analysis* / D. Knoke, J.H. Kuklinski. Sage Publications. 1982 ; Knoke D. *Political Networks. The Structural Perspective* / D. Knoke. Cambridge, 1990.

³ Косов Г., Потапов В., Ширяев В. Политические сети: специфика современной архитектуры. М. : ж. «Власть». 2013. С. 65 [Kosov G., Potapov V., Shiryayev V. *Politicheskie seti: spetsifika sovremennoy arhitektoniki*. М. : zh. Vlast. 2013. S. 65].

литики не только дань очередной, на этот раз «сетевой», моде. История международных отношений неопровержимо свидетельствует, что многие негосударственные акторы куда менее новы, чем государственные, а их международное взаимодействие, соответствующее их сетевому пониманию, существует тысячелетия. Этому взаимодействию по самой его природе присущ хаотично-мультицентричный характер. Можно с высокой степенью вероятности допустить, что такой характер мировой политики свойственен ей изначально, хотя ее сфера в течение значительного периода истории охватывала лишь отдельные изолированные ойкумены, а не современный глобальный социум. Даже без обращения к иллюстрациям, в виде изменения представлений о сущности политики, государства или человека, ясно, что научное понимание этих объектов исследования обновляется куда чаще, чем их сущностная бытийная природа. В полной мере это относится и к современному пониманию политических сетей, одним из видов которых является мировая политика.

Не стремясь дать обзор, учитывающий и оценивающий различия и оттенки в понимании отдельными авторами политических сетей вообще и сети мировой политики в частности, следует указать на то общее, что является главным в этом понимании, представляя собой инвариант концептуализации любой политической сети. Можно утверждать, что этим общим и главным является неизменно фиксируемый в различных вариантах концептуализации политических сетей неиерархический характер их структуры. Эта констатация, изложенная со множеством

методологических, политических и национальных акцентов⁴, составляет своего рода ядро, а точнее — структурный

⁴ Среди множества публикаций, позволяющих сформулировать этот тезис, отмечу лишь: Börzel T.A. Organizing Babylon — On the different conceptions of policy networks / T.A. Börzel // Public Administration. 1998. Vol. 76. No. 2. P. 253–273 ; Börzel T.A. Networks: Reified Metaphor or Governance Panacea? / T.A. Börzel // Public Administration. 2011. Vol. 89. No. 1. P. 49–63. [Sredi mnozhestva publikatsiy, pozvolyayuschiy sformulirovat etot tezis, otmechu lich: Börzel T.A. Organizing Babylon — On the different conceptions of policy networks / T.A. Börzel // Public Administration. 1998. Vol. 76. No. 2. P. 253–273 ; Börzel T.A. Networks: Reified Metaphor or Governance Panacea? / T.A. Börzel // Public Administration. 2011. Vol. 89. No. 1. P. 49–63.]

Marsh D. Policy Network in British Politics. A Critique of Existing Approaches, in Policy Network in British Government. D. Marsh, R. Rhodes. Oxford, 1992 ; Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. I: The Rise of the Network Society. Oxford, UK : Blackwell Publishing, 1996.

Moaz Z. International Relations: A Network Approach / Z. Moaz, L.G. Terris, R.D. Kuperman, I. Talmud // Yale University, 2003. 21–23 February ; Community Practice in the network society: local action / global interaction / ed. by D. Schuler, P. Day. Routledge, 2004.

The network society: from knowledge to policy / ed. by C. Cardoso, M. Castells. Washington, DC, Center for Transatlantic Relations, 2006.

Theories of democratic network governance / ed. by E. Sorenson and J. Torfing. London : Routledge, 2007.

Castells M. Communication, power and counterpower in the network society. M. Castells // International Journal of Communication. 2007. № 1. P. 238–66.

Maoz Z. Networks of Nations: the evolution, structure, and impact of International Networks, 1816–2001 / Maoz Z. New York : Cambridge University Press, 2011.

Сморгунов Л.В. Сетевой подход к политике и управлению // Политические исследования. 2001. № 3. С. 108 [Smorgunov L.V. Setevoy podhod k politike i upravleniyu // Politicheskie issledovaniya. 2001. № 3. S. 108].

Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпохи империи. М. : Культурная революция, 2006 [Hardt M., Negri A. Mnozhestvo: voyna i demokratiya v epohi imperii. M. : Kulturnaya revolyutsiya, 2006].

инвариант сетевого понимания политики, определяя его сущность и главное онтологическое отличие от любой другой «не сетевой» ее концептуализации. Вариативность сетевых форм политической организации социума, многообразие их типов и природы не колеблют структурно-онтологической основы, бытийного наличия этого инварианта, характеризующего все политические сети. Указывая на функциональный смысл и значение структуры политической сети, М. Кастельс делает вывод: «власть сетевой структуры оказывается сильнее структуры власти»⁵.

Выявление инвариантной основы сетевой методологии позволяет сбли-

зить гносеологический и онтологический подходы в теории политических сетей. Как отмечается в отечественной литературе, различия этих подходов сказались на формировании двух теоретических школ — англосаксонской и немецкой. При этом особенностью англосаксонской школы является гносеологическое понимание политических сетей как абстракции, созданной для проведения различий между вариациями в неформальных политических процессах. В свою очередь, представители немецкой школы понимают политические сети онтологически, как реально существующую форму политического управления и коммуникации между взаимодействующими субъектами, сложившуюся в результате трансформационных процессов, происходивших на уровне глобальной политической арены и сформировавших понимание невозможности концентрации власти в едином центре, а также необходимости изменения самого подхода к реализации политики⁶.

Интересно отметить, что такое сближение вполне укладывается в русло «онтологического поворота», характерного для современного развития научного знания. Как пишет П.П. Гайден-

Сергеев В.М. Сетевая динамика глобализации и типология «глобальных ворот» / В.М. Сергеев, А.А. Казанцев, А.С. Кузьмин, В.Д. Нечаев, Е.С. Алексеенкова и др. // Полис. 2007. № 2. С. 18–30 [Sergeev V.M. Setevaya dinamika globalizatsii i tipologiya «globalnyih vorot» / V.M. Sergeev, A.A. Kazantsev, A.S. Kuzmin, V.D. Nechaev, E.S. Alekseenkova i dr. // Polis. 2007. № 2. С. 18–30].

Громогласова Е. Наднациональный и сетевой принципы в Европейском Союзе // Международные процессы. Т. 8. № 2 (23. 2010). С. 74 [Gromoglasova E. Nadnatsionalnyi i setevoy printsipy v Evropeyskom Soyuze // Mezhdunarodnyie protsessyi. T. 8. № 2 (23. 2010). S. 74].

Wessels W. An Ever Closer Fusion? A Dynamic Macropolitical View on integration Processes // Journal of Common Market Studies. Vol. 35. № 2. 1997. P. 267–299 ; Wessels W. Teaching Companion — Theories and Strategies of European integration. Köln: Jean Monnet-Lehrstuhl für politische Wissenschaft und europäische Fragen, Universität zu Köln. March 2006. P. 82. Саворская Екатерина Владимировна. Автореферат. Влияние политических сетей на процессы надгосударственного управления (глобальный и европейский уровни). М., 2013 [Savorskaya Ekaterina Vladimirovna. Avtoreferat. Vliyanie politicheskikh setey na protsessyi nadgosudarstvennogo upravleniya (globalnyiy i evropeyskiy urovni). M., 2013].

⁵ Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. I: The Rise of the Network Society. Oxford, UK : Blackwell Publishing. 1996.

⁶ См.: Косов Г., Потапов В., Ширяев В. Цит. раб., а также Курочкин А.В. Теория политических сетей: предпосылки становления и место в современной политической науке // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Грамота. 2011. № 8 (14), ч. III. С. 117–120 [Sm.: Kosov G., Potapov V., Shiryayev V. Tsit. rab., a takzhe Kurochkin A.V. Teoriya politicheskikh setey: predposylki stanovleniya i mesto v sovremennoy politicheskoy nauke // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Gramota. 2011. № 8 (14), ch. III. S. 117–120].

ко, «преодолеть субъективизм, ставший в новое время руководящим принципом при исследовании научного знания и постепенно превративший гносеологию в основную философскую науку, можно лишь путем обращения к рассмотрению *бытия* как центрального понятия философии и — соответственно — к онтологическим, бытийным основаниям всякого знания, в том числе и знания научного»⁷.

Двигаясь по колее, проложенной зарубежными предшественниками, некоторые отечественные политологи не заметили этого поворота. Повторяя чужие суждения, они посвятили свои усилия исследованию никогда не существовавших в реальности фикций. Среди них: «асимметричные конфликты», «новые акторы мировой политики», «конфликты нового поколения». Появление целого ряда трудов, посвященных исследованию всего этого, и даже учебников, эти труды пересказывающих и обобщающих, не отменяет того, что ни одного симметричного конфликта со времен Каина и Авеля как не было, так и нет. До сих пор нет и нового (или хотя бы молодого и свежего, в возрасте менее 2–3 веков) актора мировой политики. Что же касается политических «конфликтов нового поколения», в которых якобы лишь недавно стали сочетаться внутривнутриполитические и внешнеполитические составляющие, то это поколение конфликтов живет и здравствует, по крайней мере в европейской цивилизации, уже со времен античной Греции и Древнего Рима.

Как это не раз случалось в истории человеческого познания, изучение несуществующего оказалось очень полезным для совершенствования техники исследования и обучения самих исследователей, включая подготовку ими квалификационных работ, кандидатских и докторских диссертаций. Однако все это мало помогло решению проблем, стоящих перед политической наукой, стремящейся, изучая современную реальность, заглянуть в будущее. Не случайно сегодня отечественные исследователи, углубленно занимающиеся мировой политикой, в частности проблемой глобального управления, озабочены неопределенностью онтологической идентификации своего предмета исследования: «объект глобального управления мерцает — он и есть, и его нет. С субъектом управления ситуация обстоит даже хуже. Он отсутствует в большей степени, чем объект управления»⁸. Пытаясь, по-видимому, восполнить нехватку (не столько философских, сколько эмпирических, конкретно-политических) оснований для своих суждений об источниках движения мировой политики, некоторые из них указывают на национализм и религиозный фундаментализм как на новых акторов мировой политики⁹ или рассматривают религиозный фундамента-

⁷ Гайденок П.П. Научная рациональность и философский разум. М., 2003. С. 44–45 [Gaydenko P.P. Nauchnaya ratsionalnost i filosofskiy razum. M., 2003. S. 44–45].

⁸ Лебедева М.М., Харкевич М.В., Касаткин П.И. Глобальное управление. М., 2013. С. 14 [Lebedeva M.M., Harkevich M.V., Kasatkin P.I. Globalnoe upravlenie. M., 2013. S. 14].

⁹ Боришполец К.П. За что боремся? «Приватизация» мировой политики: локальные действия — глобальные результаты». М.: Изд-во МГИМО (У), 2008. С. 190–208 [Borishpolets K.P. Za chto boremsya? «Privatizatsiya» mirovoy politiki: lokalnyie deystviya — globalnyie rezultaty». M.: Izd-vo MGIMO (U), 2008. S. 190–208].

лизм как ее субъект¹⁰. Размышляя в этом контексте об управлении в мировой политике, М.М. Лебедева, М.В. Харкевич и П.И. Касаткин отмечают: «субъект и объект управления неразличимы. Успех управления зависит от того, насколько полно субъекту удалось слиться с объектом, гармонизировать свои ценности с ценностями управляемой им системы. Хорошо описывает данный подход акторно-сетевая теория, в которой субъект и объект неразличимы»¹¹.

Потеря политологами-международниками субъект-объектных отношений из-за «неразличимости» субъекта и объекта в сети мировой политики отчасти напоминает потерю физиками материи, случившуюся на рубеже XIX–XX веков. Действительно, задача выявления онтологических оснований концептуализации мировой политической сети весьма сложна. Но решается она куда проще, чем в физике, хотя бы потому, что уже длительное время наиболее мощным и влиятельным элементом, образующим мировую политическую сеть, является государство, составляющее основу и государственно-центричной («Вестфальской») системы, которая представляет собой относительно обособленную часть мировой политической сети.

Эта система, испытывая влияние меняющихся условий своего существования, обнаруживает выдающиеся способности к адаптации. На протяжении столетий она не только сохраняет свою гомеостатическую стабильность, но и неуклонно обновляется и расширяется.

Не заглядывая в глубь веков, напомним, что еще в 1816 г., т.е. после наполеоновских войн и Венского конгресса, в «Вестфальскую» систему входило всего 23 государства, основные отношения между которыми были либо политические, либо экономические (а связи принимали формы конфликта, союза, дипломатических отношений и торговли). В 1816 г. существовала всего одна международная организация — Центральная комиссия судоходства по Рейну, в состав которой входило всего 6 государств: Франция, Бельгия, Баден, Бавария, Пруссия и Великое Герцогство Гессен. В 1910 г. государств было 46, то есть в два раза больше, чем в 1816, но действовало уже 46 (sic! — Д.Ф.) международных организаций, причем почти каждое государство являлось членом хотя бы одной из этих организаций (только Албания и Марокко не состояли ни в одной международной организации)¹². Ныне, как известно, лишь одна из многих сотен международных организаций — ООН — включает в себя 193 государства.

«Сетевое» понимание мировой политики не противостоит «системному». Ведь «Вестфальская» система в ее «се-

¹⁰ Боришполец К.П. Амальгама религиозных ценностей и перспективы межконфессионального сотрудничества // Универсальные ценности в мировой и внешней политике. М.: Изд-во Московского университета, 2012. С. 60–66 [Borishpolets K.P. Amalgama religioznyih tsennostey i perspektivy mezhkonnatsionalnogo sotrudnichestva // Universalnye tsennosti v mirovoy i vneshney politike. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2012. S. 60–66].

¹¹ Лебедева М.М., Харкевич М.В., Касаткин П.И. Цит. раб. С. 61–62 [Lebedeva M.M., Harkevich M.V., Kasatkin P.I. Tsit. rab. S. 61–62].

¹² См.: Maoz Z. Networks of Nations: the evolution, structure, and impact of International Networks, 1816–2001 / Maoz Z. New York: Cambridge University Press, 2011. P. 11 [Sm.: Maoz Z. Networks of Nations: the evolution, structure, and impact of International Networks, 1816–2001 / Maoz Z. New York: Cambridge University Press, 2011. R. 11].

тевом» понимании оказывается только одним, хотя и самым «мощным», из компонентов мировой политической сети. Неиерархический характер структуры сети мировой политики отнюдь не обуславливает ни тождества, ни неизменности структур всех ее компонентов. Так, «Вестфальская» система на всем протяжении своего существования неоднократно изменяла свою структуру.

Негосударственные акторы мировой политики, взаимодействуя на международной арене, выходят за рамки «Вестфальской» системы в куда более широкую, чем межгосударственная, сферу общественных отношений — мировую политическую сеть. Но, как бы многочисленны и влиятельны ни были негосударственные акторы, находясь «внутри» государственно-центричной системы международных отношений, они остаются под влиянием государства. Соответственно, «по факту» здесь действуют как системные, так и «сетевые» целевые ориентиры, ценности и правила политического поведения.

Однако в практике политического бытия, реального поведения на мировой арене — в том числе и в условиях глобализирующегося социума — отчетливо обнаруживается смысловое различие в сущностной основе правил, норм и принципов системы межгосударственных отношений и правил, действующих в сети мировой политики. Это различие проявляется в несоответствии нормативной (не только международно-правовой, но и идейно-ценностной) базы, определяющей реализацию правил участия в межгосударственном взаимодействии (назовем их «правилами системы»), целевым уста-

новкам правил эффективного взаимодействия всех акторов мировой политики (т.е. «правилам сети»).

Правила «сети», включающие в себя, например, исконно общечеловеческое «ты — мне, я — тебе», общеизвестное, хотя и менее популярное, «золотое правило нравственности» или «технологическое»: «не можешь победить — присоединяйся», оказываются куда более неизменными и эффективными, чем правила любой из сменяющих друга систем международных отношений. Это касается как правил, закрепленных в общих принципах международного права: уважение суверенитета и территориальной целостности, невмешательство во внутренние дела других государств, право народов на самоопределение и т.д., так и правил двусторонних отношений, устанавливаемых во взаимных соглашениях о союзе, торговле, помощи, границах и т.д.¹³ Другими словами, не только действия «чисто» сетевых, но и «системных» (государственных) акторов сети в повседневной практике мировой политики определяются прежде всего политической целесообразностью, т.е. целью и смыслом политического бытия в условиях конкретной ситуации, складывающейся во властных отношениях.

Не занимаясь в данном случае выявлением и анализом тех или иных онтологических особенностей взаимодействия в сети мировой политики в целом (таких как интенсивность, хаотичность, плотность и т.п.), отдельных сетевых ак-

¹³ Подробнее об этом см.: Фельдман Д.М. О правилах мировой политики // Вопросы философии. 2012. № 5 [Podrobnее ob etom sm.: Feldman D.M. O pravilah mirovoy politiki // Voprosy filosofii. 2012. № 5].

торов (в частности, малые группы, клики) или формализованным описанием их взаимодействия (например, при помощи теории графов), подчеркнем, что эти особенности, воплощаясь и обнаруживаясь в «правилах сети», глубоко укоренены в социуме Земли. Их теснейшая связь с социентальной основой человеческой истории проявляется в том, что эти особенности и правила присущи любому периоду общественного существования *homo sapiens* и любой сфере общественных отношений.

Излагаемый здесь подход к пониманию мировой политики как сети, живущей по специфическим правилам и имеющей специфические структуры, не позволяет пройти мимо утверждения теоретически (а не ситуативно) мыслящих конструктивистов о том, что фундаментальные структуры мировой политики носят скорее социальный, нежели материальный характер¹⁴. Соглашаясь с этим «в принципе», следует признать и то, что эти структуры формируют не только власть¹⁵, но и интересы, и «правила», и сами способы поведения акторов мировой политики.

Комментируя это утверждение, Т.А. Алексеева совершенно справедливо подчеркивает связь такого понимания структуры мировой политики с концептом «дискурсивная сила». Эта сила (в ее содержание входят знание, идеи, культура, язык, идеология) производит и воспроизводит интерсубъективные

смыслы. Она предопределяет, каким образом структура, идентичность, отношения между акторами мировой политики, как и другие социально-бытийные факты, должны пониматься. Эта сила определяет смыслы, составляющие бытийную содержательную (но не исключительно материальную! — Д.Ф.) основу сети. Как бы ни был далек политолог от принятия любой версии конструктивизма или конспиралогии, ему придется согласиться с тем, что «здесь открывается пространство для манипулирования, навязывания определенной интерпретации и затушевывания других возможных смыслов. Собственно, именно здесь всплывает момент определения «друзей», «соперников» и «врагов»¹⁶. Для политолога, заинтересованного в практическом использовании (и проверке!) своих теоретических суждений, это утверждение имеет очень большое значение. Прежде всего, оно определяется задачами если и не глобального управления мировой политической сетью, то ее регулирования или, что еще ближе к насущным проблемам современности, — манипулирования сетевыми сообществами.

В данном тексте термин «манипулирование» употребляется для обозначения одного из способов целенаправленного воздействия на социальную группу для использования ее ресурсного, политического, духовно-нравственного или любого другого потенциала (включая, например, численность или вооружение) при достижении целей, не отвечающих содержанию объединяющих данную группу собственных интересов или ценностей. При этом такие «чужие»

¹⁴ См.: Алексеева Т.А. Мыслить конструктивистски: открывая многоголосый мир // Сравнительная политика. 2014. № 1 (14). С. 4–22 [Sm.: Alekseeva T.A. Myislit konstruktivistski: otkryivaya mnogogolosiy mir // Sravnitel'naya politika. 2014. № 1 (14). S. 4–22].

¹⁵ Castells M. Op. cit. P. 202 [Castells M. Op. cit. R. 202].

¹⁶ Алексеева Т.А. Цит. раб. С. 13 [Alekseeva T.A. Tsit. rab. S. 13].

цели, становясь одним из смыслов существования и жизнедеятельности манипулируемой группы, в значительно большей степени соответствуют ценностям, целям и интересам манипуляторов, чем манипулируемых.

Мировая политическая практика дает немало примеров подобного манипулирования. Таким примером являются не только преданные идее независимости радикальные украинские националисты, выступающие за скорейшую интеграцию своей страны в ЕС, но и российские фанаты местного футбольного клуба, устраивающие массовые акции против иностранных мигрантов. Во всех этих и многих схожих случаях действительно может создаться впечатление «неразличимости» субъекта и объекта управления. В условиях конкретной политической ситуации, выявляющей реальную сущность властных отношений, ответ на вопрос о субъекте и объекте управления, так же как и на вопрос об основаниях осуществления или получения власти, помогает получить знание принципов и правил функционирования не столько иерархически устроенного гражданского общества, сколько практики поведения толпы, ведомой логикой сети.

Ее социокультурной основой являются обыденные «житейские» ценности, а зачастую и утвердившиеся в данной группе «понятия» и «подкоркой чувствуемая», т.е. не отрефлексированная, целесообразность. Лидеры и вожаки толпы получают свою власть не из-за возможного, но не обязательно, наличия у них легитимизированного статуса, а в силу приверженности ценностям и интересам данного сетевого сообщества, по сути, представляюще-

го собой толпу одиночувствующих. Вопреки известной поговорке, здесь хвост, если и не виляет собакой, то, будучи ущемленным, может сильно влиять на ее поведение и уж во всяком случае — на ее гавканье.

Переходя от метафор к рассмотрению сетевой природы толпы, следует отметить, что толпа по сути представляет собой одну из форм явления, которое исследователи сетей называют «маленький мир». Феномен «маленького мира» вызван появлением сети с высоким уровнем взаимодействия, охватывающей, независимо от наличия посредников, весьма ограниченное количество людей, более строго — элементов. При анализе социальных сетей обычно выделяют два вида сетей: по отношению и по принадлежности. «Сети по отношению (однорежимные сети) характеризуются наличием, направлением и масштабом взаимодействий между элементами. К таким сетям относятся соседские, дружеские или торговые сети. Сети по отношению могут быть симметричными или асимметричными. Сети по принадлежности (их называют еще двухрежимными сетями) — это такие сети, взаимодействие в которых определяется принадлежностью элемента, его участием в событии, организации или группе. Примером таких сетей является членство в профессиональной ассоциации или социальных клубах, ветеранских организациях или сообществах по интересам»¹⁷.

В экстремальных условиях политического кризиса или острого конфликта грань между сетевым сообществом граждан и толпой становится все более проницаемой и рушится. Говоря язы-

¹⁷ Maoz Z. Op. cit. С. 7.

ком Аристотеля, одного из самых первых политологов, описавших этот феномен, демос смешивается с метеками, перизками и даже илотами, а политика и демократия уступают охлократии. Власть, действующая по закону, подменяется властью законов толпы, охлоса, склонного действовать под влиянием эмоций и настроений, легко внушаемых как бы самоорганизовавшимся кооперативным (часто — криминальным) менеджментом. Его формирование, так же как дифференциация толпы (сети) на «актив» и «болото» или по каким-либо другим отдельным качествам составляющих ее людей (элементов), сами по себе еще не означают ее иерархизации. Толпа в соответствии с встающими перед ней управленческими, пропагандистскими, снабженческими задачами, решаемыми по «правилам сети», не институализирует и не соподчиняет структуры, выполняющие соответствующие функции. Ситуативно-временное существование этих структур, переменный состав большинства из составляющих их элементов, допуская некоторую специализацию, не дают им институализироваться в соответствии с «правилами системы», действующими в данном локальном сообществе. Именно в этом состоит одно из кардинальных отличий толпы от племени, банды уголовников или команды туристов-байдарочников,двигающейся по порожиистой реке¹⁸. Не обращаясь в данном случае к рассмотрению этнических, религиозных или психологических особенностей поведения толпы, что является отдельной те-

мой многочисленных исследований, проводимых в течение многих лет многими учеными, подчеркнем два принципиально важных обстоятельства.

Первое. Его очень точно обозначил один из первых и наиболее известных исследователей «эры масс» французский ученый Ле Бон. Характеризуя человека толпы, он указывал на такие его главные, отличительные признаки как «исчезновение сознательной личности, преобладание бессознательной личности, ориентация мыслей и чувств в одном и том же направлении вследствие внушения и заражения, тенденция к безотлагательному осуществлению внушенных идей. Индивид не является больше самим собой, он стал безвольным автоматом»¹⁹. В контексте рассматриваемой проблемы это означает: толпа создает крайне благоприятные условия для манипулирования индивидами.

Второе. Как следует из сказанного выше, толпа — это по своей сути сетевое, т.е. не имеющее иерархической структуры, образование. Побуждение к действию в толпе передается от одного индивида к другому, с добавлениями и искажениями, легко возникающими в атмосфере общего возбуждения. «Разогрев» толпы — дело относительно нетрудное, во всяком случае — недорогое. Куда сложнее управление толпой: она действует по своим собственным представлениям о политической целесообразности, «по понятиям», смысл

¹⁸ В попытке оживить суховатый текст автор обращается также к опыту коллег — альпинистов, футболистов и т.д. [V popytke ozhivit suhovatyy tekst, avtor obraschaetsya takzhe k opyitu kolleg — alpinistov, futbolistov i t.d.].

¹⁹ Цит. по: Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого «Я» // З. Фрейд. По ту сторону принципа удовольствия. М. : Прогресс, 1992. С. 262 [Tsit. po: Freyd Z. Massovaya psihologiya i analiz chelovecheskogo «Ya» // Z. Freyd. Po tu storonu printsipa udovolstviya. M. : Progress, 1992. S. 262].

которых нередко весьма существенно отличается от политических целей не только ее признанных вожаков, но и действительных организаторов, сумевших стереть (или не дать образоваться) грань, отделяющую охлос от демоса.

С точки зрения сетевого понимания процессов, определяющих облик современной мировой политики, толпа на Майдане и на площади Тахир, при всем различии их политического бытия, интересов, ценностей и смыслов, — это прежде всего толпа, организованная и действующая как сеть. Сетевая форма объединения людей, самоорганизации толпы оказывается чрезвычайно эффективной (но никак не новой) организацией политической деятельности — как уже отмечалось, сущностной, онтологической основой любой политической сети является отсутствие действующей в ней управленческой централизации, иерархии власти.

Анализируя шансы власти в борьбе с мятежами масс, леворадикальные авторы Майкл Хардт и Антонио Негри со знанием дела указывают, что враги и угрозы порядку возникают обычно в виде сетей, а не централизованных и независимых субъектов. «Власть распределяется там по-разному, неровно и неограниченно. Другой важной характеристикой распределенной сетевой формы является то, что сеть постоянно подрывает стабильные границы между тем, что находится внутри, и тем, что остается вне сети. Это не значит, что она всегда присутствует повсеместно; речь идет лишь о том, что ее наличие и отсутствие обычно не очевидны. Можно сказать, что у сети есть тенденция к преобразованию всякой границы в порог.

В таком смысле сети, в сущности, неуловимы, эфемерны, неизменно ускользающи. Поэтому в один момент они могут показаться универсальными, а в следующий — растворяются в воздухе»²⁰.

Главное в этой констатации состоит не в признании того, что «для борьбы с сетью нужна другая сеть»²¹. Куда более важным для существа рассматриваемой проблемы является хорошо фактологически и методологически обоснованный политический вывод: «сетевая форма налагается на все грани власти непосредственно из-за необходимости обеспечить действенность управления»²². Значение этого вывода определяется еще и тем фактом, что М. Хардт и А. Негри, предлагая свой «проект множества», стремятся обосновать возможность построения новой социально-политической структуры глобального общества и создания «подлинной демократии».

Подход к организации власти (в том числе и глобальной) в форме сети не только методологическая установка, помогающая решению задач различения субъекта от объекта или данной идеологической ориентации от масс, принявших ее как руководство к действию. Его политическое значение состоит в том, что ориентация на сетевую организацию власти означает кардинальную смену ее структуры,

²⁰ Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М. : Культурная революция, 2006. С. 77 [Hardt M., Negri A. *Mnozhestvo: vojna i demokratiya v epohu imperii*. М. : Kulturnaya revolyutsiya, 2006. S. 77].

²¹ Цит. раб. С. 82 [Tsit. rab. S. 82].

²² Там же. С. 87 [Tam zhe. S. 87].

перестройку, а на деле — слом сложившейся иерархии в системе властных отношений.

Человек толпы, «освобожденный» ею от иерархии власти, выходя на мировую арену, становится, по словам И. Канта, «эгоистом», все цели которого ограничены самим собой. Этому «эгоизму можно противопоставлять только плюрализм, т.е. образ мыслей, при котором человек рассматривает себя и ведет себя не как охватывающий в своем Я весь мир, а только как гражданин мира»²³.

Не пытаясь оценить вероятность и сроки завершения подобных изменений в «образе мыслей», все же можно с высокой долей уверенности попытаться указать на грядущего властелина глобального мира. Этим миром будет править столь же глобальный охлос, состоящий из «эгоистов». Не «граждане мира» образующие демос и политику с легитимными законами и общественными институтами, а являющийся большинством населения Земли охлос, овладевший компьютерной грамотностью и средствами быстрого доступа к глобальным коммуникативным сетям²⁴,

выйдет с агоры на международную арену. Действуя как бы независимо от национального суверенитета и национально-государственных интересов, именно он будет делать мировую политику. Идеологема «управления без правительства», ставшая пунктом сопряжения для классического либерализма и аутентичного марксизма, сможет наконец-то найти хоть какое-то зримое воплощение.

Однако реальный компьютеризированный охлос, как и фиктивный мировой пролетариат, не могут властвовать без своего менеджмента, манипулирующего массами в целях эффективного решения задач, имманентных любой системе властных отношений. Власть толпы, осуществляемая переменным составом охлократов, не приведет к, казалось бы, очевидно напрашивающейся легитимизации «правил сети», действующих в сфере мировой политики. Именно в этой сфере менее всего вероятна легитимизация единых, общих для всех акторов мировой политики правил глобального управления и регулирования. И именно здесь наиболее отчетливо проявляются различия в их подходах к целям международного взаимодействия, к его приоритетам, ценностям и критериям.

Размышляя о возможности реализации различных концепций глобального управления и заглядывая в будущее, нетрудно представить себе глобальный охлос, состоящий из «эгоистов»-неграждан, т.е. людей, не являющихся гражданами в собственном, политиче-

²³ Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. § 2 // Кант И. Соч. в 6 т. М., 1966. Т. 6. С. 361 [Kant I. Antropologiya s pragmaticheskoy tochki zreniya. § 2. Kant I. Soch. v 6 t. M., 1966. T. 6. S. 361].

²⁴ Возникающие сомнения в том, является ли современный Internet сетью в точном значении этого термина, предстоит оценить специалистам, разрабатывающим проблемы коммуникации в киберпространстве, а не политологам. Однако тот факт, что многие ресурсы и сегменты сети сегодня технически возможно блокировать как из Вашингтона, так и из Пхеньяна, имеет вполне понятное политическое значение [Voznikayushchie somneniya v tom, yavlyayetsya li sovremennyy Internet setyu v tochnom znachenii etogo termina, predstoit razveyat spetsialistam, razrabatyvayushchim problemy kommunikatsii

v kiberprostranstve, a ne politologam. Odnako, tot fakt, chto mnogie resursyi seti segodnya tehicheski vozmozhno blokirovat kak iz Vashingtona, tak i iz Phenyana, imeet vpolne ponyatnoe politicheskoe znachenie].

ском (не говоря о Кантовском) смысле этого понятия, но имеющих возможность благодаря техническому совершенствованию сетевых коммуникаций выйти на глобальную, всемирную агору. В этой ситуации ответ на главный политический вопрос: «кому принадлежит власть?» будет состоять не в указании на субъект и объект глобального управления. Он будет зависеть от тех социально-культурных основ, которые в конечном счете и станут определять бытие сетевого глобального охлоса.

Констатируя растущую охлотизацию и хаотизацию в сети мировой политики, заметное в некоторых странах оживление интереса к тезису о «нерелевантности» ООН и ее органов в полицентричном мире XXI века, вряд ли

следует видеть в этом признаки приближающегося краха цивилизации, конца «Вестфалья» или симптомы вселенской катастрофы. Чем меньше такого регулирования сегодня — тем острее будет потребность в нем в будущем. Анализ динамики мирового развития со времен античности до наших дней убеждает в том, что хаос несет в себе не только всемирный беспорядок, но и начало всякого нового, в том числе политического, порядка бытия. В конечном счете именно сама бытийная сущность мировой политики через подвижные исторические, цивилизационные и социокультурные формы взаимодействия между участниками глобальных властных отношений даст верный ответ на вопрос: кто правит миром?

Сеть мировой политики: от проблем концептуализации к глобализации охлоса

Фельдман Дмитрий Михайлович, доктор политических наук, профессор кафедры мировых политических процессов факультета политологии МГИМО (У) МИД России

***Аннотация.** В статье рассматриваются теоретические проблемы, связанные с пониманием мировой политики как сетевого объекта. Автор исходит из того, что превращение мировой политики в общепланетарную, глобальную сеть актуализирует исследование индивида как ее самого древнего и постоянного актора, действующего по «правилам сети». Он излагает свое понимание сетевого подхода к мировой политике и анализу субъект-объектных отношений, возникающих в ходе развития мировых политических процессов. Значительное внимание уделено выходящему на глобальную мировую арену охлосу и возможностям манипулирования им. Освоивший средства доступа к глобальным коммуникативным сетям охлос получает возможность «управления без правительства». Это, по мысли автора, не может превратить его в законодателя мировой политики.*

***Ключевые слова:** мировая политика, сеть, система, управление, манипулирование, толпа.*

World Politics Network: From Conceptualization Problem to the Crowd Globalization

Dmitry Feldman, Ph.D. in Political Science, Professor, World Politics Department, School of Political Affairs, MGIMO-University

Abstract. *The article deals with theoretical problems associated with understanding of world politics as a network object. The author assumes that the transformation of world politics in a global, global network actualizes the study of the individual as its most ancient and constant actor, acting according to the «rules of the network». He sets out his understanding of the network approach to world politics and analysis of the subject-object relations arising in the course of development of the world political processes. A significant attention is paid to crowd facing the global arena and opportunities of manipulating them. Mastered means of access to global communication networks crowd gets the opportunity of «governance without government». This, according to the author, can't turn him into a trendsetter in world politics.*

Key words: *world politics, network, system, management, manipulation, crowd.*

POLITICAL CULTURE AND DEMOCRATIZATION IN RUSSIA

Vijay Kumar

Causes of democratization and its sustenance (or how it would sustain) has been primary focus area for students and intellectuals of politics science since long (probably from the time of Aristotle)¹. With the increasing number of country becoming democracy, which has been described by Huntington (1991–1992) as “global democratic revolution”, the horizon of democratization research field has expended a lot. After 1990s shift from one political system (communist) to another political system (democratic), Russian democratization process has also got same importance and seriousness from the scholars and intellectuals, policy makers and government from whole over the world. Scholars and intellectuals engaged with democratization research are trying to put forward various possible answers regarding the way democratization process is unfolding and its actual form taking in Russia. The main theories through which the process of democratization in Russia has been explained are (1) Modernization theory (where industrialization, urbanization, secularization, bureaucratization and high per-capita income of a country has been considered as the prerequisite for democracy) (2) Transition theory (here consensus and compromise among national elite regarding the political form of the country has been given prominent place) (3) Cultural the-

ory (where culture of particular country (mass culture) is amenable or not for democratic experiment and development has been analysed and explained).

It is important the note that all of the above theories are either taken out from the democratic experience of Western European countries or Latin America. However scholars of “Kremlinology” are finding it difficult to theorise the sudden emergence of democracy and its form which is quite different from Western countries in the light of above mention theories. In this context the purpose of this article is to analyse present Russian democratization process through political culture approach and give various possible answers in order to understand (1) why scholars have not been able to give satisfactory answer regarding present democratisation process in Russia through political culture approach and related to this is (2) how one can make sense of “Russian political culture” and “Russian democracy” and the relation between the two.

One can define political culture as base above which any structure of political system can stand /sustain. It is part of countries over all culture. It is a mass culture; how mass make sense of its own political system, whether they have trust on and loyalties for particular political system. This political culture theory is of view that for the sustenance of any political system mass belief in that system is required, since it is the people who make or un-

¹ Coppedge M. *Democratization and Research Methods*. Cambridge University Press, 2012.

make the any form of polity (I.e. democracy, authoritarian, dictatorship, monarchy or aristocracy). The basic philosophy of the political culture approach is that any type of government needs legitimacy from masses to his or her survival and without peoples support, trust and loyalty no government can sustain and function. So it is the culture of masses (democratic, authoritarian, dictatorial, monarchy or aristocracy) which sustain any form of government. And distinctive civilization, history, values system, religion, and geographical location constitute main sources of this culture.

In this regard it is important to mention that a bunch of political scientist do not consider Russia's present political form as democratic. They described it as 'delegative democracy', 'guided democracy', 'electoral clanism', 'oligarchy and 'low calibre democracy'².

Interpretation of Russian political culture and democracy

(a) Does Russia have undemocratic political culture?

The simple reason for Russia's not having democracy is because of Russia's undemocratic or authoritarian political culture³. For these scholars Russian people did not have experience of democratic government. So they lack the democratic political culture in order to support democratic government (Levada, 1995; Kutkovets and Klyamkin, 1997)⁴. In this way

"Russians are frequently described as the enablers of their own autocracy" (Haley 2009). In this regard modernisation theorists⁵ are of the view that this culture can be change also with the introduction of industrialization, secularization, individualism and capitalism. It is on the believe of modernisation project that scholars of this theory are of view that if every country go through the process of modernization it is not difficult to have successful democracy in that country. However this theory has been heavily came under attack from "dependency theorist" (mainly belongs to Latin America) who argues instead of democracy many Latin American country spill into authoritarianism; simply following the footstep of Western country cannot guarantee the same result⁶.

Without denying the fact that Russia shares a distinctive, historical, civilizational, cultural, religious and ethnic identity like any other different civilization including present capitalist states like Germany, Japan and the United states. The basic problem here is to tag one culture is with one political system (i.e. European culture with democratic, individualistic and liberal while other culture

² Robinson N. The Politics of Russia's Partial Democracy // *Political Studies Review*. 2003. Vol. 1, issues (2). P. 149–166.

³ Keenan Ed. L. Muscovite Political Folkways // *Russian Review* 1986. 45. P. 115–84; Tucker R. *Sovietology and Russian History* // *Post-Soviet Affairs*. 1992. 8 (3) : 175–196.

⁴ Mishler W., Willerton J.P. The Dynamics of Presidential Popularity in Post-Communist Russia: How Exceptional are Russian Politics?

A revised version of a paper presented at the Annual Meetings of the American Political Science Association, Washington DC, and August 31 — September 3, 2000; Inglehart R., Welzel Ch. *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*, Cambridge University press, 2005; Ishiyama J.T. *Comparative Politics Principles of Democracy and Democratization*. Wiley-Blackwell USA, 2012.

⁵ Inglehart R., Welzel Ch. *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*, Cambridge University press, 2005.

⁶ Ishiyama J.T. *Comparative Politics Principles of Democracy and Democratization*. Wiley-Blackwell, USA, 2012.

including Russia as collectivist, authoritarian and illiberal). However in spite of being distinct civilization from Europe many Asian and African countries became democracy (including India). It is important to mention after Indian independence same doubt had been raised by many western scholars regarding the prospect of Indian democracy looking at its distinct civilization and location from Europe. However today India has been considered as the one of the most successful democracy. In this regard Mishler and Willerton⁷ persuasively argue that “exceptionalist hypothesis is far from being exceptional or limited to Russia. Lipset⁸ among others has written widely on the idea of American exceptionalism, and, in one guise or another, exceptionalist hypotheses have been used to distinguish parts or all of Africa, Asia, the Middle East, and Latin American”.

As far as Russia's culture is concern scholar from inside or outside Russia are not satisfied with the cultural interpretation which identify Russia with authoritarian and illiberal. Instead they have provided equally valid alternative interpretation of Russian political culture. In this regard Sakwa⁹ while quoting from Whitefield¹⁰ is of the view that “The past,

like facts, is created in the eyes of the beholder. There are many Russian pasts reflecting its Asiatic and European identities. In the nineteenth century Russia was torn between Slavophiles like Alexei Khomyakov and Ivan Kireevsky who stressed Russia's communal, Orthodox and traditional ways against Westernisers like Konstantin Kavelin, Boris Chicherin and, on the socialistically inclined wing, Alexander Herzen and Vissarion Belinsky, who rejected appeals to Russia's uniqueness and insisted that the only road to the future lay through Europe. In the twentieth century the country once again was divided between liberals espousing the development of individualism, the rule of law and the market and socialists of various stripes espousing collectivism, egalitarianism and constraints on the market, if not its abolition in its entirety”.

It is because of the reason that Petro¹¹ is of the view that “the reasoned analysis failed to predict the demise of communism, I believe, lies in the conventional wisdom about Russian political culture. Despite their political and methodological differences, nearly all students of Russian and Soviet politics agreed that Russian political could safely be characterised as more centralist, more interventionist, and more collectivist than its north American or European counterparts”. Perestroika, however laid bare inadequacy of this received wisdom. The astonishing upsurge in activism after 1987 (more than sixty thousand independent associations involving nearly fifteen million people emerged) was clearly inconsistent with

⁷ Mishler W., Willerton J.P. The Dynamics of Presidential Popularity in Post-Communist Russia: How Exceptional are Russian Politics? A revised version of a paper presented at the Annual Meetings of the American Political Science Association, Washington DC, and August 31 — September 3, 2000.

⁸ Lipset S.M. Continental Divide: the Values and Institutions of the United States and Canada. Routledge, 1990.

⁹ Sakwa R. Russian politics and society. Routledge Taylor & Francis Group, 2008.

¹⁰ Lukin A., Lukin P. Myths about Russian Political Culture and the Study of Russian History; Stephen Whitefield (editor). Political Culture

And Post-Communism, Palgrave Macmillan, 2005.

¹¹ Petro N.N. The rebirth of Russian democracy. Harvard University Press, 1995. P. 1–2.

the image of a politically passive population". He is further of the opinion that "By assuming that official political expression reflected popular sentiment most analysts failed to recognise that democracy, or *narodovlastie* in Russian has deep roots in Russian history. These roots became quite apparent if the traditional focus of political culture is broadened to include the Russian emigration, dissident groups inside the USSR, and contemporary post-communist Russian politics. In each of these arenas the struggle for Russian civil society can be traced from Muscovite times through to the collapse of communism and beyond". For him the desire to restore civil society, the rule of law, private property, free enterprise, and political pluralism existed in Russia well before the Soviet regime collapsed and even before perestroika began.

Similarly emphasising on alternative Russian political culture Lukin and Lukin¹² has shared a similar view "historical basis of these assumptions (which portray Russian political culture as authoritative and undemocratic) is based on excessive generalisation and on overly broad and ill-founded conclusions that fail to take into account recent developments and findings in the study of Russian history. Rethinking these assumptions, therefore, may put Russian political culture and the constraints it may impose on the country's political development, in a different light". They are further of the view that "Self-government existed in the territory of contemporary Russia for hundreds of years and, in some periods, it played a significant role". For them "the

political system of the Russian state in the sixteenth and seventeenth centuries is often called limited monarchy with representation of estates". In this way "Russian did not experience unconstrained monarchy as has been portrayed by many scholars. In 1699, a decree by Peter I introduced elected self-government in the cities (bailiffs in provincial cities, a town council in Moscow). And Even during the Soviet period some elements of genuine elections (e.g., in research institutions, the Orthodox church, etc.) survived. Besides, the Soviet Communist Party and the Soviet State preserved formal election procedures, which began to gain real meaning as soon as the Communist dictatorship weakened. Thus, elements of self-government existed in Russia during every period of its history that at times played an important role"¹³. They are further of the opinion that "at the beginning of the twentieth century, the Russian empire was hardly less democratic than the Hapsburg Empire, where the two-chamber parliament (Reichsrat), like the State Duma in Russia, was elected by indirect elections.

Similarly the leaders of Soviet Union had always described their political system as democratic. So the Soviet Union, like most parliamentary democracies, claims to be evolving in the direction of greater democracy. It may of course be found that the system itself, the direction of its development, and its development, and its democratic ideal were vastly different from those of the west¹⁴. So there are historical reasons to believe that why 'democracy' was not unknown concept to the people of the former Soviet Union, contrary to what is suggest-

¹² Lukin A., Lukin P. *Myths about Russian Political Culture and the Study of Russian History*; Stephen Whitefield (editor). *Political Culture And Post-Communism*, Palgrave Macmillan, 2005. P. 16.

¹³ Ibid. P. 20.

¹⁴ Churchward L.G. *Contemporary Soviet government*. Routledge and Kegan Paul, 1968.

ed by those sceptics who argue that citizens of former Soviet Union should have no understanding of democracy. In this context¹⁵ has rightly pointed out that “scholars who specialize in Russian history are inclined to emphasize distinctive and even unique features of Russia’s past and to argue that these tend to determine the path that the new regime will follow. Continuities between past and present are readily cited from tsarist and Soviet practice”. In this regard they are further of the opinion that “the proposition — Russian history matters — raises the question: which history? Is it the history of despotic reform of Ivan the Terrible or of the successes and failure of nineteenth — century tsars? How relevant is the Soviet experience under Stalin as compare to that of Brezhnev and or Gorbachev?” In the same way while referring to M. Berdiayev, Czajowski is of the view that, “the Russia civilization cannot be treated as a phenomenon characterized by a certain historical continuity, but one must isolate in the past of that country several cultures succeeding each other’s. Referring to the scheme proposed by that philosopher of the Christianity, Z. Madej individuates the micro-model of the oriental civilization (Byzantine) and opposes it, in a certain sense, to the macro-model “covered by the Western civilization”. The first is a sort of a buckle clamping the three civilization models: the Ruthenia of Kiev; the Tartarian and Mongolian period; the Russia of Moscow. The second encompasses the Russia of Peter and the communist “closed society”. The collapse of that last civilization opens the way to the sixth, post-communist model”¹⁶.

¹⁵ Rose R., Mishler W., Munro N. Russia transformed; developing popular support for a new regime. Cambridge University press, 2005. P. 9.

¹⁶ Czajowski A. The Prospects of Democratization of Russia: Between Slavophilism and

(b) Do Russian people are undemocratic?

Many scholars and intellectuals from inside and outside Russia has describe Russian masses as undemocratic (Baker and Glasser; 2005; Mendelson and Gerber (2006); Gudkov and Dubin (2007)¹⁷. Contrary to this Rose (et. al 2006; p. 128) are of the view that “for majority of Russians, democracy is a positive ideal”. Similarly Colton and Mcfaul (2001) are of the view that “Comparative scholars throughout the 1970s and 1980s portrayed the process of democratization as a top-level affair, a bargain between elites that produced new democratic institutions. These democratic institutions then helped to change society in a more democratic and liberal direction. The Russian case brings to mind a quite different dynamic: the people have assimilated democratic values faster than the elite have negotiated democratic institutions”. Making more clarity on this issue Mcfaul further explained in media conference in 2007, “If you ask Russians do you want an autocratic system, they say no, and by like, 80 per cent say no. They just don’t perceive the system that they live in today as being autocratic in the way that maybe (you)...or I do” (Machalek 2008)¹⁸. While quoting Brown,

Westernization. ul. 9-Maja 82/451-671. Wroclaw, 1999.

¹⁷ Hale H. The Myth Of Mass Authoritarianism In Russia Public Opinion Foundations Of a Hybrid Regime; George Washington University; The National Council for Eurasian and East European Research; University of Washington; Box 353650; Seattle, WA 98195; TITLE VIII PROGRAM. 2009.

¹⁸ Machalek K. The Paradox of the Putin Phenomenon: Democracy, Fairness, and Popular Support for President Vladimir Putin; A thesis submitted to the faculty of the University of North Carolina at Chapel Hill in partial fulfilment of the requirements for the degree of Master of Arts in the Department of Political Science. 2008.

2001a, Carnaghan2001; Gibson, 2001; Rose (et al. 2006) is of the view that “in a post-communist society the meaning of democracy is problematic. In this regard a factor analysis identified three important meanings in the minds of ordinary Russian people: democracy was about respect for individual rights; representative political institutions; promoting social and economic welfare”¹⁹.

However negative experience of democracy from its initial years of implantation has put negative impression on Russian mind-set. As number of writing regarding results of democracy reveals that there during 1990s (initial year of democratic experiment) a literal loot of public property happened in the name liberalization. Only a certain section of society (oligarchs) benefited from this liberalization process. Because of their disappointment Russian people used to call it “oligarch democracy” meaning democracy which was only benefiting oligarchs and not simple masses (personal interview). On the other hand economy was suffering from huge inflation; People were not getting their salary and pension in time. Law and order situation was not up to mark and everywhere there was chaos like situation. Taking benefit from the ambiguous interpretation of freedom and liberty separatist tendencies was going strong in many regions of Russia (i.e. Chechnya and Tatarstan). In this way over all situations was quite pathetic. The role of Regional governors was unsatisfactory and they were behaving in undemocratic manner. Initially some oligarch backed media was also not behaving properly and their only purpose was to serve the interests of individual business class. In that sit-

uation Putin came to power and try his level best to let Russian get rid of this entire problem and took many steps which were essential for that time. But these work / steps have been interpreted as undemocratic act (i.e. selective ban on media, and recent ralisation of regional power). However scholarly research has tried to prove that actually this was an act to restore democracy and was not against democracy (Remington, 2000)²⁰.

The way Putin handled fragile Russian situation which he got from previous government has made him popular among Russian people. They do not consider it as undemocratic acts instead they believe that these acts are necessary to restore normalcy in Russia. So Russian people are selecting him not out of their Undemocratic political culture which they inherited since long but because the way Putin has showed firm stand on these issues and try to resolve it. There can be no two opinions in this regard that only a strong sate can implement democracy in the benefit for masses otherwise it will be only affairs of fewer once. That is why Putin was of the view that “Democracy should not be accompanied by the collapse of the state and impoverishment of its people. I’m sure that democracy is not anarchy and laissez faire (quoted in Watson, 2005)²¹. He is further of the view that “he believes political dictatorships are invariably fragile and temporary, and that democracy is the only truly robust and enduring political system” (Remington, 2000)²². That is way if

¹⁹ Rose R., Mishler W., Munro N. Russia transformed; developing popular support for a new regime. Cambridge University press, 2005.

²⁰ Rogovskaia T. Russia // Post-Communist Democratization Political discourses across thirteen countries // eds. John S. Dryzek and Leslie Templeman Holmes — Cambridge University, 2004.

²¹ Rose R., Mishler W., Munro N. Russia transformed; developing popular support for a new regime. Cambridge University press, 2005.

²² Rogovskaia T. Russia // Post-Communist Democratization Political discourses across

Russian masses like strong government, order and stability it should not be interpreted that they are in favour of undemocratic and authoritarian regime. It should be judged on their situation and demand of the present time. Even for democratic European country initially nation building and state building was primary task.

Political culture and democratization in Russia

Having provided ample evidence to prove that Russian had neither undemocratic political culture nor Russian people are anti-democratic. Why Russian democracy is going in the direction where it is; the simple answer is since Russian is going through the transitional phase where everything has to be put in right place and right direction. Change from one political system to other, from one economic pattern to another will take certain period and Suddenly everything cannot put in place in small span of time. And even when the initial results of new patters was quite disappointing. It should be remember by student of democracy that even European and American democracy took at least hundred years in order to take firm root in these countries. Even there were lots of trail and err happened in the course of democratic experiment. How one can expect Russia to embrace this all qualities in within few years? So instead of considering Russian political culture as defective for democratic experiment and development it should be looked as cul-

ture which is trying to implement its own model of democracy "Sovereign democracy" in order to prevent any foreign power to intervene in Russia's internal affairs in the name of democratic promotion as had been done in the initial years of its disintegration (Klitsounova, 2009) as well as putting many thing in place to have successful democracy in future. It can be consider as "transition", "transformation" age for Russia. While quoting Collier and Levitsky, 1997 in order to explain difficulty to define democracy, Rose (et al 2006; p. 126) are of the view that "Democracy today is a symbol; it is defined in hundreds of different ways by compounding different characteristic that may be incorporated in particular definition. There is no agreement among scholars or politician about the essential requisite of a democratic regime. Definitions often qualify the words by attaching adjectives, some positive, such as liberal democracy or social democracy, and some negative, such as reference to a defective pseudo-democracy. A catalogue of definitions has found that more than 550 different adjectives to characterize "democracies". This is more than five times the number of regimes that today have any claim to be described as democracy. So it is important to bear in mind that "Democracy is not just a matter of constitutions, parliaments, elections, parties, and the rule of law. In order to see if or how democracy works, we must attend to what people make of it, and what they think they are doing as they engage with politics, or as politics engages them"²³.

thirteen countries // eds. John S. Dryzek and Leslie Templeman Holmes. Cambridge University, 2004 ; Klitsounova E. Russia's Response: Sovereign Democracy Strikes Back in Democracy's Plight in the European Neighbourhood; Centre for European Policy Studies (CEPS), Brussels, Belgium, 2009.

²³ Post-Communist Democratization Political discourses across thirteen countries // eds. John S. Dryzek and Leslie Templeman Holmes — Cambridge University, 2004.

Политическая культура и демократизация в России

Виджей Кумар

Аннотация. На основе сорокапятидневных полевых исследований, а также глубокого изучения имеющейся литературы по политической культуре и процессу демократизации настоящая статья рассматривает политическое развитие России. Автор делает оптимистичный вывод относительно развития процесса демократизации в стране. Вместе с тем он заключает, что упрощенные оценки российской политической культуры не позволяют понять особенности политического развития страны и не способствуют российскому процессу демократизации и перспективам укрепления демократии в России.

Ключевые слова: демократия, исключительность, политическая культура, исторический анализ, российские мыслители, общественные ценности, политическая идентичность.

Political Culture and Democratization in Russia

Vijay Kumar

Abstracts. On the basis of forty five days field survey as well as extensive survey of literature regarding political culture and democratization process in Russia this paper makes positive case for Russian democratization process, simultaneously this paper is also of the view that the simplistic account of Russian culture can neither help to understand the kind of political culture present in Russia nor its impact on Russian democratization process in particular and prospect of democracy in Russia in general.

Key words: democracy, exceptionalism, political culture, historical analysis, Russian thinkers, public values, political identity.

WHEN IMPORTERS TURN TO EXPORTING OIL AND GAS — THE SHALE GAS HYPE AND CERTAIN GEOPOLITICAL CHANGES LIE AHEAD IN THE EASTERN MEDITERRANEAN

Karin Kneissl

Commemorating World War I has just started, but actually the repercussions of World War I are still going on. The territorial reshuffling of the remnants of the Ottoman Empire in 1920, notably at the San Remo conference, is a direct outcome of World War I. Gaining physical access to Middle Eastern oilfields was the West's priority, given the importance of oil for all forms of mobility and warfare. First pipelines were drawn, then borders between the new Arab nation states administered as mandates were traced. Iraq was created by the San Remo oil agreement and Iraq risks further destabilization due to oil interests.

Subsequent to the invasion of Iraq by the US and her allies in March 2003 new wars have emerged and put Iraq at the brink of collapse. The Kurdish question remains unresolved, but current developments in fighting Daesh, the Islamic State in Iraq and the Levant, have triggered a new momentum for Kurdish statehood. While the Kurds were promised a state in the Treaty of Sevres 1920, the Treaty of Lausanne 1923 effectively ended those prospects. The current Kurdistan Regional Government in Northern Iraq actually behaves as if it were sovereign nation when concluding contracts with oil companies. In the absence of a Federal Oil Law and due to the ambiguous provision of the Iraqi Federal Constitution of 2005, notably article 109, many parties have dif-

ferent interpretations on the ownership of oil reserves. Many fear that Kurdish statehood in Iraq, in the midst of the increasing destabilization, would prompt irredentism across neighbouring countries. The many proxy wars in Syria and their spill over across the region contribute furthermore to the risk of state implosions unless regional powers stop their interventions and arming of militias in the region. The energy and security nexus is evident in today's context: fragile Iraq with its many untapped oilfields, and Iran returning to the global stage — bringing its natural gas on a market hyped by the “shale gas revolution” — as well as the new petroleum frontier in the Levant Basin.

Energy cooperation should be the name of the game from the Gulf to the Eastern Mediterranean. Saudi Arabia and Iran can do business in natural gas trade and refining, and in transforming their fossil fuel dominated energy mixes. The Gulf Cooperation Council (GCC) summit on 11 December 2013 welcomed the Nov 24th deal on Iran stating that it could bolster GCC cooperation with Iran¹. In theory, energy could also be a catalyst for cooperation among Israel, Egypt, Lebanon, Turkey, Syria, and Cyprus, plus the Palestinian territories, with the rise of off-

¹ The summit communiqué also supports UAE over Iran's seizure of three isles near the Strait of Hormuz.

shore gas exploration in the Eastern Mediterranean. Energy cooperation should transcend all ideological differences. Talking to engineers is different from talking to politicians and diplomats who are often unable to discern the potential gains from energy cooperation. Big oil means big money and here power politics will always have its say. Still, the profound dilemma of the Middle East, the enormous human suffering and the risk of unlimited military showdown should push for a different logic. Countries, which used to be import-dependent, could turn into exporters, e.g. USA, Israel, Lebanon etc. Conversely, traditional exporters of fossil fuels may have to rethink their energy mix and may even have to import certain types of primary energy and expertise. A paradigm shift could trigger new dynamics. It is up to governments to act, companies have already taken their business risk and prepared changes on the ground.

Dominance of fossil energy and some possible trends in the unconventional sector

The overall global energy-mix is dominated by fossil forms of energy, which accounted for 82% of energy supply in 2012 and will constitute 80% of the global total by 2035. Oil is the most traded commodity in the world, accounting for roughly 12 % of overall world trade. By far the largest part of internationally traded oil originates in the Middle East; it will remain the most important factor to the pricing of crude oil. For natural gas, trading will continue to be regionalized with each of the world's three main markets — Russia, North America, the Gulf — having a different combination of market fundamentals. The separation between the oil and

gas markets, the break-up of the traditional price connection could also result in a more volatile gas market. Every exploration project is determined by costs and the market price, which will eventually be the crucial test for the current shale boom on the basis of horizontal drilling and fracking. Despite all the geopolitical unrest in resource rich regions, we witness a 25% drop of the average global oil-price. The traditional paradigm of the risk prime in the oil price seems to be outlawed by the tremendous slowdown in demand. The global economy could be in worse shape than many economists make us believe.

Some voices claim that this price decline might also be due to the increase in supply because of the rise in unconventional production in North America. This type of exploration is more vulnerable to a low price level than conventional, i.e. relatively easy to drill and thereby “cheap” oil and gas. The US in 2013 turned into the world's largest producer of petroleum liquids given its rising engagement in non-conventional resources². US dependence on imported oil and other liquid fuels is projected to shrink from 60% in 2005 to about 25% by 2016. But flows from Middle Eastern oil will continue due to commitments by major export companies, like Saudi Aramco, which have significant assets in the US. The rise of US unconventional deposits, ranging from tight oil to shale oil, shale gas and CMB (coal-meth-

² A shale oil and gas field in the US discovered in autumn 2013, described as the biggest petroleum discovery in history, is larger than the Bakken and Eagle Ford shales combined, with potential for recoverable reserves put at 1000 bnbarrels The Global Prospects for Oil: The Geo-Politics for Natural Gas will be stronger. Consulted on Dec. 30th, 10:00 am. URL: <http://www.thefreelibrary.com/The+Global+Prospects+For+Oil%3B+The+Geo-Politics+For+Natural+Gas+Will...-a0353763954>

ane-bed), has already altered energy trading routes. Rapid innovation in the US drove down shale gas production costs from over 13 USD/m BTU in mid-2008 to currently around 3–4.5 USD. Yet, the US-gas market has evolved as an isolated market over the past years. The turning point will be when export bans stemming from the 1970s are lifted, otherwise the price drops, which means: “The US shale revolution carries within itself the seeds of its own destruction”³. The world average price of 100–110 USD pb for crude oil is the ideal incentive for developers of unconventional resources in the US and Canada⁴. The price of 90 USD pb is referred to as “a red line, all need it!” according to a Saudi Aramco official. Since drilling in the unconventional sector requires much higher costs than conventional oil and gas exploration, a drop of the average global oil price below 70 USD pb could jeopardize companies’ investments. The withdrawal of Royal Dutch Shell from all unconventional projects in Canada and the US in August 2013 illustrates this.

Subsequent to the IEA WEO (World Energy Outlook) of 2012 the bottom line in public debate was “forget about the Middle East”, since the US would turn energy-independent; an old dream and target since the oil crisis of 1973 and the creation of the IEA by US Secretary of State Henry Kissinger. However, the WEO of 2013 has revealed this assertion to be an exaggeration⁵. The Middle

East, the world’s only major source of low-cost oil, will remain at the core of the long-term prospects of the world oil market, notably able to meet long-term growth in Chinese and Indian consumption. Over the next 10 years, OPEC countries’ share of world oil consumption is projected to decline, but towards the mid 2010s non-OPEC production will start to decline and MENA countries will have to cover the bulk of the growth in world supply from then on. Crude oil production of 10.3 mbpd enables Saudi Arabia to earn 1 bn USD per day. This is the highest output in 32 years and Riyadh affirms it can go further as the world’s swing producer. Saudi sedimentary terrain is of exceptional quality, huge conventional oil reserves lie in just nine field groups, where recovery costs are the lowest in the world.

The IEA went too far in earlier reports referring to the “shale hydrocarbon revolution born in the USA”. For the time being, the global energy landscape has not been turned upside down. While some voices are joining the chorus lauding the shale boom and its geopolitical implications, such as disengagement from the Middle East, others are more prudent and ponder on the many questions it brings. They range from environmental dangers, rise in accidents due to “shale by rail”, and commercial costs to the geological uncertainty of rapid depletion. Royal Dutch Shell has decided to stop all its unconventional projects in the United States and Canada and considers rhetoric about the shale revolution to be “hype”⁶.

³ Argus Dec. 20, 2013 Editorial.

⁴ See interview with author. URL: <http://kurier.at/wirtschaft/marktplatz/energieexpertin-kneissl-die-usa-wollen-hohen-oelpreis/36.356.971>

⁵ See also presentation by IEA chief economist Fatih Birol in Vienna, Nov. 18th, 2013: “The US will be the largest oil producer by around 2015. But this is only first chapter of the story. US shale

output will not continue to increase beyond then. It will plateau and then decline after 2020”.

⁶ Interview with CEO Peter Voser in the Financial Times, Oct. 5, 2013.

The abundance of relatively easy to drill conventional oil and gas, notably in Africa and the Middle East, can still dampen prospects.

In Middle Eastern circles it is strongly debated whether the US shale revolution and its possible market impact is a threat or an opportunity. Promising geological surveys are being conducted in the region. Besides Algeria and Jordan, Saudi Arabia will be the third shale gas producer in the MENA from late 2019 or early 2020, when Saudi Aramco mobilises 40 rigs for shale gas production. Wasteful burning of crude oil for power generation motivates Riyadh, but the depth of reservoirs and very low permeability will make hydraulic fracturing very difficult⁷. Riyadh is ready to speed up its approach to this particular area of the energy business and involve US companies.

The OPEC WOO (World Oil Outlook) 2013 sees tight oil as a short- to medium- term phenomenon on account of the “inherent constraints and challenges” associated with geological facts. Saudi oil minister Ali Al-Naimi confirmed at the OPEC ministerial conference on Dec-4th, 2013 in Vienna, that “any addition to supply in this big market is very welcome”. But inside OPEC and beyond experts believe that those extra barrels are not here to stay. It is a matter of investment and declining rates which are at 30–40% per year, requiring continuous investments. These will always depend on the price. And the price in the long run is always a matter of supply and demand. Therefore the question remains:

What lies ahead for the global economy?

Energy is the driver of the global economy. Uncertainty of a genuine recovery prevails, for the major problem remains the debt situation, which requires fiscal constraint and policies supporting growth. Two models seem to shape prospects. One is quantitative easing (QE) as practiced by the US Federal Reserve Bank, the Bank of England, and many more. The other is financial repression led by China and other BRICS. The Fed’s QE boils down to printing more dollars and letting their real purchasing power outside the US drop by alarming rates. This is of particular concern for commodity producers, which actually import inflation. OPEC remembers the meltdown of the 1970s, so the best place to protect your oil against inflation is to keep it under the surface, as an old saying goes. Given the enormous rise in production costs also in the conventional sector, other political needs in many producing states — e.g. build up against political protests by raising living standards — and uncertainty curb the appetite for long-term and cost-intense investment in new explorations.

Geopolitics affect the Middle East more than ever before; according to the UN’s World Economic Situation and Prospects 2014 (WESP) political tensions will worsen. Of particular concern is the mounting tension between Iran’s Shiite government and the Wahabi-ruled Saudi Arabia, with the latter leading the Sunni front in a Muslim world of over 1.5 bn people. These tensions are evident in a number of proxy conflicts, particularly the war in Syria. The emergence of Daech, the Islamic Caliphate, which stretches from Northern Syria into Iraq, in June 2014

⁷ Saudi Aramco’s General Supervisor for Gas Reservoir Management, Adnan Kanaan, in APS Review Vol. 81 No. 26; 23/31 Dec. 2013.

is a harsh reminder of a potential threat of implosion. Daech finances itself, inter alia, thanks to oil smuggling. This revenue has mounted for many criminal gangs since the early 1990s when a sort of vacuum arose in Northern Iraq due to the No-Fly-Zone by the US, the UK and France. Over the past years, no-go-areas out of any central control have increased in space and number. This lamentable fact has contributed to the rise of Daech, founded in 2004 by the Jordanian Musab Az-Zarkawi, thereby dissenting from Al-Qaida. Interestingly, the capture of Mosul and the seizure of control of certain oil terminals and refineries was a turning point for Daech in summer 2014. It was the Mosul-Haifa Pipeline which served as a territorial reference for the reshaping of the Middle Eastern map after World War I. The Iraq war of 2003 backfires in 2014 and affects the world far beyond the region.

These and other risks, occurring unexpectedly, could derail the world economy far beyond the UN report's projections⁸. King Abdullah of Saudi-Arabia is upset with US weakness, he sees Obama as a "passenger" watching Putin taking the front-seat⁹. Russia has proved to be a more predictable ally than the US, which furthermore seems to be losing interest in the region after military adventures and a foreign-policy *volte face* subsequent to the Arab spring.

Changing of the guard in the Middle East?

Whether or not the shale boom will be a lasting one, various indications confirm that the US wishes to disengage from

the region, which binds most of its time and diplomacy, but amounts to a negligible share of its trade. It is China's soaring energy consumption rather than the US' rising production that will fundamentally shift the world energy order. Some analysts claim that the Sino-Russian relationship will truly shift global energy boundaries. Pipelines are turning east, a fact the West still has to take note of.

In January 2012, then Chinese Prime Minister Wen Jiabo made his first trips to Saudi Arabia and the Gulf, two decades after the People's Republic and Saudi Arabia established ties. Ever since, the trade volume overtook that of the US and Saudi Arabia, excluding arms trade¹⁰. Saudi Arabia is the largest crude oil exporter to China, which became the world's number one importer in October 2013. Qatar became the largest LNG exporter to China in 2011. Geopolitics of Abu Dhabi upstream concessions shows that the bidding process gave priority to Asian firms. Asians are involved in UAE's military security and their own energy security. Bilateral energy cooperation with China increases with the construction of a Strait of Hormuz bypass crude pipeline. Korean firms are leading Abu Dhabi's USD multi-billion nuclear power programme to build four nuclear reactors to ease the country's gas shortage; this trend holds true for Japan to develop CCS (Carbon Capture Storage) technology.

If any US disengagement materializes, the question is who will move in; re-

⁸ APS Review Vol. 81 No. 26; 23/31 Dec. 2013.

⁹ APS Review Vol. 81 No. 17 21/23 Oct. 2013 Gas Market Trends.

¹⁰ US-GCC Defence Ties: Pentagon on Oct. 17 said was to sell Washington's GCC allies Saudi Arabia and the UAE 10.8 bn USD worth of the most advance American missiles and munitions, including "bunker-buster" bombs. The move followed a series of US weapons deals in recent years which had bolstered the air power and missile arsenals of GCC states.

spectively, is there a need to move in? Will regional powers share their spheres of influence in a more balanced way? While China and India are already present in the region and Russia regains prestige as a reliable ally, sought after now also by Egypt, the chessboard of the region is reshuffled. The map of the outcome of World War I is under scrutiny and anxiety grows that some states might collapse, others emerge. Lebanization and balkanization are two interchangeable terms, which have been joined by Iraqization, Somalization etc. It always breaks down to fragmentation of a state and the decline of its monopoly of force. Meanwhile, one of the oldest nation-states, Iran, is preparing its comeback to the international scene and energy markets.

The return of Iran on the global stage

The US and Iran have conducted unofficial contacts on their bilateral rapprochement for the past years, discussing topics of common interests stretching from Afghanistan to Syria. Very precise talks started in March 2013 in Oman, months before the Iranian presidential elections. On Nov. 24th, 2013 Iran and the P5+1 (the five permanent members of the UN Security Council — China, France, Russia, the UK, and the US — plus Germany) signed a six-month interim nuclear deal in Geneva that sets the stage for the conclusion of a more detailed agreement to regulate Iran's nuclear program — in exchange for the gradual relaxation of international economic sanctions¹¹. The agreement promises to open a new chap-

ter in relations between the US and Iran and to have a significant impact on the international oil industry when Iranian oil exports will be back on the international market.

The return of international oil companies (IOCs) will take some time: BP, ConocoPhillips, Eni, ExxonMobil, Total, Royal Dutch Shell, and Statoil have all been invited by the Iranian oil minister Namdar Zanganeh; talks have been held but the IOCs wish to wait until June 2014, to watch the outcome of the interim deal. Meanwhile Tehran is busy with preparing for the moment once business starts. Actually Iranian consulting companies have received requests for market studies by US companies since 2012. New contracts are under preparation, offering “far better Exploration & Production contracts” than the usual buy-back deals which are no longer popular among major companies, according to Iranian officials: “The Iranian ones should be even better than the 20-year technical support agreements, which Baghdad has awarded for the development of Iraq's main oil and gas fields.” Zanganeh announced Iran's crude oil exports will exceed 2.7 mbpd shortly after all the UNSC and OECD/G20 sanctions against Tehran will have been lifted and then exceed 4 mbpd¹². Iran's production of crude oil fell from 6mbpd in the 1970s to less than 3.3 mbpd in 1997. IOCs withdrew from Iran with the implementation of UNSC sanctions in the past six years.

To reactivate the petroleum industry is above all an internal power game. It is to be expected that Iran's oil production will

¹¹ To show Western powers he is a serious partner, Rohani has combined the Atomic Energy Organization with the Ministry of Electric Power. The first, and toughest, test is whether or not the Islamic Revolutionary Guard Corps (IRGC) will

cede its control over Iran's nuclear development programme.

¹² Minister Zanganeh in Vienna on Dec. 4th 2013 at the OPEC Ministerial Conference.

remain with the current 2.7 mbpd level. Global oil prices may fall if and when significant volumes of additional Iranian oil return to the market: how much will depend on global demand, the political stability of a number of OPEC countries, and how large producers react to it.

A certain risk might still flow from decision making inside the US. Diplomacy is not based on trust, but “on what we can verify”, Obama stated at the Saban Forum in Washington on December 7, in response to criticism for the US opening up to Iran. The convergence of interests between the US and Iran, as it existed in a profoundly different form until the revolution of 1979, could contribute to interesting geopolitical shifts in the region. The nervous reactions by American allies like Saudi Arabia and Israel illustrate the potential upcoming changes. In parallel, new developments in the Eastern Mediterranean push for further changes, both in terms of energy and security.

**A new petroleum frontier
in the Eastern Mediterranean complicates
the manifold conflicts, but opens up new
chances for cooperation**

The new petroleum frontier involves countries poor in energy-resources situated in the rich hydrocarbon region, notably Turkey, Cyprus, Israel, and Lebanon. Turkey is in between oil-rich Middle East and energy-hungry EU, involving itself as a partner for transit in various pipeline projects. But the new race offshore carries new risks, in addition to the many dimensions of the Middle East problem. In 2010, the US Geological Survey estimated 1.7 bn barrels in undiscovered oil and 122 tn cubic feet of natural gas in the so-called Levant Basin. Some call the de-

posits the “second North Sea”, but complex geopolitics in the Eastern Mediterranean could spoil this opportunity¹³. Indeed, many fear that the race for exploration could constitute a new casus belli. The size of these figures came as a surprise, despite general knowledge about offshore deposits in the Eastern Mediterranean since the 1970s, and even earlier. Because of the water depths only giant discoveries are likely to be of commercial interest; this holds particularly true for gas.

So far, Israel has managed to develop large fields, raise the capital and above all engage a company. In late 2010, many experts were sceptical that any IOC would venture into such a project thereby putting at risk other engagements in the MENA. Very few believed a medium sized company could do it, but Noble Energy of Houston is developing the Leviathan and Tamar fields off Israel, which hold 30 TCF of gas. Noble is also behind the 5-8 TCF Aphrodite field off the Greek part of Cyprus. Israel and Cyprus have signed a joint cooperation contract for LNG export projects. Cyprus is a sort of terminal for all exploration in the contested triangle between Turkey, Israel, and Cyprus. Lebanon and Turkey have stepped up work on Exploration & Production (E&P) offerings. Israel competes for a Floating LNG (FLNG) vessel: the South Korean shipbuilders Samsung, Hyundai, and Daewoo are talking with Noble Energy. FLNG is just one option that Noble considers commercialising Leviathan resources, other would be onshore LNG plants in Israel or Cyprus, as well as pipeline exports to Turkey and Jordan. Talking to Israeli officials and,

¹³ APS Review 17, 23/30 April 2012 Gas Market Trends. Vol. 78.

above all, to engineers one has the impression that the will to use this commercial endeavour for multilateral cooperation exists. Actually, technicians involved in various training programmes in Lebanon also opt for more regional cooperation than their politicians.

But territorial disputes will have to be settled first and arbitration on maritime borders is sought after. Turkey contests a Cypriot-Israeli accord on their respective economic exclusive zones signed in 2010. In spring 2012, Turkish TPAQ started drilling on and offshore in the Turkish Republic of Northern Cyprus. Lebanon has thus far not moved in, but focuses on institutional and educational preparation for the day tenders will have started. Approximately 42 companies, among them various big IOCs, were invited in 2010 to participate in a tender. An auction of exploration blocks to drillers has already been delayed and will probably be postponed again. Former Lebanese Energy Minister, Gebran Bassil, is frank in his criticism of inaction by the Parliament; he warns that nobody will wait for Lebanon, given other opportunities in Eastern Africa and elsewhere¹⁴. In accordance with the Petroleum Authority, a nucleus of governance was established; some say a slow pace in operation at the start will help mitigate the oil curse and enforce good governance. Energy could one day be a lucrative business in Lebanon and each faction wants a piece of it. The Petroleum Authority, which was constituted in a long process assuring fair representation of ethnic and minority groups on the board, commissioned the mapping of the seabed and

completed the interpretation of the seismic work. This gives the government an insight on resource assessment that allows it to delineate the license areas and thus capitalize on more favourable terms with contractors¹⁵. Given the many territorial disputes, a clear delimitation of Lebanon's Exclusive Economic Zone is indispensable. Lebanon is a treaty state to the UN Convention of the Law of the Sea and should use this legal instrument. Israel has not ratified the convention and handles the entire topic in a bilateral way, as in the case with Cyprus.

The first customer to sign up to buy gas from Israel's Leviathan field is the Palestinian Power Generation Company. The three Israeli partners in Leviathan — Avner, Delek Drilling, and Ration — agreed in late 2013 to buy 1.2 bn USD worth of gas over a 20-year period once the fields go online. Under the gas-export policy established by the Israeli government, gas sold to the Palestinian Authority and to Jordan will be considered par to Leviathan's export quota; 40% of all Israeli production can be exported. Many decision-makers both in Lebanon and Israel are also aware of the risk to not repeat mistakes committed in similar bonanzas, namely to destroy the rest of the economy because of a commodity boom. Such economic mistakes were also made by mature economies like the Netherlands during the North Sea boom, better known as the "Dutch Disease".

Despite the war in Syria, an energy deal was struck between Moscow and Damascus on December 23, 2013. The state controlled Russian group Soyuzneftegaz

¹⁴ Debate with the National Petroleum Authority and the Minister at the Université St. Joseph in Beirut on November 28th, 2013.

¹⁵ Lebanon's Gas: On the Way in MEES, Energy & Geopolitical Risk, Vol. 3, No. 8. August / September 2012. By SamerKhalaf.

and the Syrian government signed a contract for the exploration and drilling, development and production of oil and gas in 2.190 sq km area off Syria's coast, roughly speaking the coastal area between Bannias and Tartous. Though it might take years to implement it due to the on-going war in Syria — the concession spans for 25 years — it further solidifies the ties between the two countries in the energy area. This contract gives Russia a stake in the competition for those energy reserves. Soyuzneftegas, controlled by Russia's central bank and run by former energy minister Yuri Shafranik, will shoulder part of the drilling costs for the survey which amount to 75 mio., according to a report published by the official Syrian Arab News Agency. Soyuzneftegas has been active in Syria since 2004 when it received exploration licences for two development blocks, but has so far not discovered proven reserves of hydrocarbons¹⁶.

In principle, Egypt could play an important role in the exploration projects since it possesses offshore experience, having been a successful natural gas producer and exporter for some years. It would make sense to use the existing terminals in Damietta for the LNG projects Noble envisages for the Israeli production. But given the suspension of all natural gas exports in April 2012 via the Arab gas pipeline to Israel, which provided a third of the country's needs, such a move is not yet on the agenda. These new gas findings and the impressive technical accomplishments by the companies involved, in particular Noble which assumed the many challenges against all odds, could create a new dynamic for the entire region. In var-

ious talks the author held for the purpose of this study it became evident that a legal and technical framework for common natural gas-explorations could serve the needs of the countries. But resentments and fears seem to overshadow these fresh hopes. Egypt is a particular case at stake, for it could be part of the paradigm shift in the Levantine Basin, thanks to its experience, market, and role as regional power. But the country, the army, the various power-brokers in the literal meaning of the term, and its entire bureaucracy seem lost in transition.

In short, there are huge opportunities created by the discovery of gas in the Eastern Mediterranean — not least for countries that are short of both money and energy. Developing these opportunities will require cooperation, and could be both a lucrative and politically rewarding confidence-building measure. Conversely, long-standing squabbles, for example between Cyprus and Turkey and Egypt and Israel, could scupper energy cooperation. Indeed, competition over energy resources could even increase tensions.

**Egypt loses its status
as reliable producer,
and internal energy crisis deepens**

The energy base of Egypt has almost quadrupled in size since the early 1980s. Energy and water, of which Egypt is acutely short, are two of the worst issues. It should not be excluded that the “counter-revolution/coup with popular support” of July 3, 2013 was also prompted by acute electricity crises with major black-outs on a daily basis¹⁷.

¹⁶ Financial Times Dec. 26th, 2013: Russia tightens links to Bashar al-Assad with Syria energy deal.

¹⁷ MEES. Vol. 3. No. 9 October 2012: Egyptian Revolution hits Energy Sector by James Cockayne. P. 14.

It proves very difficult for Egypt to sustain its position as an energy exporter; companies that planned to continue investing in the country despite all turbulences are leaving. Arrears in payments, absence of decision-making powers in the country's institutions, and a tremendous rise in violence and crime prompt investors to leave. Faced with a growing gas crunch and a stagnating economy, the provisional government is desperate to attract foreign investment into the energy sector and the country at large, but Egypt will not see an upturn in energy investments until it starts paying them promptly. Former Petroleum Minister Sharif Ismail was eager to show that his government can tackle the energy dilemma. Egypt admits to the realities of its gas crunch by indicating that it will pay higher prices to IOCs active in the country and cut the subsidies. Efforts to curtail power demand are critical. Demand management and reducing power subsidies is key to cutting wasteful consumption. Because Egypt missed out on that, it turned from an LNG exporter to an importer. The retail price of natural gas in Egypt is one of the lowest in the world. It was conceived to distribute hydrocarbon rents, protect low-income customers, enhance industrialization, but provoked other results: inefficient allocation of government resources, benefits to the wealthy, over-consumption, and environmental damage. President al-Sisi ventured into capping energy subsidies in a courageous manner shortly after taking office this spring. The measure met expected opposition, but it seems manageable. It seems like a start to tackle energy waste and the pressure on the budget.

Any subsidy reforms is a tight-rope walk between entrenched interests and weak governments, it has to address legitimate concerns over inflation and political stability and making sure that social unrest will not put everything at risk. Speaking to officials in the energy ministries from Tehran to Cairo, one is confronted with the profound dilemma: how to phase out of those generous social transfers and still enable people to have access to energy. The importance of private transport, the role of every household diesel generator stepping in, when public supply closes reveals the delicate topic of cutting subsidies. It is easier said than done. Interestingly enough, the IMF WEO 2012 spoke of "bad subsidies" in the fossil sector and the "good incentives" when it comes to renewables. In the end, market forces should be reconciled with sensible governance in all fields.

The country with its population of 90 million with growing domestic gas consumption is in dire need of a restructured energy-mix, new grids, and a viable incentive structure for IOCs to invest in increasingly expensive offshore projects. Given the enormous money transfers by Gulf states to the new transition government after the events of July 3rd 2013, Cairo could boost its empty foreign reserves by up to 18 bn USD. That enabled the government to secure paying arrears of 6 bn to the IOCs.

But is this sustainable? The subsidies bill hit USD 12.3 bn for 2009-10 financial years, up from USD 6.9 bn for 2005-06, yet only 20% of petroleum subsidies go to the people in the bottom 80% of incomes. The Oil Ministry is responsible for funding the subsidy bill, in return it withholds payments to the country's foreign opera-

tors. Big operators like BP, Shell, and Eni can cope, but not the smaller ones¹⁸. Furthermore Egypt is competing with neighbouring countries. Compared to Libya and Algeria, Egyptian upstream gas remains popular among smaller independent firms, but this should not to be taken for granted. Outstanding receivables and a low gas price are the main obstacles preventing the expansion of gas production. Since July 2013 a series of production sharing contracts was struck with Shell, Apache etc and the state firm Egyptian General Petroleum Corporation. Sinopec paid 3 q billion USD for one third of Apache's operations in August 2013. Most of the oil producing ventures are in the Gulf of Suez, followed by Western Nile Delta, Sinai and Eastern province. However, the worsening security situation on the Sinai could put into jeopardy numerous projects.

The wish to diversify the electricity mix has been on the agenda since the Mubarak days, but little has been achieved. Various projects in wind and solar parks organized by Germany and Denmark were stopped, also in response to the events of July 3rd. 2013 An old project is currently back in the debate, namely a nuclear tender. The situation in Egypt demonstrates a clear link between energy and security. Lack of energy security contributed to social discontent, while political instability as a result of the uprisings has created even greater energy instability in the country. Stability and sustainable development in Egypt will be very much determined by how the government deals with its energy problems.

¹⁸ Petroleum Economist. Vol. 80. No 9, Nov. 2013. P. 8–9. Cairo looks to ease IOC pain by James Gavin.

What we can observe is that traditional exporters are at the brink of turning into importers like is the case with Egypt. And countries so far dependent on imports might reshape their energy-base and become much less dependent on imports. Such a reshuffle of the map could create new tensions but also certain chances for new forms of cooperation. The new gas findings in the Levantine Basin are referred to by some as a risk for going to war, some claim that even the past Gaza operation in summer 2014 had an energy dimension, but others are eager to point out the opportunities. Levantine business is rooted in ancient customs and mentalities. Getting rich together instead of dividing the world into believers and unbelievers requires more pragmatism and less ideology.

The region is currently passing through fundamental unrest, maybe even a war of 30 years comparable to the disaster that hit Europe in 17th century. And the bloodshed has started many years ago due to various Western interventions. The ultimate outcome could be a substantial reshaping of the map, eventually even with new borders. Pro-Western emirs and colonels might be replaced by those on the payroll of the Chinese or India. Actually ancient trade routes between the Far East and the Middle East resemble those of today. While the West is gradually moving out of the region, the East is moving in.

The Sino-Russian energy cooperation could ultimately revolve certain paradigm in the international energy scene more profoundly than today's "shale revolution". We are speaking here of a different demographic frame and thereby of different volumes.

If one tries to understand or even anticipate developments in international politics it is always useful to put on a pair of glasses and call those the “oil market”, for these inner lens can contribute to understanding alliances and confrontations.

For decades the bon mot by the former Saudi oil minister Zaki Yamani “oil

alliances are stronger than Catholic marriages” thereby referring to the many ups and downs in the relations between the US and the Wahabite Kingdom of Saudi Arabia proved valid. But today’s changes will leave their imprint on pipelines, maps and who is an importer and who an exporter of energy.

Когда импортеры переориентируются на экспорт нефти и газа — шельфовый газ и геополитические изменения в Восточном Средиземноморье

Карин Кнейсль

***Аннотация.** Ближний Восток, как мировой поставщик наиболее дешевой нефти, продолжит определять ситуацию на нефтяных рынках. Значение американской «сланцевой революции» для мирового рынка сильно преувеличивается. Пока о каком-либо значимом эффекте говорить не приходится. Все осталось на своих местах. Мировой энергетический баланс скорее изменится из-за растущих потребностей Китая и возврата на нефтяной рынок Ирана. Особый интерес с геополитической и экономической точек зрения представляет открытие газового месторождения в Восточном Средиземноморье.*

***Ключевые слова:** энергетика, Ближний Восток, «сланцевая революция», нефтяные рынки.*

When Importers Turn to Exporting Oil and Gas — The Shale Gas Hype and Certain Geopolitical Changes Lie Ahead in the Eastern Mediterranean

Karin Kneissl, independent energy analyst based in Austria, served in the Austrian foreign service 1989–1998, quitted the ministry and became a freelancer. Ms. Kneissl studied law and Arabic at Vienna University and did her doctoral thesis on the notion of borders in the Middle East. She graduated from ENA (Ecole Nationale d’Administration) in Paris and is the author of several books on energy and Middle Eastern related topics. Karin Kneissl teaches regularly at the Diplomatic Academy Vienna, Military Academy of Austria and in Beirut / Lebanon. She lives and works 50 km south of Vienna where she runs a tiny farm.

***Abstract.** The Middle East, the world’s only major source of low-cost oil, will remain at the core of the long-term prospects of the world oil market. The IEA went too far referring to the “shale hydrocarbon revolution born in the USA”. For the time being, the global energy landscape has not been turned upside down.*

It is China's soaring energy consumption rather than the US' rising production that will fundamentally shift the world energy order. Some analysts claim that the Sino-Russian relationship will truly shift global energy boundaries: pipelines are turning east. Global oil prices may fall if and when significant volumes of additional Iranian oil return to the market. A new petroleum frontier in the Eastern Mediterranean complicates the manifold conflicts, but opens up new chances for cooperation. There are huge opportunities created by the discovery of gas in the Eastern Mediterranean — not least for countries that are short of both money and energy. Developing these opportunities will require cooperation, and could be both a lucrative and politically rewarding confidence-building measure.

Key words: energy, Middle East, shale oil and gas revolution , oil market.

СТРАНЫ БРИКС В ПРОЦЕССАХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Лунев С.И.

Процессы глобализации начались со становлением мировой системы с конца XV — начала XVI в., когда последовала колониальная экспансия европейских метрополий вслед за эпохой великих географических открытий. По существу, эти процессы продолжают полтысячелетия, испытывая спады и подъемы, а за последнюю треть века они резко ускорились. Хотя обычно принято использовать единый термин «глобализация», следует признавать наличие по крайней мере 4 типов глобализации (экономическая, политическая, информационная и культурно-цивилизационная), для которых существуют своя специфика и тенденции развития.

1. За исключением информационной, наиболее быстро в последнее время развивалась **экономическая глобализация**. На рубеже 1970—80-х годов она понималась как нарастание взаимозависимости национальных экономик, при которой национальный процесс воспроизводства во все большей степени превращается в международный. При этом внешнеэкономические связи между национальными государствами с их хозяйствующими субъектами перерастают в экономические связи между хозяйствующими субъектами помимо национального государства. Сами же хозяйствующие субъекты начинают руководствоваться логикой мирового хозяйства, а не интересами национальной экономики.

Процесс глобализации был вызван как перестройкой в национальных экономиках и в мировом хозяйстве, так

и политическими причинами (ликвидацией иерархичности и юридического неравноправия в мировой системе, ликвидацией социалистического лагеря и т.п.). За последние 25 лет благодаря ослаблению или отмене имевшихся ограничений на внешнеэкономические связи темпы увеличения физического объема мировой торговли, прямых иностранных инвестиций, международных банковских кредитов, межстрановых финансовых потоков существенно превышали среднегодовой рост мирового ВВП (краткосрочный капитал — в 10 раз). В результате произошло значительное возрастание взаимозависимости национальных экономик. Между внутриэкономическими изменениями и глобализацией наблюдается сложная причинно-следственная связь: с одной стороны, сами внутренние изменения вызвали расширение взаимодействия с мировым рынком и мировым хозяйством, а с другой, только глобализация позволяла осуществить на практике структурную перестройку экономики развитых стран. Поэтому данный процесс в развитых странах может быть понят и объяснен лишь с учетом тесного взаимодействия развитых и развивающихся стран. Вместе с тем формы и масштабы перестройки определялись не только объективными факторами, но и давлением на развивающиеся и переходные страны международных экономических организаций.

Экономическая глобализация оказалась достаточно противоречивым процессом. Как известно, опережаю-

щими темпами она развивалась в финансовой сфере, под которой обычно понимаются потоки краткосрочного капитала. При этом степень открытости экономики развивающихся стран для перемещения этих капиталов оказалась чрезмерной, что наглядно показал финансовый кризис в Азии. Поэтому обсуждаются меры (в некоторых странах они уже приняты) по ограничению мобильности этих потоков, но такие действия могут замедлить или даже деформировать весь процесс глобализации.

Далее, как показывает эмпирический материал двух последних десятилетий, экономические связи всех видов развивались преимущественно между странами относительно сопоставимого уровня развития, т.е. многоплановые контакты — не только экономические — усиливались главным образом внутри группы развитых государств и небольшого числа примыкающих к ним вновь индустриализирующихся стран, а также внутри группы развивающихся стран, причем связи между последними росли опережающими темпами. В этом же направлении действует и региональная экономическая интеграция. В региональных интеграционных группировках наблюдается выход воспроизводства за национальные границы, но поскольку внутри группировки государства-члены обладают определенными преимуществами при перемещении капиталов, товаров и услуг, то происходит выход не на мировой, а на региональный рынок. Существует достаточно фактов, чтобы рассматривать регионализацию и как промежуточный этап на пути глобализации, и как конечную цель, т.е. она может стать препятствием на пути

ее дальнейшего развития. В то же время наименее развитые страны, число которых постепенно растет, фактически выталкиваются из мировой экономики, оставаясь вне магистрального процесса. Иными словами, на нынешнем этапе глобализации наблюдается тенденция к нарастанию автономности развития двух подсистем мировой экономики, что, по-видимому, создает дополнительные основания для увеличения расхождения векторов мировой социально-экономической эволюции. Становление постиндустриального мира возможно лишь при наличии индустриальной периферии, а поддержание тесного и углубляющегося взаимодействия между ними возможно лишь на основе глобализации, которая, безусловно, является многоплановым процессом. Поэтому она основана на комбинированном взаимодействии множества различных факторов и подталкивается ими, а возрастание значения того или иного фактора может проявляться в изменениях ее масштабов, методов, скорости протекания и пр. Глобализация является продолжением процесса международного разделения труда, в свою очередь являющегося ее важнейшей составной частью.

В мире наблюдаются противоположные тенденции в макроэкономической и политэкономической областях. С одной стороны, произошло восстановление Азии как основного мирового экономического центра. В 1820 г. на долю США, Западной Европы, Канады и Австралии приходилось 25% общемирового национального продукта, а на долю Азии — 58%. В 1950 г. цифры были обратными: на Запад приходилось 56% мирового дохода, а на Азию — 19%. Уже

в начале постбиполярного периода доля Азии составила 33%, а Запада — 45%, а сейчас объем экономики Азии больше¹. В соответствии с прогнозами Гарвардского университета, к 2025 г. на Азию придется 55–60% общемирового валового национального продукта, а на Запад — 20–30%².

Диверсификация экономического роста ведет к сокращению удельного веса развитых стран, в том числе США, в мировом производстве. За полвека доля Соединенных Штатов в мировом ВВП упала почти в полтора раза. Она сократилась даже за 1990-е годы, хотя это был период крайне медленного роста в Западной Европе, стагнации в Японии и необычайно резкого падения производства в Восточной Европе, тогда как для Соединенных Штатов десятилетие было в целом благоприятным. Сейчас доля США в мировой экономике не превышает показателей, достигнутых перед первой мировой войной (немногим более 20%). Азиатские страны вышли в лидеры мирового производства, заняв места со второго по четвертое. Уже в середине первого десятилетия нового века Китай по размерам ВВП

по паритету покупательной способности обогнал Японию и вышел на второе место в мире (по данным аналитиков ЦРУ, 7,04 трлн в 2007 г., 10,5 трлн в 2010 г. и 12,6 трлн долларов в 2012 г., темпы роста за последние три года — 10,4%, 9,2% и 7,8%). Индия вышла на третье место в 2011 г. (4,492 трлн долларов, а в 2012 г. — 4,735; темпы роста за последние три года — 10,1%, 6,8% и 5,4%). На четвертом месте оказалась Япония — 4,617 трлн долларов в 2012 г. (ее темпы роста — 4,5% в 2010 г., 0,8% в 2011 г. и 2,2% в 2012 г.)³. В этом списке Россия занимает 6-е место (2,555 трлн долларов в 2012 г., темпы роста за 3 года — 4,5%, 4,3% и 3,4%), Бразилия — 7-е (2,394 трлн долларов в 2012 г., при падении темпов роста с 7,5% в 2010 до 0,9% в 2012 г.), а ЮАР — 25-е (592 млрд долларов, с темпами роста около 3%)⁴. По прогнозу крупнейших специалистов, международных организаций и бизнес-структур, в 2050 г. ВВП Индии будет равен объему эко-

¹ Maddison A. *Monitoring the World Economy, 1820–1992*. Paris, Organization for Economic Cooperation and Development, 1995. P. 226–227; Мельянцев В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М.: Московский университет, 1996 [Melyantsev V.A. *Vostok i Zapad vo втором tysyacheletii: ekonomika, istoriya i sovremennost'*. М.: Moskovskij universitet, 1996]; Maddison A. *The World Economy. A Millennial Perspective*. Paris, Development Centre of the Organization for Economic Cooperation and Development, 2001; CIA. *The World Factbook*. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/>

² Radelet S. and Sachs J. *Asia's Reemergence* // *Foreign Affairs*. Vol. 76, N 6, Nov. — Dec. 1997. P. 46

³ CIA. *The World Factbook*. URL: <https://www.cia.gov/cia/publications/factbook/geos/> — CIA. *The World Factbook*. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/index.html>

CIA. *The World Factbook*. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ch.html>

CIA. *The World Factbook*. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/in.html>

CIA. *The World Factbook*. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ja.html>

⁴ CIA. *The World Factbook*. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/rs.html>

CIA. *The World Factbook*. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/br.html> CIA. *The World Factbook*. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/sf.html>

номики США или чуть меньше, а Китай — почти в два раза больше⁵.

Политэкономические процессы представляются в целом гораздо более неоднозначными по сравнению с макроэкономическими. В течение последней четверти века на Западе стал появляться новый социально-экономический строй, пока не получивший единого названия (существуют термины «посткапиталистическое», «постэкономическое», «постиндустриальное», «информационное» общество и т.д.). Особо отметим, что возникло новое взаимодействие производства, науки и информатики. Здесь утверждается «экономика, основанная на знаниях». Становление наукоемкого производства в странах Запады потребовало иного, неизмеримо более высокого качества подготовки производственного персонала.

В странах не-Запада (включая Россию) сейчас наблюдается процесс складывания индустриального способа. В прошлом во всем мире использовалась модель «догоняющего развития» и применялась на практике концепция «журавлиного клина». Развитые страны были заинтересованы в определенной модернизации стран Востока, и центр мировой системы постоянно испускал на периферию капиталистические импульсы. Основной проблемой, встаю-

щей сейчас перед зоной Востока, стала возможность переноса нового возникающего строя Запада. Учитывая кардинальную роль науки в процессе его образования, необходимо проведение анализа формирования системы современного научного знания в развивающихся обществах Востока, чтобы реально оценить перспективы будущего развития.

Исследования коэффициента интеллектуальности показывают превосходство китайцев над представителями европеоидной расы. Что касается Индии, то ей, по сравнению с подавляющим большинством государств бывшего третьего мира, свойственна качественно более высокая степень восприятия достижений новейшей технологии, умения населения пользоваться ими⁶. Это дает возможность Индии вырваться из порочного круга отсталости, осуществить экономическую модернизацию и встать на новую ступень НТР, что дает дополнительные возможности для расширения воздействия на процессы, проходящие в афро-азиатском мире.

В Китае и Индии существует реальное колоссальное уважение к науке и ученым. Большую роль сыграло государство в лице правящих кругов и социальных институтов. Опыт азиатских гигантов свидетельствует, что именно деятельность государства имела основополагающее значение при формировании новых структур, что позволило таким державам в сжатые исторические

⁵ См., например: World in 2050. BRICS and Beyond. Goldman Sachs Global Economics Group, 2007 ; The BRICs and beyond: prospects, challenges and opportunities. PricewaterhouseCoopers LLP, 2013. P. 2 ; Hawksworth J. and Cookson G. The World in 2050. Beyond the BRICs: a broader look at emerging market growth prospects. PricewaterhouseCoopers LLP, 2008 ; Kupchan Ch.A. No One's World: The West, the Rising Rest, and the Coming Global Turn. Oxford University Press, 2012.

⁶ Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного / под ред. Н.А. Симония и Л.И. Рейснера. М. : Наука, 1984. С. 419 [Evolutsiya vostochnykh obshestv: sintez traditsionnogo i sovremennogo / pod red. N.A. Simoniya, L.I. Reisner. M. : Nauka, 1984. S. 419].

сроки перенять у высокоразвитых стран достижения научно-технической революции и завершить процессы индустриализации. В 2008 г. в Китае на получение патента подали заявку немногим менее 200 тыс., третье место в мире (для сравнения: в США — менее 232 тыс., в Германии — менее 50 тыс., в Великобритании — менее 17 тыс., во Франции — менее 15 тыс.).⁷ В 2008 г. Китай вышел на первое место в мире (более 381 млрд долларов) по экспорту высокотехнологической продукции (для сравнения: экспорт данной продукции США оценивался в 231 млрд, Германией — в 162 млрд, Францией — 93 млрд, Великобританией — 61 млрд долларов)⁸.

В Китае и Индии наличествует широкий слой высококвалифицированных специалистов, что самым благоприятным образом сказывается на культурной динамике и научно-технической автономности азиатских гигантов. Если они серьезно отстают от Запада и России по развитию фундаментальных исследований, то в сфере высоких технологий уступают лишь Соединенным Штатам, причем разрыв постоянно сокращается.

Колоссальных успехов в этой области за последнее время добился Китай. Первоначально, после начала экономической реформы в 1978 г., Пекин сделал ставку на импорт иностранных технологий, причем местные технологии воспринимались самими властями имманентно уступающими западным об-

разцам. При этом КНР унаследовала советскую систему организации отраслевой науки: исследования были почти полностью сконцентрированы в государственных институтах, которые обращали мало внимания на потребности местной промышленности, а та в свою очередь долгое время воспринимала отечественные технологии как отсталые. По мере вступления в процессы экономической глобализации отношение в Китае к высоким технологиям стало радикально меняться.

По точным и естественным наукам, которым государство в КНР отдает приоритет, страна вскоре начнет опережать США. Так, в 1983–1984 гг. было защищено 3404 работы, в 1993–1994 гг. — 3852, в 2003–2004 гг. — 6316⁹, в 2010–2011 гг. — 8900, а к 2020 г. их должно быть, по оценкам, 20 тыс.¹⁰ В Соединенных Штатах эта цифра стабильно колеблется в пределах 25–27 тысяч, но 40% не являются гражданами страны. Если в США доля бакалавров, получивших научное звание по точным и естественным наукам, составляет треть всех выпускников, то в КНР — около 60%. По их количеству в начале века Китай догнал Соединенные Штаты, а к концу десятилетия опередил почти в 4 раза¹¹.

За последние 15 лет резко возросли вложения в НИОКР. В 1996 г. они оценивались в 20 млрд долларов, в 2002 г. —

⁷ World Bank official site. Patent applications, residents. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/IP.PAT.RESD>

⁸ Официальный сайт Мирового банка — High-technology exports (current US\$). URL: <http://data.worldbank.org/indicator/TX.VAL.TECH.CD>

⁹ Agarwal P. Higher Education in India: the Need for Change. Working Paper № 180. New Delhi: Indian Council for Research on International Economic Relations, June 2006. P. 61.

¹⁰ Nayar A. Developing world: Educating India // Nature (London). 2011. № 472. P. 26.

¹¹ China's High Technology Development Hearings before the U.S. — China Economic and Security Review Commission. P. 223–224.

в 72 миллиарда¹², в 2006 г. — в 86,8 миллиарда¹³, в 2009 г. — в 121,4 млрд (третье место в мире, после США и Японии)^{14,15}. Доля Китая в мировых расходах на НИОКР составила 7,6% (доля России — 1,9%, Индии — 1,8%)¹⁶.

В 2006 г. Пекин объявил о Национальном среднесрочном и долгосрочном плане развития науки и технологий. В декабре 2010 г. был принят 12-й пятилетний план, в соответствии с которым Китай должен обеспечить себе мировое лидерство по семи сферам («стратегическим возникающим отраслям»): альтернативная энергетика, биотехнологии, информационные технологии нового поколения, высококачественное производственное оборудование, передовые материалы, автомобили с альтернативным топливом и новые энергетические технологии. На эти цели запланировано потратить 1,5 трлн долларов (5% ВВП), а задачей является, чтобы вклад этих отраслей в китайскую экономику составил 15% к 2020 г.¹⁷ При этом в последнее время Пекин объявил, что стремится к снижению своей зависимости от импорта высоких технологий и доведению ее доли с 50% до 30% к 2020 г.¹⁸

Уже к 2007 г. в Китае появилось 499 технологических центров национальных предприятий и 4023 технологических центра провинциальных предприятий (инвестиции в них превысили 300 млрд долларов). Появилось и 54 национальных высокотехнологических парка (48 тысяч предприятий, 6,5 млн занятых)¹⁹. Следует отметить реальные достижения КНР в развитии таких ключевых отраслей, как нанотехнологии и биотехнологии.

Следует отметить, что в последнее время в Китае резко изменилось отношение к отечественным технологиям, а к инновациям толкает сам бизнес. Характерно, что в 2007 г. опросы показали, что 54% китайских компаний считают модернизацию производства ключевой задачей (в США — 24%)²⁰. Предприятия сами начали активно развивать НИОКР, в чем им активно помогало государство. Правда, пока им, с точки зрения развития технологий и проведения опытных работ, еще далеко до Запада. Сохранились и проблемы во взаимоотношениях предприятий с государственными научными институтами и университетами.

Цифры по Индии выглядят скромнее, но следует выделить колоссальный скачок, который осуществила страна в сфере информационных тех-

¹² Ibid. P. 225.

¹³ OECD Science, Technology and Industry Outlook 2008 Highlights. URL: <http://www.oecd.org/dataoecd/18/32/41551978.pdf>

¹⁴ Global Investment in R&D // UIS Fact Sheet, August 2011, No 15. P. 1. UNESCO Institute for Statistics. URL: http://www.uis.unesco.org/FactSheets/Documents/fs15_2011-investments-en.pdf

¹⁵ Южная Корея занимает 6-е место, Россия — 8-е.

¹⁶ OECD Science, Technology and Industry Outlook 2008...

¹⁷ China Mulls \$1.5t Boost for Strategic Industries // China Daily, December 3, 2010.

¹⁸ Segal A. Chinese Technology Policy and American Innovation. Testimony before the U.S. — China Economic and Security Review

Commission on China's technology policies, U.S. Congress, July 15, 2011. URL: <http://www.cfr.org/china/chinese-technology-policy-american-innovation/p25295>

¹⁹ Research Report on Chinese High-Tech Industries. U.S. China Economic and Security Review Commission. January 2009. P. 7–8. URL: http://www.uscc.gov/researchpapers/2009/Research_Report_on_Chinese_High_Tech_Industries.pdf

²⁰ China's High Technology Development Hearings before the U.S. — China Economic and Security Review Commission. P. 293.

нологий. Если в 1990–1991 фин. г. валовая стоимость программного обеспечения (ПО) и сопутствующих услуг (СУ) составила 50 млн долларов²¹, то в 2003–2004 фин. г. — почти 15 млрд долларов, а в 2010–2011 фин. г. — почти 90 млрд долларов²². Был выбран экспортоориентированный путь, и экспорт программного обеспечения составил 480 млн долларов в 1995 г.²³; 4,2 млрд долларов в 2002 г.²⁴; 31,3 в 2006–2007 фин. г.²⁵; 50 в 2009–2010 фин. г.; 59 млрд долларов в 2010–2011 фин. г.²⁶ и 75,8 млрд в 2012–2013 фин. г.²⁷ По этому показателю Индия занимает второе место в мире после США. Доля программного обеспечения в общем экспорте Индии составила 20% в 2011 г., а в валовом внут-

реннем продукте Индии доля сектора составляла в 1999–2000 фин. г. 1,2%; в 2010–2011 фин. г. — 6,4%²⁸; 8% в 2012–2013 фин. г.²⁹ Очень резко выросла занятость в сфере информационных технологий. Если в 1999–2000 фин. году здесь работали 284 тыс. человек, то в 2007 г. — почти 2 миллиона³⁰, а в 2011 г. — 2,5 млн (косвенным образом с сектором было связано еще 9 млн рабочих мест)³¹.

Еще в 1998 г. была поставлена задача превращения страны в мирового лидера в области информационных технологий. Формы поддержки данной сферы индийским правительством разнообразны: введение единых норм для деятельности, создание льготного налогового режима, направление всех ресурсов научно-исследовательского комплекса страны, в том числе и за счет государства, на содействие информационной сфере. Государство приняло специальные меры для привлечения капиталовложений. От налогов освобождены 90% прибылей, получаемых от экспорта программного обеспечения. Если речь идет о предприятиях, полностью ориентированных на экспорт (EOU), то вся их прибыль не облагается налогами. Разрешен вывоз всех сделанных инвестиций и 100% прибыли, если капиталовложения были сделаны в конвертируемой валюте. Отменены любые пошлины на многие конкретные товары и весь импорт программного обеспечения. Специальные льготы предо-

²¹ Parthasarathi A. Tackling the brain drain from India's information and communication technology sector: the need for a new industrial, and science and technology strategy // *Science and Public Policy*, 2002, 29 (2). P. 129.

²² *Information Technology. Annual Report. 2010–2011*. Delhi: Ministry of Communications and Information Technology, Department of Information Technology, 2011. P. 1.

²³ *Information Technology. Annual Report. 2002–2003*. Delhi: Ministry of Communications and Information Technology, Department of Information Technology, 2003.

²⁴ Национальная Ассоциация индийских компаний по производству информационных технологий и сопутствующих услуг. URL: http://www.nasscom.org/artdisplay.asp?cat_id=314 [Natsional'naya assotsiatsiya indijskikh kompanij po proizvodstvu informatsionnikh tekhnologij i soputstvuyuschikh tovarov. URL: http://www.nasscom.org/artdisplay.asp?cat_id=314].

²⁵ *Information Technology. Annual Report. 2006–2007*. Delhi: Ministry of Communications and Information Technology, Department of Information Technology, 2007. P. 2.

²⁶ *Information Technology. Annual Report. 2010–2011*. P. 1.

²⁷ *Electronics and Information Technology. Annual Report. 2012–2013*. Delhi: Ministry of Communications and Information Technology, Department of Electronics and Information Technology, 2013. P. 1.

²⁸ *Information Technology. Annual Report. 2010–2011*. P. 2.

²⁹ *Electronics and Information Technology. Annual Report. 2012–2013...* P. 1.

³⁰ *Information Technology. Annual Report. 2006–2007*. P. 3.

³¹ *Information Technology. Annual Report. 2010–2011*. P. 2.

ставляются фирмам, занимающимся научно-исследовательской и опытно-конструкторской деятельностью³².

Помимо этого, автоматически одобряются любые прямые иностранные инвестиции, соглашения о поставках иностранной технологии. Разрешено 100-процентное участие иностранного капитала в предприятиях, работающих на экспорт. В результате объем иностранного капитала в сфере информационных технологий достиг 2 млрд долларов³³. Индийское правительство особое внимание уделяет созданию специальных экономических зон, включая как многопрофильные, так и специальные экономические зоны, в том числе для информационных технологий. Здесь предприятия полностью освобождены от налогов сроком на 5 лет, а в последующие 5 лет предприниматели оплачивают лишь половину налогов³⁴.

Огромную роль играют парки программных технологий, которые на 100% являются экспортоориентированными (на них приходится 80% всего экспорта ПО). Их создание является важнейшим достижением индийского правительства, поскольку они сыграли ключевую роль в развитии информационных технологий. Модель парков опирается на позитивные отношения в треугольни-

ке правительство — бизнес — наука / образование (университеты), а ключевым выступает принцип инкубатора, когда каждая сторона выполняет свою роль в поощрении исследований, капиталовложений и развития. Государство при этом играет уникальную роль катализатора, чтобы соединить усилия государственных, частных, научных и иностранных органов и учреждений. Очень большой вклад в индийские достижения в сфере информационных технологий внесли региональные власти. Специальные льготы существуют на уровне штатов, которые разработали специальные стимулы для привлечения инвестиций³⁵.

Если сравнивать политику индийского государства в сфере высоких технологий с ее общим курсом в экономической области, то заметна особая приоритетность, которая придается высокотехнологической сфере. Более того, она является по существу и наиболее либеральной областью экономики.

Помимо деятельности правительства, привлечению иностранных инвестиций в Индию в сфере информационных технологий способствует несколько факторов. Следует в первую очередь отметить, что в стране существует значительный слой интеллектуалов, способных эффективно работать в прикладной науке и в сфере высоких технологий. Значимым преимуществом для индийцев — при сравнении с жителями других незападных стран — является свободное владение английским языком, который является в Индии

³² Ibid. P. 3.

³³ В 2004 г. Индия считалась третьей по привлекательности в мире для зарубежных капиталовложений (после Китая и США), а в 2005 г. — второй державой, а получала прямых иностранных инвестиций по 5–5,5 млрд долларов в год, менее 1% мировых заимствований (2005 Foreign Direct Investments Confidence Index. Global Business Policy Council. 2005, vol. 8. URL: http://www.atkearney.com/shared_res/pdf/FDICI_2005.pdf).

³⁴ Information Technology. Annual Report. 2006–2007. P. 7.

³⁵ Бизнес в Индии. New Delhi: Ernst & Young Private Limited, 2006. P. 42. [Biznes v Indii. New Delhi: Ernst & Young Private Limited, 2006. P. 42.]

официальным языком, наряду с хинди (на последнем, включая диалекты, говорит менее половины жителей страны). Учитывая значение английского языка для пользователей информационных технологий, понятно преимущество индийцев, получавших образование на этом языке. Некоторые эксперты отмечают, что двенадцатичасовая разница во времени между США и Индией также сказывается позитивно, поскольку можно привлекать к работе индийских специалистов, когда в США наступает ночь³⁶. Свою роль играет, конечно, и относительно невысокая оплата труда индийских специалистов.

Основной проблемой, вставшей сейчас перед Китаем и Индией, стала возможность развития по модели стран ОЭСР. По всей видимости, азиатские гиганты не смогут перейти на постиндустриальную фазу развития по внутренним объективным социально-экономическим причинам в обозримом будущем. Наличие огромного массива неквалифицированного (а в Индии — и неграмотного) населения не позволяет им применять многие модели развитых стран. Так, нет особого смысла во внедрении новых ресурсосберегающих технологий (крайне низкая стоимость ручного труда, необходимость обеспечивать работой население и т.д.); не случайно большинство технологических достижений носит «экспортоориентированный» характер, а научно-технологические «заповедники» часто выглядят как анклав. Помимо этого, общее число научных исследователей весьма велико в странах, но относительные цифры показывают недостаточное развитие

науки. Концентрация внимания на конкретных сферах позволяет державам добиваться впечатляющих успехов, но обеспечить всестороннее равномерное развитие в сферах науки и высоких технологий им не удастся в обозримом будущем.

Для Индии крайне сложной социальной проблемой является кастовая. Существование кастовой системы в течение тысячелетий привело к совпадению социального и экономического статуса, а бедные в своей подавляющей массе происходят из традиционно бедных страт общества (система была, конечно, достаточно гибкой: случалось как возвышение каст, так и их «падение»). Кастовая дискриминация была отменена законом полвека назад, но кастовая система сохраняется, хотя многие эксперты полагают, что происходит ее размывание³⁷. Процесс глобализации и индийская политика либерализации могут только способствовать развитию данной тенденции. С точки зрения чисто гуманистических взглядов, кастовую систему можно называть «пережитком далекого прошлого» и тормозом на пути демократического развития. Но с практической точки зрения, она по-прежнему играет важнейшую роль, железным обручем стягивая самое гетерогенное в мире общество и играя важнейшую роль в плане смягчения социальной напряженности.

Если цивилизационную парадигму Китая можно схематично назвать этатистско-эгалитарной, то в Индии

³⁶ Saxenian A.L. Bangalore: The Silicon Valley of Asia? P. 10.

³⁷ См., например: Куценков А.А. Социальный индуизм // Древо индуизма / под ред. Глушковой И.П. М.: Восточная литература, 1999. С. 441–442. [Kutsenkov A.A. Sotsial'niy induizm // Drevo induizma / pod red. Glushkovej I.P. M.: Vostochnaya literature, 1999. S. 441–442.]

(в которой государство еще в древности было несопоставимо слабее, чем в Китае) основной путь развития, как отмечалось, — элитарный, что непосредственно связано с кастовым наследием. Кастовая замкнутость и эндогамия в течение тысячелетий способствовала тому, что, как правило, за человеком из варны брахманов стоят сотни поколений предков, занимавшихся интеллектуальным трудом. В результате Индия обладает колоссальным интеллектуальным потенциалом на верхнем этаже и высококвалифицированными специалистами мирового уровня. Одновременно у бывших неприкасаемых за несколько тысячелетий не было ни одного предка, который бы имел какое-либо образование и профессионально занимался умственной деятельностью. Более того, характер их физического труда, орудия и предметы труда были однотипны и примитивны. Именно поэтому Индия заметно проигрывает многим азиатским странам по качеству массовой квалифицированной рабочей силы.

Как раз в сфере образования наглядно видны отличия индийской и китайской цивилизаций: заметно существенное превосходство Китая в плане базового образования, а Индия не уступает в плане высшего образования. Более того, до конца прошлого века она значительно превосходила Китай, но тот совершил колоссальный скачок в новом веке. По данным Департамента среднего и высшего образования Министерства образования Индии, в 2007 г. в Индии было уже 259 университетов. В них и в колледжах учились 9,95 миллиона студентов и преподавали

более 450 тыс. человек³⁸. В 2011 г. в Индии насчитывалось уже 544 университета — 261 университет штатов, 73 частных университета штатов, 42 центральных университета, 33 образовательных учреждения общегосударственного значения, 5 вузов, учрежденных законодательными властями штатов, 130 институтов, которые считаются университетами. Количество колледжей равнялось 31 324 (3432 — женских)³⁹. Высшим образованием сейчас охвачено 12% индийской молодежи, и правительство ставит задачу довести эту цифру до 30% к 2025 г. В элитные заведения допуск ограничен — в 15 технологических институтов (Indian Institutes of Technology), занимающих особое положение в системе технических вузов и где акцент сделан на информационные технологии, ежегодно пытаются поступить 300 тысяч человек, но из них принимают только 2% (для сравнения: в Гарвардский университет зачисляют 7% абитуриентов)⁴⁰. За год в Индии выпускают около 500 тысяч молодых инженеров. Качество высшего образования в стране выше, чем в КНР. Так, опросы крупнейших ТНК показали, что они согласны принять на работу одного из четырех выпускников индийских инженерных вузов и лишь одного из 10 китайских⁴¹.

³⁸ URL: <http://www.education.nic.in/higedu.htm>

³⁹ Ministry of Human Resource Development, Gov. of India. Department of School Education & Literacy and Higher Education. Annual Report. 2010–2011. New Delhi: Dolphin Printo Graphics, 2011. P. 3.

⁴⁰ Nayar A. Developing world: Educating India // Nature (London). 2011. № 472. P. 25.

⁴¹ McKinsey Global Institute. The Emerging Global Labor Market. October 2005.

Но существуют очень острые проблемы в отношении доступа к высшему образованию: выходцы из самого богатого сословия, которое составляет 20% населения, имеют в 14 раз больше шансов получить его по сравнению с представителями наиболее бедного квинтиля^{42,43}. Достаточно невысок и показатель эффективности рынка труда, что связано с тем, что под ним понимаются не только затраты на единицу труда, но и многие другие показатели, включая гендерные (само индийское правительство и не скрывает наличия социально-экономической дискриминации женщин⁴⁴).

Уступая очень многим странам по доле расходов на образование в государственном бюджете, Индия находится среди лидеров по расходам на высшую школу (18% среди всех расходов на образование; в Японии эта величина равна 14%, в Южной Корее — 13, в Италии — 17%)⁴⁵. На 2011/2012 фин. г. на высшее образование в бюджете были заложены расходы на одну треть больше, чем в предыдущем году⁴⁶. По мне-

нию министра человеческих ресурсов и развития Капила Сибала, к 2020 г. для реализации потребностей страны необходимо открыть дополнительно 800–900 университетов и 40–45 тысяч колледжей⁴⁷.

Таким образом, перспективы развития азиатских гигантов по траектории, намеченной Западом, представляется маловероятными. Более того, ныне Западу выгодно «подмораживание» экономических и социально-экономических процессов на Юге, и центр не испускает на периферию импульсы для развития по пути Запада. Иными словами, стадийный разрыв между новым строем и капитализмом на периферии может сохраняться более длительное время, чем между капитализмом и до-капитализмом.

При этом России необходимо извлечь уроки из опыта азиатских гигантов в области развития высоких технологий, поскольку они, изначально находясь в гораздо худшем положении, уже на порядок опередили РФ. Всем очевидно, что пребывание России в положении «деревни» Севера или Юга, с перекачкой туда всевозможных ресурсов (сырья, финансов, наиболее квалифицированной рабочей силы и т.д.), будет вести лишь к постепенной деградации страны. Существует много ограничений и для традиционно индустриального пути: невысокая конкурентоспособность базовой страты рабочей силы; неблагоприятные климатические и географические условия, из-за которых стоимость единицы продукции возрастает на 10–15%⁴⁸, и т.д.

⁴² Perspectives on Poverty in India... P. 169.

⁴³ Выходцы из низших страт сами пытаются переломить ситуацию. Мультимиллионер А. Агарвал, не получивший должного образования, основал в штате Орисса огромный университет для обучения юношей и девушек из низов.

⁴⁴ В 2010 г. женщины составляли лишь 18,6% лиц с полной занятостью и регулярной зарплатой в несельскохозяйственном секторе (Central Statistical Organization, Ministry of Statistics and Programme Implementation, Government of India. Millennium Development Goals, India Country Report, 2011. New Delhi, 2011, Annex 3. P. 12).

⁴⁵ Human Development Report. 2007/2008... P. 265–267.

⁴⁶ Cyranoski D., Gilbert N., Ledford H., Nayar A. & Yahia M. Education: The PhD factory // Nature (London), 20 April 2011. No. 472. P. 279.

⁴⁷ Nayar A. Developing world... P. 25.

⁴⁸ Более подробно см.: Лунев С.И. Что стоит Сибирь? // Международные процессы.

Из европейских столиц Москва лежит в самой суровой климатической зоне. Даже Хельсинки расположен в более теплом климате. А уж на Урале и в Сибири, с точки зрения рыночной экономики, вообще бессмысленна какая-либо экономическая деятельность, за исключением добычи сырья. Страна может совершить прорыв в постиндустриализм, лишь придерживаясь стратегии развития человеческого потенциала, технологически сложных и наукоемких отраслей, а также повышения роли науки в производстве.

Россия, как и подавляющее большинство стран не-Запада, строит традиционный капитализм (в новых условиях — с национальной спецификой). В стране сейчас довольно слабое государство и чрезмерно влиятельная бюрократия, долгое время преследовавшая почти исключительно личные, а не государственные и национальные, интересы. В результате наукоемкое производство действует в крайне искаженном правовом пространстве, мало содействующем процветанию инновационной деятельности. Следует особо отметить два самых слабых звена: явно недостаточную материализацию научных достижений в технологии и ноу-хау, а последних — в готовые изделия. Как хорошо известно, все это существовало и в советский период из-за негибкости системы. Однако все-таки была определенная взаимосвязь в цепочке Академия наук — отраслевые институты — КБ. Последние два элемента попросту рухнули в постсоветское время.

По-видимому, для России должен быть особо интересен позитивный

опыт Азии в научно-технической сфере по двум направлениям: роль государства (полномасштабное содействие развитию технологий, прежде всего в деле поощрения экспорта и прямых иностранных вложений; предоставление налоговых, кредитных и прочих льгот инновационному бизнесу и наукоемкому производству) и привлечение интереса бывших соотечественников к развитию взаимовыгодных связей с прежней родиной.

Западные государства не будут способствовать появлению нового мощного конкурента. Крайне привлекательно выглядит перспектива соединения российской научной мысли (и ее ресурсов) с корейской и китайской инженерной мыслью (что уже происходит в военной сфере) и с достаточно качественной и недорогой китайской рабочей силой. Полученный продукт имел бы и огромный рынок сбыта: Большая Восточная Азия имеет наиболее высокие в мире долговременные темпы роста, и там постоянно растет покупательная способность населения. Такое сотрудничество и объемы рынков могут привлечь дополнительные иностранные инвестиции. Наиболее перспективными областями сотрудничества в сфере высоких технологий представляются в первую очередь информационные технологии, биотехнологии, нанотехнологии, космические исследования. В случае реализации подобного сценария произойдет достаточно парадоксальная вещь: проведение преобразований в России в целях стадийного сближения с Западом будет осуществлено на основе развития политических и экономических связей с Востоком.

2004. № 1. [Lunev S.I. Chego stoit Sibir? // Mezhdunarodnye protsessy. 2004. No. 1.]

Технологические прорывы в Азии идут рука об руку с процессами модернизации. Хотелось бы обратить внимание, что страны одновременно пытаются сохранить специфику своих моделей политического и экономического развития. Интересно, что при вступлении в ВТО азиатские гиганты выторговали себе намного лучшие условия длительного льготного протекционистского периода, необходимого для постепенной подготовки к мировой конкуренции.

Эволюционность и постепенность, имманентно присущие индийской и особенно китайской цивилизациям, несогласие с диктатом Севера и отказ идти у него на поводу характеризуют основной ход экономических реформ в азиатских гигантах. Напротив, Россию в XX веке отличал необыкновенный радикализм.

Именно мгновенное открытие экономики России внешней конкуренции после распада СССР в 1991 г. и революционность методов (наряду с переходом от плановой к рыночной экономике, распадом экономических связей в рамках бывшего СЭВ и СССР, структурной перестройкой экономики, а также грубыми ошибками при проведении реформ) вызвали глубокий и затяжной экономический и социальный кризис.

В процессе адаптации к проблемам экономической глобализации азиатские гиганты часто идут по сходному пути, прежде всего в социально-экономической и международной сферах. В Китае и Индии возникает новое соотношение форм собственности, включающее государственную, смешанную государственно-частную, кооперативную, частную и форму, которую условно можно назвать кланово-конфесси-

ональной. Отсутствие доминирующей или быстро растущей формы собственности обуславливает определенную автономность государства, относительную независимость его от различных сил. Объективная ситуация требует наличия сильного государства, координирующего взаимодействие укладов, поддерживающего национальное предпринимательство и связывающего воедино огромную экономику и более чем миллиардное население. Даже в Индии, где государство традиционно было очень слабым, оно стало ключевым актором. Подобная схожесть в отношении данного параметра чисто внешне может показаться парадоксом, поскольку у стран существуют совершенно разные культурно-цивилизационные модели: элитарная (в Индии) и эгалитарная (в Китае); коллективистская (в Китае и Японии, где государство было традиционно очень сильно) и «срединная» в Индии, т.е. развитие по широкому полю, но довольно далеко от чисто коллективистского (приоритет групповых интересов над индивидуальными) и индивидуалистского (признание приоритета личных интересов) векторов.

Среди чисто экономических версий современных успехов азиатских гигантов следует отметить эффект преимуществ, вытекающих из относительно низкого уровня цен внутренних рынков в сравнении со среднемировыми на значительную часть товаров повседневного спроса — в сочетании с масштабами хозяйств и высокой степенью их диверсификации. Фундаментальным обстоятельством, общим для данных государств, является, по-видимому, тот факт, что ни одно из них не может решить главных проблем развития

за счет преимущественной опоры на внешние факторы, что хорошо осознается в Китае и Индии. Опыт обеих азиатских держав показывает, что опора на внутренний рынок, даже при активной экспортной стратегии или без нее (экспортная квота Китая намного выше), способна обеспечить устойчивое экономическое развитие. При этом достаточно конкурентоспособны многочисленные промежуточные сферы хозяйства, растущие из традиционного сектора (поселковая промышленность в КНР, сельская индустрия в Индии). Обе страны активно поощряют мелкое предпринимательство как фактор экономического и социального развития. Мелкие и средние предприятия развиваются во всех сферах хозяйства. За счет увеличения занятости в сфере услуг в городах в Индии и Китае снижается острота проблем безработицы. Малые предприятия активно участвуют в создании экспортного потенциала. В азиатских государствах создана государственная система умеренной и избирательной защиты внутреннего рынка, планомерной адаптации к внешнему воздействию и стимулирования экспорта продукции обрабатывающей промышленности в качестве последовательных или параллельных стадий экономической стратегии. Весьма сходны действия властей при осуществлении экономической либерализации, которой КНР занимается с 1978 г., а Индия — с 1991 г.: градуализм, эволюционность и строгий государственный контроль над преобразованиями.

При этом обе страны пытаются извлекать уроки из опыта соседей. Так, сразу после начала мирового экономического кризиса в КНР была соз-

дана специальная комиссия по изучению стратегии опоры на свои силы в Индии, а Дели стал заимствовать китайскую политику создания специальных экономических зон для расширения экспорта.

Уже отмечалось, что главный инструмент Запада в обеспечении своей экономической монополии — финансы. Поэтому в этой сфере Китай и Индия проявляют наибольшую неуступчивость. Западные финансовые институты находятся под жестким контролем. Пекин не идет на серьезные уступки в отношении курса юаня, несмотря на колоссальное давление со стороны США. При этом следует отметить достаточно высокий рейтинг азиатских гигантов. В «Докладе о мировой конкурентоспособности» за 2013–2014 гг. Индия по развитию финансового рынка заняла 30-е место, КНР — 38-е (Бразилия — 44-е, а Россия — 89-е)⁴⁹. Хотелось бы отметить, что Китай занимает первое место в мире по количеству свободных золотовалютных резервов, а Россия — третье. Как отмечал В.М. Давыдов, Гонконг/Сянган резко укрепляет позиции КНР на мировом финансовом рынке⁵⁰, а в последнее время Шанхайская биржа сокращает свое отставание от Гонконгской. По мнению М.Я. Бергера, финансовая сфера станет самым главным полем для борьбы. В настоящее время Китай предпринимает очень интересные и продуктивные шаги: отказавшись

⁴⁹ The Global Competitiveness Report. 2013–2014 / ed. by Klaus Schwab. World Economic Forum: Geneva, 2011.

⁵⁰ Интервью с директором Института Латинской Америки РАН В.М. Давыдовым от 24 апреля 2013 г. [Интервью с директором Института Латинской Америки РАН В.М. Давыдовым от 24 апреля 2013 г.]

от конвертации юаня, Пекин конвертирует валютные активы и открывает эту сферу для индивидуальных инвесторов. Данный процесс будет очень долгим и крайне напряженным, но Китай станет ледоколом, пробивающим брешь в современной мировой финансовой системе, а остальные валюты будут следовать этому же курсу по мере ослабления доллара, который уже не выдерживает той нагрузки, которая на него ложится⁵¹. Декларации же России о возможном превращении Москвы в мировой финансовый центр пока вообще не наполнены реальным содержанием. Совместные действия в рамках БРИКС должны принести огромную выгоду ее странам и в плане укрепления положения в международных экономических организациях, и в плане ослабления валютного давления на них.

БРИКС пытается сопротивляться и другим аспектам экономической глобализации, которые негативно сказываются на положении развивающихся стран. В этом плане БРИКС мог бы стать для его участников ключевым партнером и для укрепления своего положения в мировой экономической системе, и для реализации конкретных проектов. БРИКС может быть полезным для тех направлений двусторонних отношений, которые являются «сквозными» для всех участников клуба. Однако особо следует выделить экономические отношения в рамках треугольника Россия — Китай — Индия, реализация которых облегчается соседством стран в

Евразии. Учитывая как серьезные опасения Пекина по поводу вхождения Индии в создаваемое США «окружение Китая», так и начавшееся сотрудничество России, Китая и Индии в рамках БРИКС, следует предложить КНР проекты по активизации экономического сотрудничества в треугольнике Россия — Индия — Китай. При этом, естественно, речь не может идти об автаркии от Запада, от выстраивания с ним самых тесных экономических связей, в первую очередь связанных с получением и адаптацией высоких технологий.

Экономическая глобализация, ставя в более выгодные условия конкретные страны и социальные группы и ухудшая положение других стран и страт, обострила социальные проблемы во всем мире. Именно с социальным протестом в первую очередь связана «арабская весна». В Восточной Азии пока нет заметного социального протеста, однако отметим, например, рост внутреннего социального напряжения в Китае. Митинги протеста в Индии собирают сотни тысяч людей, будь то коррупционные скандалы или насилие в отношении женщин. Более миллиона людей приняли участие в антиправительственных демонстрациях в более чем 100 городах по всей Бразилии в июне 2013 г. Постоянно вспыхивают волнения в ЮАР. В связи с тем, что в новом веке практически перестали работать социальные лифты, в России также наблюдается резкое недовольство, прежде всего среди молодежи. Прошедшие в 2010 г. молодежные волнения на Манежной площади в Москве обозреватели рассматривают сквозь призму роста национализма. Однако представляется,

⁵¹ Интервью с главным научным сотрудником Института Дальнего Востока РАН М.Я. Бергером от 15 мая 2013 г. [Interv'y u s glavnym nauchnym sotrudnikom Instituta Dal'nego Vostoka RAN M.Ya. Bergerom ot 15 maya 2013 g.]

что это касается в первую очередь формы выражения, а содержанием выступлений являлся социальный протест. Недовольство уже среднего класса проявилось в многотысячных манифестациях в 2011–2012 гг. Очень остро стоит данная проблема и на Западе. Если ранее, вследствие перераспределения доходов в пользу низших слоев населения, стала постоянно снижаться поляризация распределения доходов, то за последнее время доля средних слоев населения (а это 70% западного общества) в ВВП начала сокращаться, при резком приросте доходов у верхних групп. Социальная волна протестов накрыла не только всю Западную Европу, но и США, где сотни тысяч людей участвовали в 2011 г. в демонстрациях протеста против антипрофсоюзных законов (только в Мэдисоне, столице штата Висконсин, в нескольких демонстрациях принимало участие более 100 тыс. человек). Можно ожидать лишь активизацию социального протеста, особенно с учетом того, что западный рынок труда перестал, по существу, нуждаться в квалифицированных кадрах, здесь требуются почти исключительно неквалифицированные и высококвалифицированные работники.

По масштабности социальных проблем Россия среди других стран БРИКС, в принципе, находится в наилучшем положении, хотя и здесь проблема чрезвычайно остра. Хотя в новом веке удалось резко улучшить показатели по бедности, безработице, ожидаемой продолжительности жизни, советский уровень социального благополучия по-прежнему является недостижимой мечтой. Социальные разрывы в последнее время даже выросли.

Хотя больше стал слой населения, которому доступно потребление по среднему стандарту (приобретение товаров длительного пользования или наличие сбережений, сопоставимых с ценами на эти товары; регулярный отдых; пользование платными услугами), его доля остается очень низкой. Развитие государственно-капиталистического уклада в современной России специфически консервирует «протосредний» класс (наследие советского периода), который представлен в основном государственными служащими. Появление капиталистического уклада способствует формированию нового среднего класса, который уже отчасти сопоставим со своим западным аналогом. Но поскольку капитализм в России формируется преимущественно сверху, то возможности роста среднего класса оказываются необычайно ограниченными. Вместе с тем, если на Севере модифицировались и эволюционировали низшие слои, то развитие капиталистического уклада в России, напротив, происходит в формах, способствующих увеличению численности и деградации таких слоев, что расширяет пространство (социальное, демографическое и т.д.), не способное порождать средние слои. Один из парадоксов российской действительности состоит в том, что «новые» средние слои (торгово-посредническая прослойка, «деловой мир» в его специфически российском виде и т.д.) фактически представляют собой элемент традиционной социальной структуры, а размывающиеся «старые» (научные работники, инженеры и т.д.) — часть общества, олицетворяющую интеллектуальный потенциал общества и научно-технический прогресс.

По-видимому, улучшение (ухудшение) показателей человеческого потенциала в отдельных странах непосредственно связано как раз с увеличением (уменьшением) численности средних слоев.

В Индии существуют самые разные оценки численности среднего класса из-за различий в применяемых методиках. В докладе Глобального института Маккинси утверждалось, что в 2005 г. лишь 50 млн человек относились к нему, а Мировой банк называл цифру в 264 млн человек. При этом западные эксперты предсказывают колоссальный рост численности среднего класса: даже по прогнозу «скептического» Глобального института Маккинси, в 2025 г. он составит 500 млн человек⁵². Начинает существенно расти и доля среднего класса в Китае.

Решение социальных проблем зависит не от политической воли элиты, а от активности населения, поскольку правящие слои никогда не пойдут на политику самоограничения и уступок большинству без самого жесткого нажима снизу.

2. Политическая глобализация развивается гораздо менее успешно. Более того, складывается впечатление, что тенденции ее развития имеют понижаемые параметры. Так, На Юге появилась «серая зона» (в которой проживает около шестой части всего человечества), за которую основные мировые центры (в первую очередь США) не желают (либо не могут) брать никакой ответственности и где не действуют общие зако-

номерности развития системы. Эти 40–50 государств не имеют потенциала для позитивного внутреннего функционирования, здесь постоянно происходят этно-конфессиональные конфликты, гражданские войны, потеря управляемости, что еще более ограничивает их связи с мировой системой. Во многом это связано с ее современной структурой. С распадом лагеря социализма и попытками превращения мира в монополярный нынешний мировой лидер и единственная сверхдержава — США — пытается управлять системой из одного центра. Однако число суверенных государств на планете ныне превышает 200; из теории больших систем известно, что управлять таким количеством субъектов из одного центра практически невозможно. Именно поэтому происходит сужение системы путем выталкивания из нее малоприоритетных стран.

Сложность управления мировой системой из одного центра приводит и к попыткам лидера использовать в этих целях международные экономические организации — МВФ, МБРР, ВТО, группу 8 и т.п. Однако подобные организации так или иначе испытывают влияние и других стран, а к тому же имеют и собственные интересы, поэтому они не могут полностью служить только лидеру. В данных условиях он может контролировать преимущественно внешнеэкономические операции стран — членов системы. Внутриэкономические же и внутривнутриполитические процессы оказываются слабо либо вообще не контролируемы. Отсюда — упор на глобализацию, которая, ослабляя национальное государство, дает огромные преимущества наиболее развитым странам и их корпорациям.

⁵² Saxena R. The middle class in India. Issues and opportunities // Deutsche Bank Research. Asia. Current Issues. February 15, 2010. URL: http://www.dbresearch.de/PROD/DBR_INTERNET_DE-PROD/PROD0000000000253735.pdf

События, развернувшиеся после 11 сентября 2001 года, демонстрируют жесткий вариант развития мировой системы. Во-первых, США стремятся к ускоренному формированию четкой монополярной системы, причем ее лидер сумел подчинить себе большинство стран, даже тех, которые занимали по отношению к нему нейтральное или оппозиционное положение. Кроме того, Вашингтон временами совершенно открыто отбрасывает все прикрытия о совместном решении мировых проблем, а прямой диктат становится методом отношений даже с ближайшими союзниками. Во-вторых, насилие становится важнейшим инструментом «наведения порядка» в мировой системе и подчинения всех стран лидеру (Ирак, Афганистан, Югославия, Ливия и т.д.). В-третьих, конфликт, возникающий в мировой системе, развивается по С. Хантингтону — столкновения цивилизаций. Складывается впечатление, что действия против мирового терроризма умышленно направляются против ислама (Афганистан, Ирак, Сомали, Йемен, Ливия, мусульмане на Филиппинах и т.п.). В то же время даже бывшие союзники США отказываются от их безоговорочной поддержки. Однако в целом, при некотором нарастании различий между странами Запада, между ее основными центрами — США и Западной Европой, они в высшей степени заинтересованы в сохранении своего господствующего положения в системе международных экономических и политических отношений, и значительно сильнее, чем когда-либо. У Европейского Союза (речь не идет о конкретных странах) нет другой глобальной политики, помимо следования в фарватере по-

литики США. В этом плане ЕС, наподобие Японии, оставаясь экономическим гигантом, превратился в политического карлика. Это, правда, не желает признавать российская элита, которая в целом, несмотря на сильное разочарование, остается все-таки прозападной. Ее некоторое разочарование проявляется в росте скепсиса в отношении США, но отнюдь не в отношении Западной Европы. Отсюда — появление идей о возможном расколе между двумя мировыми центрами и становлении России в качестве партнера Европы. Российская элита по-прежнему свято верит в европоцентристскую «идеальную модель», испытывает очевидный комплекс неполноценности в отношении Европы и традиционно настроена крайне пессимистично в отношении собственной страны, что всегда вело к настоящему цинизму (и в дореволюционные времена, и в советский период, и сейчас). Более того, российская элита, как и элита благополучных стран не-Запада, входит в понятие «золотого миллиарда» (а низы в странах Запада в него не входят). Именно в Европе они хранят средства, нелегально выведенные из своих государств, имеют собственность, обучают наследников.

Страны БРИКС представляют основную глобальную силу, противостоящую превращению мировой системы в монополярную. Весьма сходны параметры их внешнеполитической деятельности. Гегемония Севера отвергается азиатскими гигантами и их партнерами по политическим, экономическим и цивилизационным причинам. Для них независимый внешнеполитический курс всегда являлся главной целью, и подчинение кому-

либо никак не вписывается в их планы. Не случайно при существовании такого базового противоречия между Индией и Китаем, как соперничество двух гигантов, позиции азиатских держав по глобальным вопросам весьма близки. При анализе частоты совпадений голосования Индии, КНР и других стран на Генеральной Ассамблее ООН по всему комплексу мирополитической проблематики выясняется, что Индия в отдельные годы входит в тройку основных держав мира, которые имеют наименьшее количество расхождений с КНР. Практически полностью совпадают позиции азиатских гигантов по проблематике глобального устойчивого развития и стратегической стабильности; только Россия, как правило, голосует с Китаем чаще, чем Индия, по международной безопасности.

Для США потенциально опасными являются прежде всего следующие факторы: а) азиатские гиганты не относятся к привилегированной части мировой экономической системы, а значит, они отнюдь не в восторге от правил игры, навязанных развитыми странами; б) независимый внешнеполитический курс всегда являлся главной целью Китая и Индии, и подчинение кому-либо никак не вписывается в их планы. Гегемония Запада отвергается этими странами по политическим, экономическим и цивилизационным причинам.

Подобная ситуация объясняет внешний парадокс: самое активное участие Индии в формате БРИКС. Если, как отмечалось, для индийско-китайских отношений характерно наличие очень большого количества проблем, то, напротив, происходит заметное индийско-американское сближение.

Именно глобальный уровень поворачивает Дели от США в сторону БРИКС.

При этом азиатские сверхкрупные страны (это касается также Японии и Индонезии) проявляют крайнюю осторожность при осуществлении внешнеполитических действий. Жесткая, иногда сверхжесткая позиция занимает исключительно в случае реальной угрозы базовым национальным интересам, при том что Индия и КНР, бесспорно, уже вошли в состав мировых держав и превратились в особые подсистемы международных отношений, чье формирование, как представляется, было ускорено развалом мирового социализма: в жестко контролируемом мире этот процесс встретился бы с гораздо большими препятствиями. В ближайшем будущем они могут стать соперниками США в борьбе за лидерство. История повторяется — соперники появляются на периферии. Но сможет ли кто-либо из них стать лидером, зависит от взаимодействия очень многих факторов. Менее вероятными кандидатами на статус глобального центра влияния являются Россия, Бразилия, ЕС и Япония.

Правда, КНР стала занимать все более активные внешнеполитические позиции за последние 2–3 года. Это, видимо, является проявлением как осознания своей реальной экономической мощи, так и недовольства Севером, который, по мнению Пекина, недостаточно адекватно реагировал на линию Дэн Сяопина, завещавшего преемникам «не высовываться». Подобное же характерно и для Бразилии. Страна, являясь полюсом антиамериканской политики в Западном полушарии, предпочитает «оппозиционные» действия осуществлять в рамках БРИКС,

Меркосур или группы Рио, а не самостоятельно.

Интересно, что все государства БРИКС можно также назвать региональными державами (под этим термином подразумевается государство, способное корректировать политику соседних стран с использованием преимущественно «мягкой силы»), к которым сейчас относится очень небольшое количество стран. В эту группу можно отнести Индию, Китай, Австралию, Бразилию и в какой-то степени Мексику, а также Южную Африку и Нигерию (возможности формирования региональных держав в Африке все-таки еще весьма ограничены). В конце XX века ряды региональных держав пополнились Россией. Представляется, что время для формирования региональных держав в Европе и Северной Америке уже ушло.

Следует учитывать, что под термином «регионализация» понимаются два различных явления — возрождение региональных держав и формирование региональных интеграционных группировок. Параллельное существование двух процессов — явление достаточно противоречивое. С одной стороны, региональные державы заинтересованы в придании формального статуса своим отношениям с сопредельными государствами. С другой стороны, наличие региональных отношений первого типа может препятствовать перерастанию их во второй тип, так как это способно нарушить характер отношений в системе ведущая держава — подчиненные (зависимые) государства, что и происходило в биполярный период. Ныне эти процессы могут не противоречить друг другу (в биполярной пери-

од наличие региональной державы, по существу, препятствовало эффективности создававшихся региональных ассоциаций), и в последнее время азиатские гиганты принимают самое активное участие в процессе регионализации. В становлении региональной державы, помимо политических, определенное значение, видимо, имеют и другие факторы — экономические, культурные и даже конфессиональные.

Региональные державы препятствуют реализации планов Вашингтона, особенно в военно-политической сфере. Так, если бы КНР не превратилась в подобный центр, вряд ли Белый дом так долго мирился бы с существованием такой страны-«изгоя» как Северная Корея. Наличие региональной державы, как правило, ядра крупной цивилизации, способствует и нарастанию культурологического отчуждения. Региональный лидер в определенном аспекте также замыкает на себе внешнеэкономические потоки. Поэтому формирование региональных держав и регионализма налагает существенные ограничения на поведение мирового лидера.

Глобализация и регионализация являются взаимосвязанными и в то же время противоречащими друг другу тенденциями, поскольку все страны являются как объектами, так и субъектами глобализации и регионализации. Как известно, процессы глобализации вызываются прежде всего неограниченной конкуренцией и требуют от экономических субъектов повышения эффективности всех видов операций (именно поэтому она ущемляет интересы менее развитых стран). Действия же в рамках регионализации в большей мере отвечают интересам индивидуальных стран,

не только экономическим, но и политическим, социальным, культурным и т.п. За каждым процессом стоят довольно мощные силы, обладающие большим экономическим и политическим потенциалом.

Представляется, что экономические и политические факторы определяют регионализацию как ведущую тенденцию мирового развития, и весьма вероятен переход мировой системы к именно многополярному и многоцивилизационному миру, с усилением интеграции внутри регионов и проявлением противоречий между регионами — культурными, экономическими, политическими и иными. При этом, видимо, можно согласиться с точкой зрения М.Я. Бергера, что регионализация может проходить одновременно с глобализацией. Ярким примером здесь выглядит Китай, который входит в глобальную экономику и становится лидером в экономическом развитии своего региона, что происходит одновременно, а инструменты используются разные⁵³, потому что для регионализации используется такой инструмент, как свободные экономические зоны.

3. Информационная глобализация развивается наиболее активно. Произошло невероятное ускорение всех процессов, начиная от скорости передвижения до скорости получения информации, «сжатие» земного шара благодаря электронным средствам связи, возрастание объема информации в геометрической прогрессии и т.д. При этом вкуче с необычайным усложнением со-

временной жизни это ставит в тяжелейшее положение человека как биологическое существо. Он оказался не готов так быстро адаптироваться: за XX век произошло в этих областях больше перемен, чем за весь предыдущий исторический период⁵⁴. В результате человек вновь, чисто подсознательно, стремится к определенной изоляции от чужеродных элементов и к единению с духовно близкими. Религия же в наибольшей степени отражает духовную близость (или отчужденность) регионов, стран, наций и групп населения, поскольку именно в ней отражены основные цивилизационные особенности тех или иных этносов и национальностей.

Естественно, все страны БРИКС принимают самое активное участие в информационных процессах, которые затрагивают не только непосредственно информатику, но и интеллектуальные, образовательные, культурные, психологические, идеологические и пропагандистские процессы. Во всех государствах резко возрастает количество персональных компьютеров, мобильных телефонов и прочих атрибутов информационного общества. По количеству мобильных телефонов Китай занимает первое место в мире (986 млн), Индия — второе (894 млн), Россия — пятое (236 млн), ЮАР — девятнадцатое (64 млн). На первом месте в мире КНР находится и по числу Интернет-пользователей (389 млн). Бразилия здесь занимает третье место (76 млн), Россия — девятое (41 млн), а ЮАР — пятьдесят третье (4,5 млн)⁵⁵. Как отмечалось,

⁵³ Интервью с главным научным сотрудником Института Дальнего Востока РАН М.Я. Бергером от 15 мая 2013 г. [Interv'yū s glavnyim nauchnym sotrudnikom Instituta Dal'nego Vostoka RAN M.Ya. Bergerom ot 15 maya 2013 g.]

⁵⁴ См.: A. Toffler. The Future Shock. NY, 1970.

⁵⁵ CIA. The World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/cia/publications/factbook/geos/> — CIA.

очень большое значение придается развитию образования, в том числе и технического высшего образования. Относительно высокие места страны БРИКС занимают и по всемирному индексу удовлетворения собственной жизнью (самый высокий показатель для стран — 8,5, самый низкий — 2,6): у Бразилии — 7,5, у Китая — 6,3, у ЮАР — 5,8, у России и Индии — 5,5⁵⁶.

Что касается активной позиции в идеологической и пропагандистской сферах, то это характерно исключительно для КНР. Здесь существует политическая цензура, население ограждается от «неверной», с точки зрения властей, информации, целенаправленно пропагандируются китайский образ жизни и политика Пекина. Китай пытается принимать специальные меры для защиты своей культуры, традиций и духовных ценностей от чуждого информационного влияния. В КНР отлично осознают, что никогда ранее не существовало такой прямой зависимости безопасности от информации. Если ранее объек-

тивная дополнительная информация давала только некоторое преимущество стороне, ею обладавшей, то ныне эта информация прямо определяет ход и результат борьбы, непосредственно влияет на противника или конкурента. Как подчеркивают военные эксперты, основными объектами поражения в новых войнах будут информационная инфраструктура и психика противника (появился даже термин «human network»). В качестве реакции Пекина отметим, что здесь начал создаваться специальный новый род войск — информационный (в США он уже создан).

Большинство в России еще не осознало той угрозы, которую несут информационные войны и информационное воздействие. При этом есть основания полагать, что против РФ такая война уже ведется. В постбиполярный период РФ по существу не предпринимала и никаких действий по улучшению собственного имиджа за рубежом. Ее облик для всего мира формировал (и формирует) исключительно Запад, чьим основным методом было и остается полное очернение российской действительности и истории. Электронные и печатные средства массовой информации Запада поражают своей недоброжелательностью к России: в освещении ее политики практически нет позитива. Вся эта информация переправляется в страны не-Запада, где в связи с этим также ухудшается отношение к России. Дискредитация РФ опасна не только в политическом плане (очевидно, что доброжелательность населения является той базой, на которой можно развивать отношения). Это — один из факторов, обеспечивающих устранение страны как экономического конкурента Запа-

The World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/index.html>

CIA. The World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ch.html>

CIA. The World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/in.html>

CIA. The World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/rs.html>

CIA. The World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/br.html>

CIA. The World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/sf.html>

⁵⁶ Veenhoven R. World Database of Happiness. Erasmus University Rotterdam, Happiness Economics Research Organization. URL: http://www1.eur.nl/fsw/happiness/hap_nat/nat_fp.php?mode=8

да. Видимо, было бы сложнее отстранить российские компании от участия в многомиллиардных контрактах на реконструкцию предприятий, построенных Советским Союзом в тех же Китае и Индии, если бы местные СМИ лоббировали интересы нашей страны.

Для примера можно сравнить деятельность российского и французского ВПК в отношении Индии, главного в мире импортера оружия и основного партнера РФ. Целый ряд индийских газет и журналов, издающихся миллионами экземпляров, регулярно публикуют антироссийские статьи, которые, как известно, обычно оплачиваются Францией. Россия же даже не считает необходимым отвечать на эти заказные материалы, а ведь целый ряд трагедий с российской военной техникой связан с закупкой индийской стороной контрафактной продукции для российских изделий, недостаточной подготовкой личного состава и т.д. Представители российского ВПК практически игнорируют индийские профессиональные военно-технические журналы, которые во многом формируют мнение и национальной военной элиты, и лиц, принимающих решение по военно-техническому сотрудничеству.

Практически не ведется работа с пророссийски настроенными кругами и организациями. Особенно удивляет пренебрежительное отношение к сотням тысяч лиц, получивших образование в Советском Союзе и России, хотя многие из них являются представителями элиты (интересно, что многие американские центры, направляя своих сотрудников за рубеж, обязывают их встречаться там с бывшими выпускниками).

В результате сворачивания пропагандистской деятельности России (как показывают опросы общественного мнения), хотя в странах БРИКС РФ по-прежнему находится среди самых популярных стран, отношение к ней постепенно ухудшается.

4. Культурно-цивилизационная глобализация показывает очевидную негативную динамику. В Лету канули все утверждения двадцатилетней давности о «конце истории» и создании моноцивилизационного мира. Наступление европейской техники, науки, образования и массовой (американизированной) культуры в настоящий момент, напротив, вызывает на Юге своеобразную реакцию отторжения. Данное отторжение может принять форму исламского фундаментализма, африканского негритюда, воинствующего индуизма и прочее. Даже в Японии происходит оживление традиционных религиозно-культурных представлений.

С конца прошлого века не-Запад переживает настоящий религиозный Ренессанс. Здесь резко усилилось влияние религии на государство и правительство. Процесс возрождения традиционных ценностей и отчуждения от многих ценностей европейской цивилизации порожден рядом разнородных причин. К ним относятся: существование значительных масс населения в системе традиционных отношений и проживающих ниже черты бедности, особенно в крупных странах, попытки части элиты достичь своих политических целей за счет запугивания образом внешнего врага, эйфория от первых несомненных успехов, размывание абсолютного превосходства европейской цивилизации и пр. Однако, возник-

нув, эти процессы начинают самовоспроизводиться. Поэтому представляется, что нарастание отчужденности в социально-психологической и религиозно-культурной сферах сохранится на достаточно длительное время. В свою очередь, эти расходящиеся цивилизационные особенности оказывают влияние на формирование механизма развития, методы и формы его деятельности и т.п. В результате возникают не только разнотипные национально-производственные структуры, но и закрепляются цивилизационные отличия.

Культурно-цивилизационные параметры очень важны для деятельности БРИКС. С одной стороны, страны, входящие в организацию, отличаются друг от друга. Для них характерна различная цивилизационная парадигма. Цивилизационное поле, на котором осуществляется общественное развитие, очень обширно — от индивидуализма (т.е. признания приоритета личных интересов), основы западного общества, до коллективизма (т.е. приоритета групповых интересов над индивидуальными), свойственного традиционному восточному обществу. Китаю, как и ряду других стран Восточной Азии, свойственен путь, близкий к четкому коллективистскому вектору. Для индийской и российской цивилизации свойствен *срединный путь* — развитие по широкому полю, но довольно далеко от чисто коллективистского и индивидуалистского векторов. При этом если путь Индии был достаточно четким, то для России было характерно зигзагообразное развитие, особенно в XX веке: после Октябрьской революции была попытка встать на коллективистский путь, а после развала СССР — на индивидуалистский.

С другой стороны, многое объединяет страны БРИКС. Анализируя цивилизационные факторы, обосновывающие претензии Китая и Индии на мировое лидерство, следует учитывать, что в этих странах нет комплекса неполноценности перед цивилизациями Севера. Его не было ни в период английского господства в Индии, ни в начальные годы после достижения независимости (тогда это была одна из беднейших стран мира), ни в период полуколониального положения Китая и расчленения его территории на зоны влияния, ни в период зависимости от Советского Союза, когда И.В. Сталин был в состоянии диктовать кадровые перемены в китайском руководстве. В азиатских гигантах отсутствует осознание приниженности, и как следствие этого — проявления подобострастности или, напротив, агрессивности. Индия и Китай — две величайшие цивилизации мира, и они (вместе с Древним Египтом и некоторыми другими) олицетворяли человеческое развитие в течение четырех тысяч лет, что никогда не забывалось в азиатских государствах. Не следует забывать, что гегемония Севера насчитывает не более 300 лет, и в Азии не воспринимают европоцентричный взгляд на мир и его историю. Индийцы и особенно китайцы относились к диктату Севера как к временному явлению (понятие времени отличается от европейского у китайцев в корне, а у индийцев — в некоторой степени).

По существу, подобная ситуация стала складываться и во многих других странах Юга, в том числе в Бразилии и ЮАР. Успехи в экономическом развитии, наряду с рядом политических событий (корейская, вьетнамская, афган-

ская и др. войны), изменили отношение афро-азиатских народов к европейской цивилизации. В экономическом плане они продемонстрировали способность конкурировать на чужих рынках и поддерживать более высокие темпы роста, в том числе и душевого дохода. С военно-политической точки зрения превосходство европейской цивилизации оказалось далеко не бесспорным: в лучшем случае европейско-американским силам удалось сохранить лицо. В техническом плане они показали способность не только осваивать импортные высокие технологии, но и самостоятельно развивать научные исследования: самостоятельное создание ядерного оружия в Китае и Индии — наглядный тому пример. В данных условиях прежняя приниженность и преклонение перед европейцами исчезли. Более того, быстрое экономическое развитие крупнейших азиатских стран является базой для появления даже определенного комплекса превосходства над европейской цивилизацией.

Важно и то, что гегемония «белых» цивилизаций и культур в последние два века не могла не вызвать у других сильного стремления к реваншу, а именно сейчас начинают появляться и первые возможности. Общая история и единство задач, проистекающие из исторического развития и неравноправного положения в международном разделении труда, также, безусловно, цементируют узы стран Юга, в том числе и Индии с Китаем. Важную роль здесь играет и то обстоятельство, что общая история и единство задач, проистекающее из исторического развития и неравноправного положения в международном разделении труда, безусловно, цемен-

тируют узы стран Юга. Все это приводит к тому, что другие крупнейшие державы зоны Юга (Бразилия, Индонезия и т.д.) с геополитической и психологической точки зрения скорее склонны к сотрудничеству с Китаем и Индией, чем с Западом. Прежняя модель участия в мирохозяйственном разделении труда препятствует пока образованию подобной коалиции, но по мере экономического роста лидеров Юга подобные препятствия будут постепенно сниматься.

Российская цивилизация, с культурологической точки зрения, всегда была более близка к западной, но отличалась исключительным своеобразием. На первом этапе существования государственности у восточных славян Русь была составной частью европейской цивилизации и была практически изолирована от Юга. Не случайно в древней русской литературе фактически нет сюжетов, заимствованных с Востока. Татаро-монгольское нашествие и необъявленный крестовый поход Римской католической церкви против Руси привели к раздроблению последней и возникновению враждебной польско-литовской унии, которая отрезала Московию от Запада. На три столетия были прерваны практически любые связи. На Руси стала формироваться своя, совершенно особая цивилизация, отличная и от западной, и от восточной. Активное развитие контактов с Югом и Востоком привело к превращению Руси в евразийскую державу. Насильственная модернизация и вестернизация, осуществленная в начале XVIII века императором Петром I, приблизила Российскую империю к другим европейским державам с точки зрения формы. Но эта попытка привела к появлению

двух разнородных и часто противоречащих друг другу культур в России — верхов и низов, что сыграло самую негативную роль в дальнейшем. Одним из частных проявлений этого культурологического разлома и некритически проводимой вестернизации стала тенденция идентифицировать себя исключительно по отношению к западному стандарту, который неизбежно признавался за эталон. Такое отношение и было одним из факторов, приведших в начале века к победе марксизма (не надо забывать, что марксизм — западное явление), а в конце века — к строительству «дикого капитализма», основанного на крайнем индивидуализме, культе потребления и силы (и одна, и другая концепция были доведены в российских условиях до крайности).

В принципе, по культурно-цивилизационному параметру положение России выглядит предпочтительнее, чем у других стран Севера. Россия всегда в корне отличалась от любой другой империи — от Римской до Британской. В ней никогда не существовало народа-эксплуататора, а русские не имели больших прав, чем неславянские национальности. Российская периферия не грабилась, зачастую дотировалась, а местные элиты целиком включались в общероссийскую. Если и была определенная дискриминация, то практически исключительно по религиозному принципу. В советский период страна неизменно поддерживала Юг в его противостоянии Западу (другое дело, по каким мотивам). Все это предопределяет достаточно доброжелательное отношение к России и русским в зоне Юга, что показывают все социологические опросы.

Культурно-цивилизационные особенности китайского, индийского и российского обществ способствуют укреплению позиций гигантов и в том плане, что ряд школ их философии издавна придавал большое значение человеку, его гармоничному совершенствованию и развитию моральных идеалов. Для индийского и китайского обществ в целом никогда не были характерны избыточная агрессивность и нетерпимость, свойственная некоторым другим восточным цивилизациям (повидимому, данное обстоятельство не берется в расчет при регулярно появляющихся прогнозах о возможном в будущем начале Пекином мировой войны). Для Китая на определенных этапах истории было свойственно стремление к самоизоляции и достаточно презрительное отношение к окружающему миру, но представляется, что в настоящий момент, после всех уроков XX века, этот культурологический пласт не оказывает серьезного воздействия. Соответственно, и в Индии колониальный период «растворил» ощущение своего превосходства и восприятие других как «варваров». Сейчас индийцы и китайцы с готовностью воспринимают необходимость адаптации к своим условиям различных типов мирового опыта.

Однако в целом, как и на всем Востоке, он воспринимается достаточно критически, особенно в политической сфере. Долгое время западная политическая мысль в целом отказывалась воспринимать специфику Востока и пыталась объяснить настоящее и будущее мироздания как прогрессирующую унификацию экономических и политических измене-

ний в направлении заранее заданной европоцентристской «идеальной модели». Однако конкретная реальность демонстрировала невозможность построить в афро-азиатском мире модель, соответствовавшую западному прообразу.

По сравнению практически со всеми странами не-Запада, наиболее соответствует большинству западных политических параметров Индия. Этому способствовали две основные группы факторов: определенная близость к западной цивилизации по подходу к фундаментальным проблемам и методы колониального управления. Большинство же стран лишь имитирует западную политическую модель. В ходе «третьей волны демократизации» лишь наиболее развитые в социально-экономическом плане государства провели реальную демократизацию, в подавляющем большинстве стран демократия стала абсолютно формальной. Цивилизационные особенности в организации производства и управлении обществом, а также в структурировании последнего все нагляднее показывают, что даже Япония в целом все-таки относится к понятию «не-Запад». Китай и не стал проводить

никаких изменений в политической форме.

В современном мире впечатляющих социально-экономических успехов страна может добиться, только если в ней была выбрана стратегия развития, применяющая достижения и опыт Севера, но при использовании и строгом учете цивилизационных особенностей данной страны.

Принимая во внимание колоссальные экономические успехи азиатских гигантов в последнее время, представляется, что России необходимо самым тщательным образом использовать опыт их стратегий. Особенно важно было бы осуществление коренного разворота к освоению внутреннего рынка, к резкому усилению вмешательства государства в экономические и социальные процессы, к увеличению инвестиций в человеческий капитал, к учету традиционных цивилизационных ценностей.

Речь не идет о полном отказе от заимствования достижений Севера (и тем более об автаркии и сужении сферы сотрудничества с западными странами), что лишь усугубит социально-экономическую и политическую обстановку в стране.

Страны БРИКС в процессах глобализации

Лунев Сергей Иванович, доктор исторических наук,
профессор кафедры востоковедения МГИМО (У) МИД России

***Аннотация.** Глобализация остается определяющей тенденцией мирового развития, причем наиболее явно она проявляется в экономической сфере. Наряду с ней выделяются также политическая, информационная и культурно-цивилизационная глобализация. Стремительное развитие глобального хозяйства, инициированное Западом, привело к перераспределению экономического влияния — все большую роль в нем играют незападные, прежде всего азиатские, страны. В этой связи показателен опыт участия в глобализационных процессах го-*

сударств БРИКС, прежде всего Китая и Индии. Эти две страны достигли существенных успехов в развитии за счет интеграции в мировую экономику без отказа от активной роли государства в регулировании общественных и хозяйственных процессов. Изучение стратегий партнеров по БРИКС представляет существенный интерес для России.

Ключевые слова: экономическая глобализация, государственное регулирование, научно-техническое развитие, Китай, Индия, Россия, США.

BRICS Countries In Globalization Processes

Sergey Lunev, Ph.D. in History, Professor, Department of Asian and African Studies, MGIMO-University

Abstract. Globalization remains the crucial trend of global development, and it is especially evident in economic sphere. Apart from it, political, informational and cultural globalizations are actively discussed. The rapid development of global market, initiated by the West, paradoxically, fostered redistribution of economic influence towards the non-Western countries and primarily to Asia. Therefore, the record of participation of BRICS states (China and India, primarily) in global processes is instructive. These two countries achieve significant developmental successes due to their integration in world economy without abandoning active participation of their government in regulation of economic and social activities. Analysis of the strategies adopted of other BRICS countries could appear quite useful for Russia.

Key words: economic globalization, state regulation, scientific development, China, India, Russia, USA.

МОДЕЛИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ГЕРМАНИИ, ФРАНЦИИ, ВЕЛИКОБРИТАНИИ, США И КАНАДЕ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД В УСЛОВИЯХ ВОЗРАСТАЮЩИХ ИММИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ

Зайка К.В.

Традиционную модель национальной интеграции, предполагающую совпадение культурных и политических границ, всегда было сложно реализовать. Тем более проблематичной реализация этой модели стала после середины 1960-х годов, когда в большинстве западных стран была проведена либерализация иммиграционной политики, в результате которой резко увеличилось этнокультурное многообразие общества. Следствием этого стал частичный отказ в ряде стран от ассимиляционистской модели национальной интеграции и переход к «политикам признания», а именно, к обеспечению возможности выражения культурных отличий в публичном пространстве. В отличие от «классических национальных» западноевропейских государств, политическая культура государств Северной Америки (США и Канады), возникших в результате поселений колонистов из различных европейских стран, никогда не предполагала популяризацию в обществе представлений об этнокультурном ядре нации. Соответственно, постклассические представления о национальной интеграции достаточно органично вплетаются в современную политическую культуру североамериканских государств. В качестве

основного объяснительного фактора для анализа моделей национальной интеграции в представленных западных странах в условиях возрастающих иммиграционных притоков и увеличивающегося этнокультурного многообразия общества в послевоенное время автором принимается специфика политической культуры и политической истории соответствующих стран.

Общие положения, характерные для послевоенной политической истории стран либеральной демократии и трансформации в моделях национальной интеграции

Условно можно выделить два типа интеграции¹:

- ассимиляцию («плави́льный котел» как разновидность ассимиляции);
- культурный плюрализм;

Среди западноевропейских стран *ассимиляция* характерна для Франции. В британском обществе господствует принцип «*сегрегированного культурного плюрализма*»: этнокультурные меньшинства участвуют в политической жизни в качестве групп. В США до 1960-х годов *ассимиляционистская кон-*

¹ См.: Birch A. Nationalism and National Integration, London, Unwin Hyman Ltd, 1989. С. 49.

цепция национальной интеграции расходилась с политической практикой по ряду причин. Во-первых, афро-американцы были исключены из национальной политики. Во-вторых, на уровне практики культурное многообразие американского населения проявлялось и в публичном поле в рамках конфессиональных организаций. В Канаде в силу особенностей политической истории сформировалась установка на *«инклюзивный культурный плюрализм»* как на механизм сохранения целостности политического сообщества.

В европейской исторической перспективе политическое единство сообщества связано с представлениями об (этно)культурной гомогенности. Принадлежность к нации предполагала определенную культурную лояльность. Этнокультурные меньшинства считались препятствием для поддержания интегрированности обществ. Представления о совпадении политических и культурных границ обусловили отношение властей европейских государств к интеграции меньшинств посредством проведения политики ассимиляции. Такая установка характерна для ряда западных стран, в частности, для Франции с ее гражданской моделью нации и традициями республиканизма.

В отличие от «классических национальных» западноевропейских государств, государства Северной Америки (США и Канада), возникшие в результате поселений колонистов из различных европейских стран, изначально сделали ставку на иммиграцию как на фактор собственного развития. Хотя публичная культура в иммиграционных государствах формировалась по определенным культурным образцам, пред-

ставления об «этнокультурном ядре» нации для них не характерны. Иммиграционные государства можно назвать особым «режимом толерантности»: «иммиграционные общества не имеют явного культурно-этнического «ядра»: здесь нет «национального большинства», в культуру которого вливались бы национальные меньшинства. Здесь все в известном смысле — меньшинства, так что сформировавшаяся в рамках государственных границ общая культура представляет собой продукт взаимных уступок и взаимного приспособления многих групп»². В иммигрантских обществах не работает основной принцип национализма, являющийся основой современных внутривнутриполитических и международно-политических отношений, а именно — совпадение культурных и политических границ сообщества, представляемого прежде всего в этнических категориях.

В послевоенный период для всех западных стран характерны следующие процессы:

- массовая иммиграция из стран «третьего мира»;
- либерализация иммиграционной политики (радикальная или относительная);
- смещение фокуса интеграционной политики на включение в публичное пространство прав меньшинств.

До окончания Второй мировой войны этнокультурное многообразие в странах Западной Европы в основном являлось результатом присутствия

² Уолцер М. О терпимости. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 40–49 // Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. С. 254. [Walzer M. On Toleration. Yale University Press, 1997].

исторических этнокультурных меньшинств и беженцев из соседних европейских стран в результате войн. *Массовую иммиграцию из стран третьего мира* западноевропейские общества испытывали только после войны. Причинами массовых иммиграционных потоков в западные страны стали следующие факторы:

— признание права на свободный въезд в бывшие метрополии для «постколониальных субъектов»;

— послевоенный экономический бум и привлечение трудовых мигрантов;

По этническому составу потоки иммигрантов были обусловлены колониальным прошлым западноевропейских стран: выходцы из Пенджаба и Пакистана сконцентрировались в Великобритании; выходцы из стран Магриба и из стран, расположенных к югу от Сахары, — во Франции; политика привлечения трудовых мигрантов в Германии привела к тому, что в этой стране обосновались турки и курды. К массовым миграционным потокам привели также процессы пересмотра государственных границ в Восточной и Центральной Европе после окончания Второй мировой войны. Возникли новые категории граждан:

— «этнические немцы» и «перемещенные лица» из Восточной Европы в Германии;

— колонисты из Алжира во Франции;

— иммигранты из стран Содружества в Великобритании после распада Британской империи³.

В результате массовой иммиграции в западных странах частично изменился этнокультурный состав населения. Сформировались этнокультурные меньшинства иммигрантского населения. В настоящее время большинство западноевропейских обществ фактически являются иммиграционными. То обстоятельство, что в самоописаниях западноевропейских стран до сих пор господствуют идеи о культурном ядре, обусловило идеологическую неподготовленность многих западноевропейских обществ к последующим политическим и культурным требованиям со стороны иммигрантов.

Во всех странах Запада в период с 1945 г. и до начала экономической рецессии первой половины 1970-х годов наблюдались процессы *либерализации иммиграционной политики*. В Германии проводилась политика по массовому привлечению трудовых мигрантов. Во Франции и Великобритании либеральная иммиграционная политика стала следствием формирования новых политических отношений с бывшими колониями. В иммиграционных странах Северной Америки радикальная либерализация иммиграционной политики в 1960-х годах была направлена не только на удовлетворение потребностей экономического развития, но шла параллельно с внедрением либерально-республиканских норм в политическую культуру. В США устранение расистских барьеров в иммиграционной политике стало одним из результатов Движения за гражданские права. В Канаде либерализация иммиграционной политики совпала с формированием политики мультикультурализма.

Различия в официальных доктринах между «классическими националь-

³ Hollifield J. The Migration Crisis in Western Europe: the Search for a National Model // Migration Ethnizität Konflikt / ed. by Klaus J. Bade, Osnabrück, 1996. С. 375.

ными» и «иммиграционными» государствами обуславливают различные политики в отношении этнокультурного разнообразия, возникающего в результате иммиграции из стран третьего мира в западные общества. Во Франции традиции республиканизма на практике оборачиваются жесткими требованиями к ассимиляции иммигрантов. Вхождение в политическое сообщество предполагает лояльность иммигрантов французской культуре. Имперские политические традиции в Великобритании привели к тому, что после распада Британской империи стала проводиться политика формирования современных представлений о «британскости» как о культурной категории (patrials). Терпимое отношение к выходцам из стран третьего мира допускается при условии, если они не разрушают традиции «британского стиля жизни». В США установка на иммиграцию как на фактор развития проходила параллельно с популяризацией идеи «плавильного котла». На уровне политической практики интеграция иммигрантов в американское общество проходила в формате *laissez-faire*, что так характерно для политической культуры США. «Ассимиляционизм» американской модели национальной интеграции проявлялся преимущественно в области языковой гомогенизации, что объяснялось прагматизмом и необходимостью использования английского языка как «языка современности». Фактическое невмешательство американского государства в практику повседневного социального взаимодействия привело к тому, что в публичном пространстве культурное многообразие проявлялось в сосуществовании ассоциаций по

конфессиональным признакам. Традиции политики *laissez-faire* ставят перед властями США новые проблемы, вызванные растущей партикуляризацией американского общества. Массовый приток выходцев из Мексики и других стран Латинской Америки приводит к сегрегации этнокультурных групп на уровне повседневного взаимодействия, распространению испанского языка в школах как основного языка обучения и ставит новые вызовы перед правительством США.

В отличие от США, специфика модели национальной интеграции Канады заключается в том, что до 1970-х годов это государство формировалось в условиях вынужденного противоречивого сосуществования двух сообществ, каждое из которых воспринимало себя в качестве одной из «государствообразующих наций». Кроме того, политическая культура Канады отличается ярко выраженным государственным патернализмом. Иммиграция из стран третьего мира в Канаду во второй половине XX в., радикальное изменение этнодемографического состава и резкое увеличение культурного многообразия в обществе населения наложились на уже существующую бикультурную парадигму.

После Второй мировой войны в западных странах фокус в политике национальной интеграции сместился с *ассимиляции* на *инкорпорирование* в публичное пространство прав меньшинств, в том числе прав этнокультурных меньшинств. Этому явлению можно найти несколько объяснений. Во-первых, в западных странах началась популяризация идеи культурного признания наряду с внедрением либеральных норм в политическую культуру

ру. Для политической культуры Западной Европы особенно значимым событием стало учреждение либеральной республики в Западной Германии. Для стран Северной Америки поворотным моментом стало Движение за гражданские права в США. Во-вторых, масштабы и динамика иммиграции из стран третьего мира убедили правительства западных стран в невозможности дальнейшего проведения политик жесткой ассимиляции. Политики ассимиляции были обречены на провал в условиях существования многочисленных групп населения, культурные установки которых сильно отличались от норм большинства. Ассимиляция только бы усилила культурную и социальную отчужденность граждан иммигрантского происхождения, что поставило бы под угрозу целостность общества как такового. Следствием осознания необходимости выработки новых подходов к интеграции стал поворот к политикам признания культурных отличий в публичной сфере.

Поиск решения проблемы национальной интеграции в ФРГ. Высокие темпы экономического развития в 1960-е годы привели к утверждению в ФРГ политики трудовой миграции. В результате в Германии изменился этнодемографический состав населения. По причине того, что в Германии не работал принцип гражданской нации, население иммигрантского происхождения считалось «иностранном» до принятия нового Закона о гражданстве в 1999 г. До 2000 г. сохранялись установки немецкого правительства на этнокультурную модель нации. Практики бюрократии расходились с дей-

ствительностью, характеризовавшейся возрастающим этнокультурным многообразием немецкого общества. В Германии до сих пор идут общественно-политические дебаты по поводу признания иммиграционного характера немецкого общества.

Трудовые мигранты, значительная часть которых являлась выходцами из Турции, изначально определялись как рабочие с временным статусом, не предполагавшим их культурной и политической интеграции в принимающее общество. Программы по привлечению трудовых мигрантов, которые ограничивались предоставлением работникам-иммигрантам только социальных прав по условиям трудового договора, создали иллюзию временной миграции. Иностранному рабочему, имеющему только статус временных резидентов, предоставлялись социальные, а с 1990-х годов — и некоторые политические права. Они могли участвовать в выборах местных органов власти с 1996 г. Временные работники в Германии не были иммигрантами в юридическом смысле. Их статус обуславливался потребностями рыночной экономики. Фактически иммигранты были частью немецкого общества, будучи интегрированными во все сферы принимающего общества, кроме политической. Они занимали определенную позицию на рынке труда, участвовали в профсоюзных организациях, их дети ходили в немецкие школы и проходили социализацию в культурном пространстве Германии, но сохранялись барьеры для получения гражданства, которое считалось *условием интеграции иммигрантов в немецкое общество*. Политическая интеграция иммигрантов до 2000 г. была крайне затруд-

нительна по причине господства идеала культурно-гомогенного национального государства. В отличие от гражданской модели нации, обозначающей территориальное политическое сообщество, представители которого выражают приверженность определенным политическим принципам, принципы немецкой модели нации подчеркивают значимость общности культурного и языкового происхождения.

Формируемая политическая культура либерального республиканизма в Западной Германии в послевоенный период была оторвана от доминирующих представлений о немецкой нации как сообществе происхождения. Этнокультурная идея нации постоянно воспроизводила в публичном пространстве ФРГ дуализм «немцы — иностранцы». В политическом и идеологическом отношениях ФРГ была менее подготовлена к включению больших масс иммигрантов по сравнению с др. странами, поэтому потоки иммигрантов, устремившиеся в страну в послевоенный период, представлялись только в экономических категориях⁴. В отличие от Франции, установки немецкой политической элиты не характеризовались стремлением проводить политику по культурной ассимиляции иммигрантов. Старая модель *volkisch*, на которой происходило объединение Германии в последней трети XIX в. до 1990-х годов, использовалась для формирования представления о национальной общности. Особая трудность связана с тем, что выстраивать национальную идею на основе апелляции к истории слож-

но: период нацизма делигитимировал обращение общества к историческому прошлому. Эта модель неприемлема для абсолютного большинства немецкой политической элиты из-за преступлений фашизма во имя *Volksgemeinschaft*⁵.

В 1990-х годах после распада коммунистического блока традиционный для Германии партикуляристский подход к вопросам гражданства, определяющий национальную принадлежность «по происхождению», а не по территории, был соединен с более универсалистским либерально-республиканским подходом в вопросах предоставления политического убежища. Статья 16 Основного закона, оговаривающая предоставление политического убежища, основывается на либеральных принципах⁶. Традиции определения нации как «сообщества культурного происхождения» парадоксальным образом соединились с новой либерально-республиканской политической культурой, которая распространилась в Западной Европе после 1945 г. В результате образовалась политическая аномалия: беженцы автоматически получали все социальные права, хотя перспективы их интеграции в немецкое общество до конца 1990-х годов были практически закрыты. «Этнические немцы», приехавшие в ФРГ из бывших республик СССР и резко отличавшиеся от остального общества в культурном отношении, автоматически наделялись политическими правами. В то время как потомки турецких и югославских иммигрантов, интегрированных в местную

⁴ См.: Hoskin M. Integration or Non-integration of Foreign Workers: Four Theories // *Political Psychology*, vol. 5, #4, 1984. С. 661–685.

⁵ Hollifield J. The Migration Crisis in Western Europe: the Search for a National Model // *Migration Ethnizität Konflikt* / ed. by Klaus J. Bade. Osnabrück, 1996. С. 387.

⁶ Там же.

жизнь на социальном уровне, официально считались «иностранцами»⁷.

Консенсус среди немецкой политической элиты в отношении иммиграционной политики заключался в замалчивании проблем интеграции и гражданства. В отличие от Франции, где существует национальное согласие в отношении республиканских традиций, у немецких политических элит нет единых представлений относительно организации общенациональной дискуссии по вопросам гражданства. Наследие нацизма сделало невозможным обращение немецких политических элит к истории для формирования единых представлений о немецкой национальной идентичности, и это обстоятельство внесло трудности в послевоенную политику интеграции. В условиях массовой послевоенной трудовой миграции и фактически полиэтнического общества немецкое правительство могло предложить иммигрантам только идею культурно-нейтрального государства всеобщего благосостояния и концепцию социального гражданства⁸. В условиях отсутствия единых представлений о политическом сообществе правительство Западной Германии не смогло выработать прозрачных механизмов для управления иммиграционными и интеграционными процессами.

В 1990-х годах среди немецких интеллектуалов стали распространяться идеи о необходимости признания культурной плюралистичности немецкого общества. В 1994 г. был опубликован либеральный «Манифест 60-ти», в котором заявлялось о необходимости внесения изменений в иммиграционную политику Германии. Это было публичное заявление о необходимости признания фактически иммиграционного характера немецкого общества⁹. Этот пример говорит о начавшемся дискурсивном повороте — общество осознало необходимость перехода от концепции гастарбайтера к концепции интеграции. Изменение публичного дискурса в 1990-х годах привело к внедрению элементов политики признания в некоторых областях общественной жизни, например, мультикультурный аспект был привнесен в учебные программы. Так называемая «баварская модель» двуязычного образования ставила своей целью поддерживать «языковую и культурную идентичность детей иностранцев»¹⁰. Подобная «мультикультурализация» в сфере образования не решала проблемы интеграции в немецком обществе, а только способствовала культурной сегрегации иммигрантов. В условиях отсутствия перспектив получения гражданства они могли интегрироваться только в социальную и экономическую сферы в немецком обществе.

Сохранение статус-кво в вопросах гражданства до 1999 г. не позволяло иммигрантам проходить процесс натурализации и обретать политические

⁷ См.: Малахов В.С. Вызов национальному государству. Мультикультурализм как политическая программа // Pro et contra. Т. 3. 1998, № 2. [Malahov V.S. Vyzov nacional'nomu gosudarstvu. Mul'tikul'turalizm kak politicheskaja programma // Pro et contra. T. 3. 1998, № 2.]

⁸ См.: Joppke C. Multiculturalism and Immigration: A Comparison of the United States, Germany, and Great Britain // Theory and Society. Vol. 25, № 4, 1996. P. 449–500.

⁹ См.: Малахов В.С. Указ. соч.

¹⁰ См.: Joppke C. Multiculturalism and Immigration: A Comparison of the United States, Germany, and Great Britain // Theory and Society. Vol. 25, № 4, 1996. P. 449–500.

права. Правовые препятствия на пути натурализации приводили к политической маргинализации иммигрантов. Новый закон о гражданстве, принятый в 2000 г., предоставил иммигрантам возможность получения немецкого гражданства по рождению для детей, один из родителей которых постоянно и легально проживает в Германии¹¹. Также был введен институт двойного гражданства и Green card для привлечения высококвалифицированной рабочей силы. До сих пор в публичном дискурсе Германии отсутствует специальная терминология для обозначения статуса иммигрантов, и в этом проявляется неопределенная позиция властей в отношении характера немецкого общества.

Кризис французской модели гражданского универсализма. Во Франции, которая занимает второе место в Западной Европе по количеству населения иммигрантского происхождения¹², модель национальной интеграции выстраивается на идее гражданского универсализма¹³. Особенности политической истории Франции, борьба с католической церковью за утверждение секулярной национальной идентичности обусловили специфику фран-

цузской модели «этноцентричного ассимиляционизма». Французская политическая культура предполагает культурную гомогенность публичного пространства, отрицая идею признания прав меньшинств на проявление культурных отличий в публичном пространстве. Французская модель признает только индивидуальную интеграцию в политическое сообщество. Между государством и гражданами не существует посредников из так называемых «диаспорических институтов». Целостность общества возможна благодаря равенству возможностей, гарантированных сильным централизованным государством. Проявления этнического и культурного многообразия вытесняются в приватную сферу.

В соответствии с принципами, заложенными в Декларации о правах человека и гражданина, национальная интеграция строится в формате республиканизма со строгим соблюдением секулярных принципов в публичном пространстве. Французский идеал нации как сообщества граждан означает не только политическое, но и культурное членство в ней. В отношении иммигрантов эта установка проявляется в политике культурной ассимиляции. Так как французская политическая культура признает только культурную однородность публичного пространства, этнокультурные меньшинства и локальные этнические общины не признаются на национальном уровне. Французская эгалитарная модель предполагает ассимиляцию иммигрантов в сфере языка и культуры, поглощение и растворение иных культур в «высокой» французской культуре. В некоторых случаях поощрение культурной ассимиляции проявля-

¹¹ Карачурина Л. Иммиграционная политика Германии: успешный и неуспешный опыт // Мировая экономика и международные отношения. 2008. Июль. С. 55. [Karachurina L. *Immigracionnaja politika Germanii: uspeschnyj i neuspeshnyj opyt* // *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*. 2008. Ijul'.]

¹² В настоящее время около 10% французского населения составляют выходцы из стран Магриба.

¹³ Симптоматично, что французский закон о защите информации от 1978 г. запрещает предоставление статистических данных в таких категориях, которые явно или косвенно указывали бы на этнокультурное происхождение гражданина республики.

ется в курьезных ситуациях. Например, с 1972 г. французское государство поощряло практику изменения иммигрантами имен и фамилий в тех случаях, если оригинальные имена способны мешать процессам их интеграции в принимающее общество¹⁴.

Процессы деколонизации, экономический бум 1960-х годов и стремление Франции сохранить влияние в Северной Африке привели к формированию политики открытой иммиграции в 1960-х годах¹⁵. Начался массовый приток мигрантов из новых независимых стран Северной Африки (Алжира, Марокко и Туниса), а к 1960-м годам алжирцы стали самым многочисленным иммигрантским сообществом во Франции. В отличие от Германии, которая принимала трудовых мигрантов и предоставляла им только социальные права, во Франции по положениям Эвианского соглашения об окончании войны в Алжире был обеспечен специальный правовой статус алжирцев как «постколониальных субъектов», согласно которому алжирцы пользовались правом свободного доступа в бывшую метрополию до 1980-х годов¹⁶.

Отличие французской модели национальной интеграции от немецкой и, соответственно, характер проблем интеграции иммигрантов, обусловлены различными концепциями в определе-

нии нации. Если в немецкой традиции нацией считается «сообщество культурного происхождения», то во Франции национальное сообщество есть сообщество политическое. Французская иммиграционная политика отличается отсутствием расовых и этнических барьеров, но обязательным условием успешной интеграции является соблюдение иммигрантами норм гражданского универсализма. Важным отличием французской ситуации от немецкой является то обстоятельство, что во французском обществе существует политический консенсус по поводу иммиграционной политики и вопросов предоставления гражданства. Во Франции попытки ограничить процессы иммиграции и натурализации наталкиваются на конституционные нормы либерально-республиканского характера. Конституция Франции гарантирует незыблемость универсалистских и эгалитарных республиканских принципов. В 1970–1980-х годах предпринимались попытки ограничить процессы воссоединения иммигрантских семей. Конституционный совет Франции восстановил торжество республиканских принципов в этом вопросе. Во Франции, в отличие от Германии, невозможно изменить либеральный характер процедуры предоставления политического убежища: преамбула 146 к Основному закону обязывает к рассмотрению всех заявлений на получение статуса беженца¹⁷.

Идеология французского республиканизма признает культурные различия только между гражданами и иностран-

¹⁴ Banton M. National Integration in France and Britain // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2001. Vol. 27, № 1. P. 151–168.

¹⁵ Hollifield J. The Migration Crisis in Western Europe: the Search for a National Model // *Migration Ethnizität Konflikt* / ed. by Klaus J. Bade. Osnabrück, 1996. P. 367–367.

¹⁶ Heisler B. Sending Countries and the Politics of Emigration and Destination // *International Migration Review*. Vol. 19, № 3. Special Issue: Civil Rights and the Sociopolitical Participation of Migrants. 1985. P. 469–484.

¹⁷ Hollifield J. The Migration Crisis in Western Europe: the Search for a National Model // *Migration Ethnizität Konflikt* / ed. by Klaus J. Bade. Osnabrück, 1996. P. 385.

цами¹⁸. Граждане Французской Республики должны выражать лояльность только французской культуре, что является условием их правового равенства. Однако при этом следует подчеркнуть: традиции французского республиканизма, основанные на признании формального равенства всех граждан, независимо от их этнокультурного происхождения, вступают в конфликт с фактическим социально-экономическим неравенством между «коренным населением» и поколениями иммигрантов. Восстания в парижских предместьях в 2005 г. рассматривались правительством как социально-экономическая проблема молодого поколения французских граждан. Французская бюрократия даже не рассматривает возможность того, что молодежь иммигрантского происхождения станет выдвигать политические требования на основании культурных категорий.

В последнее время во Франции наблюдается кризис ассимиляционистского подхода. В условиях, когда во Франции насчитывается около 10% выходцев из стран Магриба, институты французского общества продолжают работать по инерции, практически не предоставляя пространства для выражения культурного многообразия. Наиболее явно инерционность ассимиляционистского подхода проявилась в общественно-политическом напряжении по поводу принятия Закона о религиозных символах в 2004 г., запретившего носить религиозные символы, в том числе и мусульманский платок, в государственных школах, на том основании, что

школы являются институтами, где прививаются «фундаментальные принципы французской гражданственности».

Специфика британской модели национальной интеграции. Интеграционная политика Великобритании обусловлена имперским прошлым этого государства. После демонтажа колониальной системы и образования Британского Содружества за выходцами из бывших колоний был сохранен статус «подданных британской королевы» с правом свободного въезда в бывшую метрополию¹⁹. Иначе говоря, в 1960–1970-х годах в Британии была принята имперская концепция гражданства, в основу которой была положена личная лояльность Королеве²⁰. Иммиграционные потоки из стран Содружества, в первую очередь из стран Карибского бассейна, Пакистана, Индии и Бангладеш, привели не столько к проблемам иммиграционного контроля, сколько к проблемам интеграции «цветных» меньшинств в ситуации расиализированного публичного пространства. Расиализированность британского публичного пространства заключается в том, что бюрократия использует расовые категории для классификации населения, и «расовые отношения» на официальном уровне выделяются как отдельная область социальных отношений.

Законодательство в иммиграционной сфере стало базой для формулирования послевоенных законов о

¹⁸ Banton M. National Integration in France and Britain // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2001. Vol. 27, № 1. P. 151–168.

¹⁹ Donley T. British Public Opinion, Color Issues, and Enoch Powell: A Longitudinal Analysis // British Journal of Political Science. Cambridge University Press. Vol. 4, № 3, July 1974. P. 371–381.

²⁰ Paul K. “British Subjects” and “British Stock”: Labour’s Postwar Imperialism // The Journal of British Studies. 1995. Vol. 34, № 2. P. 236.

гражданстве в Великобритании. Постепенное ужесточение иммиграционных положений свидетельствовало о наметившейся в британской политической элите установке на отказ от имперской концепции гражданства и переход к иерархизированной концепции гражданства. Эти процессы проходили в условиях воспроизводящихся сегрегации и расиализации британского общества. Еще во второй половине 1960-х годов в Великобритании нарастало политическое давление по поводу изменения иммиграционной политики. Кульминационным моментом этих событий стала речь министра внутренних дел Энока Пауэлла о «реках крови», которые могут пролиться в стране, если будет сохранен статус «поданных британской короны» для выходцев из бывших колоний и их свободный въезд в бывшую метрополию. На практике такой поворот проявился в принятии Закона Британского Содружества в 1968 г., положившего запрет на свободный въезд в экс-метрополию выходцам из Кении²¹. Стала наблюдаться тенденция к ограничению притока иммигрантов из стран третьего мира. Однако политические кризисы в ряде африканских стран (Малави и Уганде) в 1970-х годах привели к новым потокам иммигрантов из этих стран²².

Особенностью британской модели национальной интеграции является принятие *концепции аккомодации для*

*интеграции меньшинств*²³. В рассматриваемом контексте аккомодация заключается в создании институциональных возможностей для интеграции этнокультурных меньшинств в качестве групп в британское общество. Аккомодация как принцип интеграции отражена в британском Законе о гражданстве 1981 г., принятом первым кабинетом М. Тэтчер. Закон отменил имперскую концепцию «британского подданства» и утвердил иерархизированное гражданство, указывающее на различные категории «британскости», тем самым систематизируя отношения Великобритании с бывшими колониями. Закон был сформулирован на положениях Законов об иммиграции от 1962 г., 1968 г. и 1971 г.²⁴ Уже иммиграционное законодательство от 1971 г. содержало такое положение как «partiality clause», обозначавшее право на свободный въезд в Великобританию только британцам. «Partiality clause» создало правовые условия для переформулирования британской концепции гражданства в этнокультурных категориях. Согласно Закону о гражданстве от 1981 г., учреждались три категории гражданства: британские граждане (привилегированная категория граждан), граждане Зависимых территорий и граждане Заморских британских территорий²⁵.

²¹ Hansen R. and King D. Illiberalism and the New Politics of Asylum: Liberalism's Dark Side // URL: www.chass.utoronto.ca/~rhansen/Articles-files/20001.pdf

²² См.: Robinson V. The Migration of East African Asians to the United Kingdom // Cambridge Survey of World Migration / ed. by Robin Cohen. Cambridge University Press, 1995.

²³ Ilijphart A. The Politics of Accommodation: Pluralism and Democracy in the Netherlands, Berkeley and Los Angeles. University of California Press, 1968 // in Brian Barry, Political Accommodation and Consociational Democracy // British Journal of Political Science. 1975. Vol. 5, № 4. P. 477–505.

²⁴ Dixon D. Thatcher's People: The British Nationality Act 1981 // Journal of Law and Society. 1983. Vol. 10, № 2. P. 161–180.

²⁵ Ibid.

В отличие от Франции, где господствуют универсалистские традиции и республиканская идеология гражданства (показательно, что французское правительство не ввело отдельной категории гражданства для франко-алжирцев, рожденных в Алжире до 1962 г.), британская политическая культура не предполагала правовых или идеологических обязательств правительства для сохранения общего британского подданства. Исключение было сделано только для так называемых «коренных жителей» (*patrials*), т.е. иммигрантов, проживающих в Великобритании в третьем поколении, и «белых» выходцев из колоний. В отношении иммиграционной политики Закон о гражданстве от 1981 г. фактически кодифицировал систему квот, основанную на национальном и этническом происхождении: выходцы из Новой Зеландии, Австралии, Южной Африки и Канады («белые») получили право свободного въезда и получения вида на постоянное жительство в Великобритании. Однако выходцам из стран Карибского бассейна и Индостана (бывшие британские подданные) доступ в Великобританию был ограничен. Исключение было сделано только для граждан Гонконга²⁶.

В результате таких изменений в Британии сформировалась сегрегированная модель национальной интеграции, признающая *статусные отличия представителей различных этнокультурных меньшинств*. Специфика британской политической ситуации в по-

слевоенный период заключалась в том, что после распада империи британскому правительству пришлось переопределять правовое положение «цветных» иммигрантов, которые до тех пор попадали под общую категорию «британских подданных». Можно констатировать, что в послевоенный период в британском публичном пространстве одновременно происходили два явления. С одной стороны, наблюдалась некоторая акцентуация «британскости» и институционализация иерархизированной концепции гражданства. Это проявилось во введении в правовую и политическую практику терминов для обозначения различных «категорий» граждан в зависимости от их этнокультурного происхождения. С другой стороны, были созданы институциональные условия для выражения культурных различий в публичном пространстве. Например, в Великобритании никогда не запрещалось создание общественных организаций по этнокультурному признаку, в то время как во Франции запрет на учреждение подобных организаций действовал до 1982 г. Кроме того, в 1991 г. в Великобритании в анкеты по проведению переписи населения впервые был внесен вопрос об этнической идентичности²⁷.

Как мы уже показывали выше, британская специфика в проблеме интеграции иммигрантов заключается во включении меньшинств в принимающее общество в качестве групп и в институционализации «расовых отношений». «Расовые» категории применяются в кон-

²⁶ Hollifield J. The Migration Crisis in Western Europe: the Search for a National Model // *Migration Ethnizität Konflikt* / ed. by Klaus J. Bade. Osnabrück, 1996. P. 392.

²⁷ Peach C. Does Britain Have Ghettos? // *Transactions of the Institute of British Geographers, New Series*. 1996. Vol. 21, № 1. P. 216–223.

тексте борьбы с дискриминацией, т.к. только как представитель «расы» гражданин имеет права на компенсаторное отношение в результате дискриминации. Таким образом, признание групповых прав в Британии происходит в парадигме «расовых отношений».

Существенное влияние на интеграционную политику в Великобритании оказывает то обстоятельство, что в отличие от Франции и Германии, в Великобритании политический класс принимает факт полиэтничности общества с возможными последствиями культурного и политического характера. Признание полиэтничности в конечном счете привело к признанию иммиграционного характера британского общества. Соответствующий закон был принят в 1997 г., согласно которому провозглашалась новая иммиграционная политика, построенная на системе баллов и поощряющая въезд в страну высококвалифицированных специалистов²⁸. Эта политика была направлена на поощрение трудовой иммиграции. Иммиграция стала рассматриваться как значимый фактор экономического и социального развития Великобритании.

Тем не менее риторика британского политического класса строится на представлениях о необходимости сохранения культурных иерархий, определяющих британскую идентичность. Культурное многообразие допускается при условии, если оно не вступает в конфликт и не оспаривает традиционные британские ценности. По словам британского министра внутренних

дел Джона Паттена, британское гражданство не предполагает соединения двух конфликтующих лояльностей²⁹. Подобная риторика в первую очередь относится к британским мусульманам.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что *специфика британской модели национальной интеграции* заключается в следующих положениях:

- признание факта полиэтничности общества;
- институционализация «расовых отношений»;
- принцип включения этнокультурных меньшинств в качестве групп в политическую жизнь страны;
- признание иммиграционного характера общества.

США: «плавающий котел», «салатница» или «laissez-faire»: риторика versus практика. Особенности американской модели национальной интеграции объясняются *спецификой политической культуры США*. Во-первых, следует отметить высокое политическое влияние судебных инстанций. Система разделения властей в США такова, что решения исполнительной и законодательной власти на всех уровнях проходят обязательный судебный контроль. Это обстоятельство определило ярко выраженный *легалистский характер политической культуры*. Во-вторых, Движение за гражданское равноправие полностью изменило идею гражданства в США: утвердились нормы *либерального республиканизма* и кон-

²⁸ Coleman D. and Rowthorn R. The Economic Effects of Immigration to the United Kingdom // Population and Development Review. 2004. Vol. 30, № 4. P. 579–624.

²⁹ См.: Talal Asad. Multiculturalism and British Identity in the Wake of the Rushdie Affair // Politics and Society. 1990. Vol. 18, № 4. P. 455–480.

цепция инклюзивного гражданства. До 1960-х годов механизмы гражданского включения, построенные на идеологии «черно-белого» расизма, были крайне ограничительными. Опыт сегрегации афроамериканцев является одной из особенностей политической истории США. В-третьих, отличительной чертой американского республиканизма является *официальная доктрина иммиграционного государства*. Иммиграция, несмотря на наличие в прошлом расистских барьеров, всегда считалась образующим элементом в формировании американской нации³⁰.

Принятие иммигрантов различного этнокультурного происхождения сформировало гражданскую и политическую культуру в США. В «классических национальных» государствах Западной Европы политическое сообщество предполагает существование этнокультурной «сердцевины» нации, в которую затем стали «вливаться» иммигранты. Опыт иммиграции не вошел в мифологию национального строительства в Германии и Франции, хотя в настоящее время общества в этих странах являются иммиграционными де-факто. В политическом же дискурсе США отсутствует само представление об этнокультурном ядре. Американская нация построена на принципах «гражданского национализма», предполагающего лояльность политическим идеалам американского республиканизма. Абстрактные гражданские принципы стали в США национальным мифом и определили то смысловое поле, в котором формируется национальная идентичность. В отли-

чие от Франции, где гражданская концепция нации сосуществует с сильным давлением в плане культурной ассимиляции, в США, несмотря на популяризацию до 1960-х годов ассимиляторской концепции «плавильного котла», практическая интеграция постоянно прибывающих иммигрантов проходила в условиях политики культурного невмешательства. Культурное многообразие общества фактически не вытеснялось в приватную сферу и находило выражение в публичной сфере, например, на уровне конфессиональных ассоциаций. В американском обществе процессы культурной ассимиляции ограничились языковой гомогенизацией по вполне прагматическим причинам.

Вплоть до 1960-х годов американская модель национальной интеграции отличалась крайней ограниченностью. Во-первых, афроамериканцы были вытеснены из гражданско-политической жизни. Во-вторых, иммиграционная политика характеризовалась наличием эксплицитных расистских барьеров. Модель национальной интеграции, сложившаяся в США во второй половине XX в., стала результатом Движения за гражданское равноправие в 1950–1960-х годах. Движение за гражданское равноправие привело к радикальным дискурсивным изменениям в публичном пространстве США. Во-первых, евроцентричная концепция плавильного котла утратила легитимность. Во-вторых, Движение за гражданское равноправие формально искоренило практику сегрегации и полностью трансформировало американскую политическую культуру. Закон о гражданских правах от 1964 г. отменил все ограничительные цензы для участия

³⁰ Philip M.I. Immigration in the United States // URL: www.ies.berkeley.edu/pubs/workingpapers/CIIP-2-PLM-United-States.pdf

в федеральных выборах. Публичное пространство в США стало формально инклюзивным для всех этнокультурных меньшинств. В-третьих, Движение за гражданское равноправие имело своим следствием либерализацию иммиграционной политики. Сразу после принятия Закона о гражданских правах в 1964 г. был принят Закон об иммиграции, запретивший систему квот для иммигрантов по национальному и расовому признаку и аннулировавший запрет на иммиграцию из стран Азии³¹. Либерализация иммиграционной политики привела к четвертой мощной волне иммиграции в истории США: 2,5 млн иммигрантов в 1950-х годах, 3,8 млн в 1960-х годах, 7 млн в 1970-х годах, более 10 млн в 1980-х годах³².

Движение за гражданское равноправие изменило концепцию гражданства не только в США. В силу политического и культурного господства США в послевоенном мировом порядке изменения в американской политической культуре оказали влияние на политический ландшафт и в других западных странах. Новый американский «либеральный республиканизм» содержал более универалистскую концепцию гражданства, основанную на идее формально культурного нейтралитета со стороны государства, на принципах индивидуальных прав и свобод в ущерб групповым привилегиям. Американский либеральный республиканизм

положил *правовую процедуру* в основу национального консенсуса. Легалистские принципы в политической культуре США поместили правовую процедуру во главу угла во взаимоотношениях между индивидуумами и государством.

В условиях резкого увеличения легальной иммиграции нормы гражданского равноправия стали применяться для интеграции иммигрантов из всех стран мира. Был приведен к единообразию процесс натурализации для иммигрантов вне зависимости от их этничности и страны происхождения. Либерализация гражданских прав иммигрантов активизировала политическую деятельность этнокультурных групп. Возросла значимость судебных инстанций в реализации иммигрантами полных гражданских прав. Например, суд первой инстанции в Техасе обязал правительство штата позволить детям нелегальных иммигрантов посещать государственные школы³³.

Во второй половине XX в. в публичном пространстве США произошел дискурсивный поворот — для описания состояния американского общества стала использоваться метафора «салатницы» или «симфонии» вместо «плавильного котла». Это произошло, во-первых, потому, что радикальная либерализация иммиграционной политики привела в резкому увеличению этнокультурного многообразия в стране. Во-вторых, институты, сформировавшиеся в результате Движения за гражданское равноправие, создали правовые основания, позволяющие иммигрантам различного этнокультурного происхождения добиваться признания группо-

³¹ Massey S.D. The New Immigration and Ethnicity in the United States // Population and Development Review. 1995. Vol. 21, № 3. P. 631–652.

³² Hollifield J. The Migration Crisis in Western Europe: the Search for a National Model // Migration Ethnizität Konflikt / ed. by Klaus J. Bade. Osnabrück, 1996. P. 393.

³³ Ibid. P. 395.

вых прав в публичной сфере. В-третьих, на уровне практики появление новых многочисленных групп иммигрантского происхождения приводит не только к культурной гибридизации в повседневном взаимодействии, но и к добровольной сегрегации некоторых групп населения. В последние десятилетия на уровне повседневного взаимодействия происходит некоторая сегрегация американского общества, особенно это характерно для урбанизированных районов. В школьных кафетериях иммигранты второго и третьего поколений общаются в компаниях на основе общего этнокультурного происхождения своих родителей. В школах существуют студенческие ассоциации для афроамериканцев, выходцев из Латинской Америки и стран Азии. Можно утверждать, что происходит балканизация населения — возникновение конфликтующих в политическом отношении этнокультурных групп, борющихся за признание в рамках юрисдикции штата законов, благоприятствующих их интеграции, например, на Майами общественно-политическое напряжение наблюдается между испаноязычным сообществом и афроамериканцами. Этот феномен возникает в результате геттоизации, а также как следствие растущего желания иммигрантов репрезентировать себя в этнической и расовой перспективе.

Специфика модели национальной интеграции в Канаде. Для определения специфики модели национальной интеграции в Канаде автор считает целесообразным обозначить ключевые сходства и различия между канадской и американской политическими историями и культурами. Канада и США от-

личаются максимально открытой публичной культурой на фоне всех других либеральных демократий. Это можно объяснить некоторым сходством в политической истории двух государств. Во-первых, обе страны произошли из поселений колонистов, т.е. являются иммиграционными. В обеих странах иммиграция официально признается в качестве основного фактора экономического и культурного развития. Во-вторых, в XIX в. в Канаде и США происходило освоение западных территорий, в результате которого сформировалась специфическая североамериканская культура поведения. В отличие от США, Канада начинала проект своего национального строительства не на формально ассимиляционистской, а на бикультурной основе (создание Канадской конфедерации в 1867 г.). Во-первых, присутствие в канадском публичном пространстве двух этнокультурных общин, претендующих на статус «государствообразующих наций», изначально обусловило специфику политической культуры в этой стране и установку на культурный плюрализм. Во-вторых, отсутствие опыта рабства и, соответственно, «черно-белого» расизма, а также более терпимое отношение к индейскому населению определили то обстоятельство, что политика национальной интеграции в Канаде развивалась эволюционно как расширение принципа толерантности.

Одним из ведущих факторов, обусловивших специфику канадской политической культуры, стал тот факт, что вплоть до 1960-х годов существовала политическая взаимосвязь между Канадой и бывшей метрополией Великобритании. Особенно явно это прослежи-

валось в такие значимые моменты, как объявление войны. Когда британский парламент голосовал за начало военных действий в англо-бурской войне, Первой и Второй мировых войнах, Канада всегда поддерживала свою метрополию. До 1982 г. Конституцией Канадской конфедерации являлся британский Закон об управлении североамериканскими территориями (*British North America Act*), объявленный королевой Викторией в 1867 г., а до 1947 г. у жителей канадских территорий не было даже отдельного гражданства — все являлись поданными Королевы³⁴.

Как уже упоминалось выше, в Канаде основополагающим фактором в формировании нации стала иммиграция. До окончания Второй мировой войны иммиграционная политика Канады не отличалась последовательностью и строилась на расистских принципах, так как в страну в первую очередь принимались выходцы из англосаксонских стран, континентальной и Восточной Европы. Либерализация канадской иммиграционной политики в 1960-х годах, массовый приток иммигрантов из стран третьего мира и растущее недовольство потомков иммигрантов из стран континентальной и Восточной Европы (украинцев и немцев) официальной бикультурной политикой в условиях фактического культурного плюрализма обусловили переход от идеологии бикультурализма к мультикультурализму в 1970-х годах. Любопытно, что формирование политики мультикультурализма совпало с внедрением некоторых либерально-республиканских норм в

политическую культуру Канады. В частности, принципы мультикультурализма как государственной идеологии прописаны в Хартии прав и свобод. Хартия прав и свобод является частью Основного закона страны, принятого в 1982 г., в котором конституционно закрепляется примат индивидуальных прав над групповыми привилегиями при сохранении возможностей истребования отдельных прав для этнокультурных меньшинств. С принятием Конституции политическая культура в Канаде приняла более легалистский характер, что повлекло за собой повышение значимости правовых процедур для решения споров, связанных с практикой мультикультурализма. Для того, чтобы добиться признания / институционализации определенной культурной нормы, представители этнокультурных меньшинств проводят свои требования через судебные инстанции. Иначе говоря, культурные права не приписываются — они обретаются этнокультурными меньшинствами в результате процедурных мероприятий.

Итак, в 1970–1980-х годах в Канаде произошла радикальная либерализация публичного пространства. Это стало следствием предшествующей либерализации иммиграционной политики. В условиях фактического культурного плюрализма возобладал либеральный принцип функционирования публичной сферы. Официальная доктрина, сформулированная правительством П. Трюдо, институционализированная в Хартии прав и свобод и ставшая основой канадской модели национальной интеграции, признавала вклад всех этнокультурных меньшинств в развитие общей канадской культуры. В Канаде

³⁴ Lipset S. The Canadian Identity, *International Journal of Canadian Studies*. 2006. 33–34. P. 87.

предпринята попытка соединить либерально-универсалистские принципы с идеологией мультикультурализма. Во-первых, за меньшинствами признается право воспроизводить культурные нормы страны происхождения (или некие гибридные нормы, которые могут сформироваться в условиях проживания в иммиграционной стране). С другой стороны, индивидуальные права однозначно занимают господствующее положение в правовой культуре Канады.

Иммиграционный характер Канады и специфика политической истории этой страны привели к тому, что представления о национальной идентичности сформировались только во второй половине XX в. в качестве реакции на рост сепаратизма в Квебеке, а также совпали с необходимостью проведения максимально гибкой политики в отношении интеграции иммигрантов. Необходимость интегрирования исторических и иммигрантских этнокультурных меньшинств определила обращение канадского государства к идее мультикультурализма.

Заключение. Автор обозначает следующие основные причины, обусловившие переход к плюралистическим моделям национальной интеграции в ряде стран либеральной демократии. Во-первых, страны Запада в послевоенный период испытали массовую иммиграцию из стран «третьего мира». Соответственно, в той или иной степени происходила либерализацию иммиграционной политики. Во-вторых, в послевоенный период наблюдалась явная тенденция к республиканизации политической культуры в странах либеральной демократии в результате идейного

влияния Движения за гражданское равноправие в США. Различные политики в отношении этнокультурного разнообразия, возникающего в результате иммиграции, обуславливаются различиями в официальных доктринах между «классическими национальными» и «иммиграционными» государствами. Во Франции традиции республиканизма на практике оборачиваются жесткими требованиями к культурной ассимиляции иммигрантов. Вхождение в политическое сообщество предполагает лояльность иммигрантов французской культуре. В Германии до 2000 г. стать членом немецкой нации возможно было только по этническому признаку, и до сих пор процедуры натурализации затруднены. Имперские политические традиции в Великобритании привели к тому, что именно после распада Британской империи стала проводиться политика формирования современных представлений о «британскости» как культурной категории (*patrials*). Терпимое отношение к выходцам из стран третьего мира допускается при условии, если они не разрушают традиции «британского стиля жизни». В США установка на иммиграцию как на фактор развития проходила параллельно с идеологией «плавильного котла». На практике это вылилось в сосуществование в публичном пространстве ассоциаций по конфессиональным признакам, в рамках которых и обнаруживалось «культурное многообразие». Массовый приток выходцев из Мексики и других стран Латинской Америки приводит к некоторой сегрегации этнокультурных групп на уровне повседневного взаимодействия, распространению испанского языка в школах как основного языка

обучения в ряде штатов и ставит новые вызовы перед правительством США. Специфика модели национальной интеграции в Канаде заключается в том, что это государство формировалось в условиях вынужденного противоречивого сосуществования двух сообществ, каждое из которых воспринимало се-

бя в качестве государствообразующего сообщества. Дуализм канадской политической культуры обусловил устойчивую установку элит в этой стране сначала на бикультурализм, а впоследствии на культурный плюрализм как на возможность сохранения политической целостности.

Модели национальной интеграции в Германии, Франции, Великобритании, США и Канаде в послевоенный период в условиях возрастающих иммиграционных потоков

Зайка Ксения Валерьевна, кандидат политических наук

Аннотация. В статье приводится характеристика иммиграционных моделей в условиях возрастающей иммиграции в Германии, Франции, Великобритании, США и Канаде. В отличие от «классических национальных» западноевропейских государств, государства Северной Америки, возникшие в результате поселений колонистов из различных стран, изначально сделали ставку на иммиграцию как на фактор собственного развития. Хотя публичная культура в иммиграционных государствах (США, Канада в данном случае) формировалась по определенным культурным образцам, представления об «этнокультурном ядре» нации для них не характерны. Одной из причин современных проблем интеграции в западных странах является борьба иммигрантов за признание их культурных прав в публичном пространстве принимающего общества. Различия в политической культуре между иммиграционными государствами Северной Америки и «национальными» западноевропейскими государствами определяют различный уровень институционализации культурных прав иммигрантов и, соответственно, специфику интеграционных проблем.

Ключевые слова: национальная интеграция, иммиграционный режим, культурный плюрализм, «классический национализм», мультикультурализм.

Models of National Integration in Post-War Germany, France, the UK, the US and Canada with Growing Immigration Influx

Ksenia Zaika, Ph.D. in Political Science

Abstract. The article presents immigration models of Germany, France, Great Britain, the US and Canada. North-American states differ from the 'classic-nationalist' European states in that they have considered immigration an important factor in their development from the very beginning of their political existence. Although political culture in these countries (the US and Canada) was formed under certain influence, the idea of an 'ethno-cultural core' is foreign to them. One of the biggest problems of immigrant integration in Western countries is that immigrants insist on having cultural rights within the public sphere of the receiving country and expect to see them respected. The difference in political culture between immigrant countries of North America and 'nation states' of Europe determine the two ways cultural rights are institutionalized in those countries and consequently the exact type of integration problems the countries face.

Key words: national integration, immigration regime, cultural pluralism, 'classical nationalism', multiculturalism.

CHINA RISE SYNDROMES? DRAFTING NATIONAL SCHOOLS OF INTERNATIONAL RELATIONS IN ASIA

Chih-Yu Shih

Given the abundant literature on the advantages and disadvantages of having an IR theory with Chinese characteristics at the national and international level, a much broader range of reflections on other Asian possibilities has been largely ignored. The quest for national school of international relations is nonetheless a China rise syndrome. This is both because the quest for Chinese IR demonstrates the possibility of non-Western self-understanding and because other Asian nations likewise want to preserve self-understandings outside rising China. This paper will sketch a few selected perspectives that arise from surrounding communities, incorporating Indian, Australian, Korean, Taiwanese, Australian, Southeast Asian, and Japanese sources. This way, theorizing international relations under the circumstance of China's rise is more a process of breaking the monopoly of European and North American IR and Chinese counter-IR to open up endless opportunities for learning as well as self-searching.

The Quest for Asian Schools of International Relations

The quest for a place for one's own nation does not belong exclusively to a rising power. Asian intellectuals aspire for indigenous schools of international relations (IR) that reflect their historical experiences and implicate on plausible international norms for a considerably wider audience¹.

The quest for an indigenous school of IR in East Asian communities traces its origin to the English School, which conceives of international relations as "society" in opposition to "system" in American IR literature². For other indigenous schools of IR, the task is to demonstrate the existence of different kinds of societal norms other than English anarchy or natural law, such as Chinese all-under-heaven, Japanese Asianism, Indian non-alignment, British/Australian Commonwealth, Korean civilizational in-betweenness, or Taiwanese non-sovereign agency, to name a few.

Indigenous schools of IR have two sources. The English School is the external force behind the promotion of Asian IRs. Indeed, societal norms different from those European notions of natural law that inform foreign policy behavior can enrich the English School epistemology. The other force, which is internal, is the national aspiration for representation in the age of global politics. This has been present since the age of imperialism, reinforced in the post-Cold War world by the postmodern call for multiculturalism.

Methodologically, Asia can achieve equality in status through the formation of Asian Schools of IR in three ways; epistemologically, however, each could back-

¹ Acharya A., Buzan B. Why Is There No Non-Western International Relations Theory? //

International Relations of the Asia-Pacific. 2007. Vol. 7. P. 287–312.

² Little R. The English School's Contribution to the Study of International Relations // European Journal of International Relations. 2000. 6, 3. P. 395–422.

fire³. First, Asia has subscribed to the same IR principles for a considerably longer time since, for example, the Chinese Zhou dynasty, known as the Spring-Autumn and the Warring periods in row⁴. However, this would mean that Asian history is cyclical/repetitive rather than linear/progressive. Second, Asia subscribes to a completely different ontological order that is strange to Western history, Confucianism and Buddhism being two conspicuous candidates⁵. However, this would mean exclusion of Asia from modernist teleology. Third, in between the first two, Asian states learn to be the modern nation-state abiding by the IR theory but read considerably deeper and richer meanings in accordance with their own culture⁶. However, this would mean Asia's perpetual alterity.

The following discussion will survey samples of societal norms in the literature that are extant explicitly as well implicitly plausible candidates for a different IR perspective that cannot be easily reduced

to Western ontology of states. The chapter searches for narrative candidates for indigenous Asian Schools of IR, including both the contentious Chinese and Japanese alternatives and the non-resistant Indian, Australian, Korean, and Taiwanese alternatives to demonstrate plausibility, however weak, in the conceptualization of Asian Schools of IR and how they allude to a universal IR.

Chinese IR as a Response to China Rising

Faced with the nascent image of China rising, Chinese intellectuals cannot help but seriously consider and articulately assert China's role in international relations. A shared appeal to civilizational identity comes to their rescue as they seek meaning in international relations for the future as well as the past. The two most noteworthy attempts to find this meaning that have attracted widespread curiosity and provoked enormous anxiety among the international relations (IR) communities of Europe and North America are those of Yan Xuetong⁷ and Zhao Tingyang⁸, both find hierarchy instead of balance of power among equals a more plausible order of international relations. In contrast, a less estranging reinterpretation

³ Cho, Young Chul. Recent Discourses on Constructing a Korean National School of IR: A Reality Check // Re-examination of Non-Western International Relations Theories (Kyoto Working Paper on Area Studies 118 [G-COE Series 116]) / eds. Shiro Sato, Ikeda Josuke, Ching-Chanh Chen, and Young Chul Cho. Kyoto: Center for Southeast Asian Studies, Kyoto University, 2011. P. 66–94.

⁴ Hui V.T. War and State Formation in Ancient China and Early Modern Europe. Cambridge University Press, 2005 ; Ng-Quinn M. China and International Systems: History, Structures, Processes. Ph.D. Dissertation, Department of Government, Harvard University, 1978.

⁵ Kang D. East Asia Before the West: Five Centuries of Trade and Tribute. New York: Columbia University Press, 2010 ; Tan Ch., Uberoi P. The Rise of Asian Giants: The Dragon-Elephant Tango. New Delhi : Anthem Press, 2009.

⁶ Agathangelou A.M., Ling L.H.M. Transforming World Politics: From Empire to Multiple Worlds. London : Routledge, 2009 ; Shih Ch. Navigating Sovereignty: World Politics Lost in China. London : Palgrave, 2003.

⁷ Yan Xuetong. Ancient Chinese Thought and Modern Chinese Power / ed. Daniel Bell and Zhe Sun. Trans. Edmund Ryden. Princeton : Princeton University Press, 2011 ; Paltiel J. Constructing Global Order with Chinese Characteristics: Yan Xuetong and the Pre-Qin Response to International Anarchy // Chinese Journal of International Politics. 2011. 4, 4. P. 375–403.

⁸ Zhao Tingyang. A Political World Philosophy in Terms of All-Under-Heaven (Tian-xia) // Diogenes. 2009. 56, no.1 (February): 5–18 ; Zhao Tingyang. Rethinking Empire from a Chinese Concept 'All-under-Heaven' (Tian-xia) // Social Identities. 2006. 12, no. 1 (January). P. 29–41.

that wins attention shows in Qin Yaqing's⁹ stress on relational governance in Chinese international relations.

Recognition is still a purpose of Yan's endeavors but the mood is one of resistance in all three. Yan represents a kind of scientific antagonism when he contends that, historically, IR reality has always been hierarchical; thus, the principle of balance of power among equals that has prevailed over two centuries is no more than a myth. He uses Chinese historical records to demonstrate such a Realist hierarchy, relying specifically on the Legalist tradition. In comparison, Zhao tries to prescribe for the world a romantic philosophy of *tianxia*, one that is embedded in Taoist and Confucian teachings and which requires no more than a change of cognitive perspective — albeit an unrealistic one — in order for international relations to be characterized by peace and harmony. Qin, instead, stresses difference between relationality and rationality without calling for a threatening re-ordering of entire international relations.

Yan relies on the alleged normalcy of hierarchy to explain away the image of the China threat conjured up by China's rapidly expanding influence in international relations. The balance of power among alleged equals is a disguised conspiracy to legitimate American hierarchy, whereas Chinese hierarchy is epistemologically a hidden plea for China's equality. Thus, Yan uses civilizational resources to negotiate for China's equal status as a nation. His hierarchy appears polemical in terms of how many hierarchies there are

or whose hierarchy is negotiable. Zhao's *tianxia*, in contrast, transcends the dichotomy of hierarchy vs. equality, but nevertheless philosophizes everyone into a self-content worldview, which is presumably all-encompassing, nonnegotiable, and even disciplinary. There is, however, a lacuna in the *tianxia* philosophy that can make sense of prevailing violence, historically as well as practically, in Chinese international relations.

Given that all three writers are extensively studied and cited elsewhere, it is only necessary to point out the civilizational ironies in their works before moving on to reflections based on other Asian thoughts. First of all, their IR theorization is, at the same time, counter-IR. For example, appropriating Chinese cultural resources for use in contemporary international relations testifies to the persistence of civilizational, hence nonrational, components in Chinese nation building. Nonetheless, they intellectually Sinicize IR theorization in contrasting manners.

Non-resistant Possibilities: India, Australia, Korea, the ASEAN, and Taiwan

Transcending Civilizations as Plausible Indian School of IR

India is a multicultural state. Its transformation into a representative of Hinduism and a nation-state is in itself a colonial device¹⁰. Seeking independence from the United Kingdom by India was simultaneously a process of nation-building and one of state-building. To transcend different religions, languages, and cultures is the func-

⁹ Qin Yaqin. Rule, Rules, and Relations: Towards a Synthetic Approach to Governance // Chinese Journal of International Politics. 2011. 4, 2. P. 117–145.

¹⁰ Zaehner R.C. Hinduism. New York : Oxford University Press, 1962. P. 1–13.

tion of Hinduism and the Indian national state¹¹. In light of this need for transcendence over differences, the ontological mutual exclusion of one nation-state against another is therefore opposite to India's ontology of becoming a nation-state. In short, coexistence of multiple religions, languages, and ethnicities alludes to anything but anarchy. Note that English, imposed by the British colonial force, was not resented but adopted in the process of nation and state building.

The spirit of transcendence that informs the plausible Indian School of IR refers specifically to the ability to transcend binary thinking embedded in the self-Other relationship in current IR literature¹². In fact, Rabindranath Tagore (1861–1941) who inspired followers all over the world specifically treated each individual as the meeting place of civilizations where spiritual transcendence should occur¹³. In short, transcendence does not take the transformation of existing civilizations as its mission. He abhorred violence associated with the modern nationalist movement. For Tagore, differences among groups always exist and yet transcendence is always possible through a higher or more abstract level of inner communication¹⁴. In addition,

he cherished India's unique historical experience as an exporter of Buddhism to China and Japan, positioning it in the place of civilizational origin. The traveling of Buddhism likewise resonates with cyclical historiography familiar to many an Indian religious belief. Subscribers to such a belief are usually patient with predicament, which is presumably at best transient by nature and therefore worth no immediate confrontation.

Tagore's preaching was different from Nishida's, to the extent that the former requires mediation to achieve transcendence while the latter appeared to rely on discursive reinterpretation. Mahandas Gandhi (1869–1948) desired transcendence over civilizational divisions as well. Nevertheless, Gandhi, who answered the call of Indian nationalism, stressed group togetherness more than individual transcendence¹⁵. For Gandhi, immediate politics must be addressed and enemies must be faced. The subsequent nation-building compelled Jawaharlal Nehru (1889–1964), who inherited wisdom from both Tagore and Gandhi, to shift between civilizational and nationalist inspirations.

The Indian School of IR is plausible between two seemingly contradictive tendencies: a long-term, cyclical, historical view that sees mutual exchanges and learning among civilizations natural and beneficial, so that short-run nationalism at the expense of individual free will does not matter ultimately¹⁶; and a short-term, calculative, suspicious mode of thinking associated with India's immediate place in international relations, which is inferior. Short-run oppor-

¹¹ Nandy A. *The Intimate Enemy*. New Delhi : Oxford University Press, 1983.

¹² Behera N.Ch. Re-imagining IR in India // *International Relations of the Asia-Pacific*. 2007. 7 (August). P. 341–368.

¹³ Hwang Wei-lin. *Civilizational Differences and Modernity: Rabindranath Tagore's Political Ideals and His Perspective on Chinese Civilization* (wenming chayi yu xiandaixing: taigeer de zhengzhi lixiang ji qi dui zhongguo wenming de qipan). Taipei: The Research and Educational Center for China Studies and Cross Taiwan-Strait Relations, Department of Political Science, National Taiwan University, 2010 ; Yin Xinan. *Tagore in the Perspective of World Civilization* (shijie wenming shiye zhong de taigeer). Chengdu : Bashu Book Society, 2003.

¹⁴ Tagore R. *Towards Universal Man*. New York : Asia Publishing House, 1961. P. 61–63.

¹⁵ Gupta K.S. *The Philosophy of Rabindranath Tagore*. Surrey : Ashgate, 2004.

¹⁶ Nandy A. *The Illegitimacy of Nationalism: Rabindranath Tagore and the politics of self*. New Delhi : Oxford University Press, 1994.

tunism, usually understood in terms of national interests, or occasional suspicion that others — especially China — look down upon India may continue to prevail in any specific context. It is this kind of IR that renders the desire for transcendence inexpressible in current IR literature.

The mix of long-term, macro-level transcendence and short-term, micro-level maneuvering contributed to IR theorization in a unique manner. The non-alignment movement is one such benchmark of the Indian School of IR¹⁷. Nehru's non-alignment was unlike Mao Zedong's Three Worlds theory, which aimed at overthrowing imperialist rule by superpowers. The non-alignment call had no such ambition. Instead, it sought to create new space where superpower confrontation could be neutralized. Nehru, unfortunately, allowed suspicion to grow over Tibet and the Sino-Indian border dispute without any desire or even expectation that confrontation would escalate into a border clash. In Nehru's much deeper assumption of civilizational amicability, India was not prepared for defeat as it was never prepared for war with China¹⁸.

Deconstructing Civilizations as Plausible Australian School of IR

Australia began as a settler's colony that received criminals from Great Britain. Two concerns dominated Australian IR at its origin. The first concern was

about its relationship with Great Britain, particularly the extent to which it should identify with the Commonwealth¹⁹. There was a racist element to prevent the Chinese, Japanese, and other Asians from invading Australian society²⁰. During the Second World War, departure from British national interest concerns finalized Australia's independent identity. Later, another decision to enhance its global composition was formulated and subsequent immigration policy witnessed reversion to an open door policy²¹. Australia has since welcomed Asians to join its national development.

From being a member of the British Commonwealth, Australia has transformed into a different commonwealth. Not only do Asian immigrants constitute a significant portion of the new Australian labor force, the academic community similarly recruits Asian scholars along with their European counterparts. It is not exaggerating to say that the Australian intellectual establishment resembles a kind of commonwealth to the effect that North American disciplinary methodology has no monopoly in Australian social sciences and humanities. Though realism and rationalism continue to preoccupy IR scholars' attention in Australia, a plausible Australian School of IR has emerged as well. Recognizing local differences and reading agency into local communities are important features in contemporary Australia-

¹⁷ Pande D.C. *India's Foreign Policy as an Exercise in Non-alignment: Nehru-Indira Period, 1946–1976*. Kanpur : Gyanodaya Prakashan, 1988.

¹⁸ Ibid ; Deshingkar G. *The Nehru Years Revisited // Across the Himalayan Gap: An Indian Quest for Understanding China* / ed. by Chung Tan. New Delhi : Gyan Pub. House, Indira Gandhi National Centre for the Arts, 1998.

¹⁹ Cotton J. *Realism, Rationalism, Race: On the Early International Relation Discipline in Australia* // *International Studies Quarterly*. 2009. 53, 3. P. 627–647.

²⁰ Fitzgerald J. *Big White Lie: Chinese Australians and White Australia*. Sydney : University of New South Wales Press, 2007.

²¹ Moran A. *Australia: Nation, Belonging and Globalization (Global Realities)*. London : Routledge, 2004.

lian scholarship. Nation-states composed of contemporary international relations are themselves composed of sub-national groups; participation of each in world politics is worth independent attention.

Similar to the global constitution of Australian society that directs one's attention to the subjectivity and agency of its constituting parts — be they aboriginals, immigrants, or diasporas — Australian IR can attend to the constituting parts of other nation-states²². One can use the Commonwealth or Continental consciousness as a metaphor for the Australian School of IR. A continent is presumably composed of many different kinds of typography, such as deserts, mountains, valleys, lakes, rivers, woods, plateaus, prairies, and so on. Collectively, though, they belong to the same continent. Members of the Commonwealth share little cultural, geographical, or ethnic similarities, but nonetheless identify with a common head. By treating other nation-states each as a commonwealth, Australian IR can pay particular attention to the survival, welfare, ecology, and adaptation at levels considerably lower than nation-state, and yet acknowledge that they belong to the nation-state. This is particularly clear in studies on China²³.

²² Wang Gungwu. *Community and Nation: Essays on Southeast Asia and the Chinese*. Singapore: Heinemann Education Books, 1981 ; Dening G. *Beach Crossing: Voyaging Across Time, Cultures and Self*. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2004 ; Barne G. *On New Sinology*. The China Heritage Center. URL: <http://rspas.anu.edu.au/pah/chinaheritageproject/newsinology/index.php>, accessed March 21, 2010.

²³ Hendrischke H. *The Political Economy of China's Provinces: Competitive and Comparative Advantage*. London : Routledge, 1999 ; Edwards L., Roces M. *Women's Suffrage in Asia: Gender, Nationalism and Democracy*. London : Routledge, 2004 ; He Baogang. *Transnational Civil Society and the National Identity Question in East Asia* // *Global Governance*. 2005. 10, 2. P. 227–246 ; Hillman B.

On the one hand, this commonwealth approach deconstructs nation-states into various local and group agencies. On the other hand, it is sheer recognition of their individualized subjectivities instead of any additional motive either to collect and then rearrange these constituting parts into a GEACS in the case of prewar Japan or to reduce them to sheer confirming cases of a certain universal social science law, as in the case of North America. In short, subnational groups are both international actors and integral parts of a nation. A certain kind of liberal interventionism may emerge. Moreover, Australian IR can benefit from comparative scholarship especially through Southeast Asian studies or Chinese studies²⁴. These are sites where diasporic communities as well as ethnic components of society constitute agencies that have universal implications to both global civil transactions and regional international relations at all levels.

Monasticism and the Local State: Autonomy and Authority in a Tibetan Prefecture // *The China Journal*. 2005. No. 54. P. 22–52 ; Goodman D. *China Deconstructs: Politics, Trade and Regionalism*. Oxford : Taylor & Francis, 2007 ; Mackerras C. *China, Xinjiang and Central Asia: History, Transition and Crossborder Interaction into the 21st Century*. Oxford : Taylor & Francis, 2009.

²⁴ Tseng Yen-chung. *Away from Centrism: Jonathan Unger, Baogang He and the Multiple Agendas of Australia's China Studies* (aозhou zhongguo yanjiu de duoyanxing: yi ange ji he baogang de xuexi lichen wei li). Taipei : The Research and Educational Center for China Studies and Cross Taiwan-Strait Relations, Department of Political Science, National Taiwan University, 2010 ; Chen Tzu-chieh, Yun-chan Wu. *China Studies from South: A Study of John Fitzgerald and Contemporary Australian China Studies* (nanfang zhongguo xue: fei yuhan yu dandai aозhou tese de zhongguo yanjiu). Taipei : The Research and Educational Center for China Studies and Cross Taiwan-Strait Relations, Department of Political Science, National Taiwan University, 2010.

Bridging Civilizations as a Plausible Korean School of IR

Korea is a nation-state that seats many civilizational divides — between socialism and capitalism, China and Japan, East and West, China and the US, and so on²⁵. South Korea has a rich religious reservoir, including traditional Buddhism and imported Christianity. The latter is more popular in Korea than in any other Asian state. Korean society is extremely alerted to development in the US. It relies on the stationing of American troops to defend it from a potential attack by North Korea. Korean academics consistently rely on American schools for higher education as well as for importation of theories.

The unification issue is high on Korea's agenda. As it seats all kinds of civilizational division and North Korea appears mystifying to the international relations theorists, sovereign unification is not allowed by superpowers²⁶. In addition, any unification scheme outside of the realist range will immediately allude to civilizational division that will ruin the status quo of sovereign order desired by the hegemonic US. To assert its status and reflect on the exclusive reliance on the US for both political and intellectual support is not just a Korean phenomenon. This provides a base for universal theoretical implication. In fact, nascent calls for Korean School of IR attract consid-

erable attention indeed²⁷. This attempt at the Korean IR should explore possibilities outside of American theories, deviate from the footprint of the English School to make special contribution to IR theorization, and cope with the unique security challenge that involves complicated civilizational politics.

The plausible Korean School of IR can begin with the unification issue. To devise a non-sovereign unification program creatively can avoid the dissolution of either Korean nation-state. Unification otherwise would be a threat to all major powers. More importantly, bridging civilizations through the Korean national question will make a unique contribution. Korea has a rich reservoir of historical contacts with major powers, including China, Japan, and contemporary US. For IR theorists²⁸, Korea can fare best by be-

²⁵ Kim M., Hodges H.J. Korea as a Clashpoint of Civilizations // Korea Observer. 2006. 37, 3 (Autumn). P. 513–545.

²⁶ Kim S. The International Relations of Northeast Asia. Lanham, MD.: Roman & Littlefield, 2003; Kim S. North Korean Foreign Relations in the Post-Cold War World: Demystifying North Korea. Carlisle, PA.: Strategic Studies Institute U.S. Army War Co, 2007.

²⁷ Choi A. Future Tasks for International Relations Theorizing in South Korea. URL: http://docs.google.com/viewer?a=v&q=cache:UYqnk3tZ ZBQJ:www.kaisnet.or.kr/board09/download.asp%3Fidx%3D268+Future+Tasks+for+International+Relations+Theorizing+in+South+Korea&hl=zh-TW&gl=us&pid=bl&srcid=ADGEESgHYA2eXp4xpbNtGRTGRENvUzlINzR-C998btW-oRNp7-0mmerrmUDvIKszLKWXVp3M27s3g3pQ2I17r83_SEyOqWhGvwhxbAyPfdpnM8AWGk1OPRmuRKxmJqBp3c_RZ02iBb8m&sig=AHIEtbQoRk0YAYH9TNpiuotOVdAf9-ONFg accessed March 30, 2010; Chun Ch. Future Tasks for Developing the Field of International Relations in South Korea // The Korean Journal of International Relations. 2007. 46. P. 227–249; Min B.W. International Relations Theories and Korea // The Korean Journal of International Relations. 2007. 46. P. 37–66; Kook K.H., Young Ch.Yu. International Relations Studies in Korea: Retrospects and Prospects // Pacific Focus. 2009. 24, 2 (December). P. 402–421.

²⁸ Ku D. Korean International Relations in the Colonial Period and the Question of Independence // Korea Journal. 1998. 4 (Winter). P. 90–129; Cha V. Alignment Despite Antagonism: The United States-Korea-Japan Security Triangle. Stanford: Stanford University Press, 1999; Kang D. China Rising: Peace, Power

ing either a balancer or medium among a limited number of national actors, hence minilateralism. Korea will be reduced to China's protectorate and in fact a subordinate in the tribute system without such minilateral platforms. Alternatively, successful minilateralism can become a model to resolve confrontation of various sorts²⁹, which Korea has experienced through its position on those civilizational divides.

Since current IR theories as well as their East Asian derivatives appear to concentrate on theorizing major powers' policy behavior, Korean IR in a way can break up the hierarchy of big and small powers. Korean IR can focus on the civilizational implications of the Korean unification issue and therefore take advantage of its seemingly middle power status. Recent research has turned to the historical possibility, though, that Korea and China actually can be equal in the tribute system³⁰. In front of civilizational divides and the attempt at bridging civilizations, nation-states are not differentiated exclusively by their power status. The Korean national question answers directly to the Asian puzzle of whether or not nation-states are civilizational instruments or ontology of IR as social science theorists believe.

and Order in East Asia. New York : Columbia University Press, 2007.

²⁹ Nam Ch. Relocating the U.S. Forces on the Korean Peninsula: Strained Alliance and Emerging Partnership in the Changing Defense Posture. Presented at the annual meeting of the International Studies Association, Hilton Hawaiian Village, Honolulu, Hawaii (March 5, 2005). URL: http://www.allacademic.com/meta/p71260_index.html accessed on March 30, 2010.

³⁰ Chun H. Some Notes on the History of the Sino-Korean Relationship (Hankook gwa Jungkook: Han-Jung gwangyesa doroneui ilcheok) // Dongbanghakji. 1968. 9. P. 1–19.

Appropriating Civilizations as a Plausible Taiwanese School of IR

Different political regimes have taken turns to rule Taiwan over a range of 300 years, including European, Manchurian, and Japanese forces. The island was returned to China after Japan's defeat in 1945, but became the base of Chinese nationalists fleeing from their defeat in the Chinese Civil War in 1949. Taiwan was particularly torn between Japan and China during Japanese colonial rule and the ensuing period³¹. Pro-independence forces rely heavily on support from Japan and the US. Its political leaders carefully watch regional powers to position Taiwan. On the one hand, the island government struggles to secure its place by attempting to be a strategic ally of any potential enemy of China. On the other hand, the socioeconomic relationship with the Chinese mainland is closer than any other nation-states. Taiwan's contribution to IR theorization may emerge in this irony.

During the Cold War period, the concept of a bipolar system that suited the containment purpose was the prevailing discourse in Taiwan. After the Cold War, the strategic triangle became the dominant approach to studying interactions among Washington, Beijing, and Taipei. Note that the triangle approach ostensibly provides Taiwan with an equal footing relative to the other two that it would never enjoy due to its exclusion from official international relations³². Taiwan's mainstream IR at all

³¹ Wu Cho-liu. The Asiatic Orphan (Yaxiya guer). Taipei : Grass Root Press, 1995.

³² Wang Yao-chun. Entering the Strategic Triangle: The International Theory That Identifies with

times mimics the development of American IR. In the recent decade, constructivist arguments have emerged to explore the window of opportunity with China. However, behind these careful mimics is a cynical view of IR, in the sense that IR theories are considered no more than an instrument to achieve Taiwan's equal representation. Calls for Chinese social science methodology have emerged in the 1980s³³, but never extended to international relations.

A plausible Taiwanese School of IR looms possible in this cynical view. Now that Taiwan has no representation in official international relations, politics of representation shifts to arenas composed of identities other than sovereign nation-states³⁴. Taiwan could be a legitimate and equal participant in these nontraditional arenas. How to deconstruct the legitimacy of sovereign state and develop subjectivity for Taiwan in a different arena may be an alternative IR theorization³⁵. For example,

Taiwan (jinru zhanlue sanjiao: renting Taiwan de guoji zhengzhi xue). Taipei : Hanlu, 2005.

³³ Yang Kuo-shu, Chung-i Wen . Contextualizing Social Behavioral Science Research for the Chinese Context (shehui xingwei kexue yanjiu de zhongguo hua). Taipei : Institute of Ethnology, Academia Sinica, 1982.

³⁴ Song Kuo-cheng. Postcolonial Discourses: From Fanon to Said (houzhimin lunshu: cong fanon dao sayide). Taipei : Qinsong, 2003 ; Mo Tahua. Constructive International Relations Theory and Security Studies (jiangouzhuji guojia guanxi lilun yu anquan yanjiu). Taipei : Shihying, 2003 ; Teng, Hsiu-lun. Women and the United Nation (nyuxing yu lianhe guo). Taipei : Yangchi, 2003 ; Hwang, Ching-Chane. "Mature Anarchy, Clash of Civilizations and Globalization: The Narrow Research Agendas of the Mainstream International Relations Theory" (chengshou wuzhengfu zhuangtai, wenming chongtulun yu quanqiu hua: zhuliu guoji guanxi lilun zhi pianxia yanjiu yicheng) // Cross and International Affairs Quarterly. 2005. 2, 1. P. 81–106.

³⁵ Lin Hsuan-Hsiang Sean. Democracy, Teleology, and Regime Pluralism. Present at the conference on Democratizing International Relations:

nascent interest in Asianism can deconstruct pressure for reunification with China to the extent that national unity has little meaning to Asianism³⁶. Others resort to Taiwan's Confucian legacy, which is considerably better preserved in comparison with China's³⁷. Still others raise multiculturalism or electoral democracy in Taiwan to demonstrate that it leads China in its civilizational development stage³⁸.

To appropriate theories of any kind and represent a Taiwan distinctively apart from China is the major motivation behind the Taiwanese School of IR. This is similar to the Japanese world history standpoint whereby all theoretical situations are at best a temporary site of communication. However, in the place of nothingness, one is supposedly free, universal, and full of agency in facilitating reentry at will. Taiwan has no such power to determine where to enter next. The situation is imposed at all times on Taiwan, whose politics have no alternative other than to adapt. The solution is to reappropriate whatever theory is imposed on Taiwan and

New Thinking, Doing and Being, Kaohsiung 3.11 — 3.12.2009.

³⁶ Lee T., Nakajima M. The Strategy for Asia (yazhou de zhilue) Luo and Yang (trans.). Taipei : Yuan-Liou Publishing Co, 2000 ; Ke Yigeng. Lee Tenghui: Taiwan's Statesman (Taiwan zhengzhijia li denghui). Trans. Hsiao Pao-hui. Taipei : Vanguard, 2008.

³⁷ Hwang Chun-chieh. Confucianism and Modern Taiwan (luxue yu xiandai Taiwan). Beijing : Chinese Social Science Press, 2001 ; Yu Ying-shih. I Am Not Neo-Confucian. 2009. URL: http://www.wenhua.cn.com/news_article.asp?classid=20&newsid=8241, accessed on 2010.3.26.

³⁸ Jiang Yi-hua. Reflections on Discourses on National Identities in Contemporary Taiwan (dangqian Taiwan guojia renton lunshu zhi fanxing), Taiwan : A Radical Quarterly in Social Studies. 1998. 29. P. 163–229 ; Shih Chih-yu. Democracy Made in Taiwan: The "Success State" as a Political Theory. Lanham : Lexington, 2007.

make it functional to its equal representation in yet another creative way³⁹.

Disassociating Civilizations as a Plausible ASEAN School of IR

In premodern times, Southeast Asian nations used to interact with the Chinese courts. Their modern history witnessed European colonialism, followed by Japanese occupation during the war. Throughout history, migrants arrived from neighboring areas, among whom the Chinese migrants are particularly noteworthy. This is because Southeast Asia has been the preferred destination of Chinese emigrants. Multiple religious traditions co-exist in the region, several with focused residency, such as Catholicism in the Philippines and Buddhism in Thailand and Myanmar. Others are transnational, such as Islam. As a result, the migrant and postcolonial nature of Southeast nations breeds a style of politics unfamiliar to Europeans or North Americans⁴⁰. Disruptive ethnic politics broke out as early as during the early independent period when revolutionary politics in China stirred repercussions in Southeast Asia, begetting Anti-Chinese campaigns. Chinese studies have arisen to tackle the identity politics since then, to deconstruct Chinese identities and disassociate the Chinese with China⁴¹.

Chinese studies in Southeast Asia are not part of either international studies or Chinese studies until Sinicization becomes a faddish topic during the recent rise of China⁴², serving as a point of comparison with Islamization, Europeanization, or Americanization⁴³. The new scholarly attention thus aroused is a misfortune to Chinese studies, which consistently attempt to establish indigenous Chinese identification through various nuanced distinctions between different Chinese groups⁴⁴. For example, the notions of overseas Chinese, diasporic Chinese, or guest Chinese (*huaqiao*) are disputed strongly in Southeast Asian Chinese literature due to their Sino-centric ontology as well as the political implications of their being aliens. Instead, it is national Chinese (*huazu*) or Chinese overseas (*huaren*) that confirms their indigeneity⁴⁵.

(December). P. 926–948 ; Wang Gungwu. A Short History of Nanyang Chinese. Singapore : Eastern Universities Press, 1959.

³⁹ Ling L.H. M., Ching-Chane Hwang, Boyu Chen. Subaltern Straits: 'Exit', 'Voice', and 'Loyalty' in the United States-China-Taiwan Relations // International Relations of the Asia-Pacific. 2010. 10. P. 33–59.

⁴⁰ Chong A. Southeast Asia: Theory between Modernization and Tradition // International Relations of the Asia-Pacific. 2007. 7: 391–425.

⁴¹ Leo S. China and the ASEAN States: The Ethnic Chinese Dimension. Singapore : Marshall Cavendish Academic, 2005 ; Wang Gungwu. Great China and the Chinese overseas // The China Quarterly. 1993. 136, special issue

⁴² Leo S. Ethnic Chinese in Contemporary Indonesia. Singapore : Institute of Southeast Asian Studies, 2009 ; Wang Yao-chun. Entering the Strategic Triangle: The International Theory That Identifies with Taiwan (jinru zhanlue sanjiao: renting Taiwan de guoji zhengzhi xue). Taipei : Hanlu, 2005.

⁴³ Civilizations in World Politics: Plural and Pluralist Perspectives / ed. Katzenstein Peter. London : Routledge, 2009 ; Katzenstein P. A World of Religions: Asia and Europe in American Imperium. New York : Columbia University Press, 2005.

⁴⁴ Leo S. Understanding the Ethnic Chinese in Southeast Asia. Singapore : Institute of Southeast Asian Studies, 2007.

⁴⁵ Lee S. The Malaysian Kwong Wah Newspapers' View on China: Between the Chinese Overseas and Guest Chinese (malaixiya guang hua ribao de zhongguo renshi: zai huaren yu huaqiao liang zhong shenfen zhi jian). Taipei : The Research and Educational Center for China Studies and Cross Taiwan-Strait Relations, Department of Political Science, National Taiwan University, 2009.

Noticeable endeavor by contemporary political practitioners to dissociate domestic civilizational complication in each Southeast Asian state from international relations echoes the attempt at desensitizing Chinese from China in the literature of Chinese studies. The principle of international relations is allegedly the ASEAN Way⁴⁶, aimed at a mutually respectful mode of interaction where interventionism is not welcome. The ASEAN Way presumably does not attempt to strike any definite solution to a standing conflict⁴⁷; rather, it seeks to manage it in a way that will prevent conflict from escalating. This requires national leaders to avoid using formal meetings where there would be written minutes, division of majority and minority, and pressure for public diplomacy. Instead, the ASEAN Way highly regards informal meetings among leaders as individual persons. No intervention is possible in the capacity of the ASEAN. European countries and the US criticize the ASEAN Way for being unable to create results⁴⁸. For example, refusal to resort to sanctions gives Myanmar junta free rein to violate human rights. Others call them the land of illiberal democracy⁴⁹. However,

through the ASEAN Way, communication with Myanmar authorities remains open and humanitarian aids can continue to flow. If, on the contrary, Myanmar were sanctioned, the ASEAN as an institution will become an intervening vehicle that no one will trust⁵⁰.

In brief, the ASEAN Way connotes to IR scholars a kind of indigenous centrism that sets aside abstract values or civilizational identities. The policy implication is to oppose any type of interventionism. Engagement is always more important than position-taking or moral judgment. Only through engagement can there be an international environment that encourages internal reform or reconciliation. Accordingly, regional stability is best guaranteed by informal consulting and personalized trust.

Retrieving Civilizations as Plausible Japanese School of IR

A plausible, and yet confrontational, proposition for the Japanese School of IR can be derived from the Kyoto School of Philosophy, whose “world history standpoint” was once an ideological support for the Greater East Asian Co-prosperity Sphere (GEACS). The Japanese military regime installed in Manchuria the “Princely Way and Happy Land” in 1931 as an initiative to be emulated elsewhere in the GEACS. Japan invaded Asian neighbors under the banner of cleansing the

⁴⁶ Acharya A. Seeking Security in the Dragon's Shadow: China and Southeast Asia in the Emerging Asian Order. Working Paper Series 44, Institute for Defence and Strategic Analysis (March). 2003.

⁴⁷ Haacke J. Enhanced Interaction with Myanmar and the Project of a Security Community: Is ASEAN Refining or Breaking with Its Diplomatic and Security Culture? // Contemporary Southeast Asia. 2005. 27, 2. P. 188–216.

⁴⁸ Petersson M. Myanmar in EU-ASEAN Relations // Asia-Europe Journal. 2006. 4, 4: 563–581.

⁴⁹ Linantud J. L. The 2004 Philippine Elections: Political Change in an Illiberal Democracy // Contemporary Southeast Asia. 2005. 27. P. 80–101 ; Towards Illiberal Democracy in

Pacific Asia / ed. D. Bell. London : Macmillan, 1996.

⁵⁰ Katanyuu R. Beyond Non-interference in ASEAN — the Association's Role in Myanmar's National Reconciliation and Democratization // Asian Survey. 2006. 46, 6. P. 825–845 ; Beeson M. ASEAN Plus Three and the Rise of Reactionary Regionalism // Contemporary Southeast Asia. 2003. 25, 2. P. 251–268.

white race from Asia⁵¹. What Asia was to become, however, was not just Asians' Asia, but a universal Asia that could, abiding by *Nihon Shoki*'s utopia, "roof all eight corners of the world" (*Hakkō ichiu*). In short, according to world history standpoint, Europe was partial as Europeans only understood Europe while Oriental China was backwardly partial as well because of ignorance in European modernity⁵². GEACS that produced both West and East should be where the world is to be seen in its entirety.

Japan was able to lead in the formation of a universal GEACS allegedly because Japanese people were the only children of Goddess Amaterasu in the world that, unbounded by the limitation of one's place, could know both sides. Manchukuo was the quintessential site of such imagined infinity because it was the origin of the two major civilizations — Christianity and Confucianism. Japan's defeat during the WWII did not affect the continued enthusiasm toward Asianism, which is philosophically embedded in the Kyoto School philosophy. The defeat has only led to various reformulations of Asianism to defend it from prewar fiasco or a resurgence in imperialism⁵³.

The founder of the Kyoto School, Nishida Kitaro (1870–1945), painstakingly

replied to the Hegelian challenge that almost all modern Japanese thinkers must face Hegel's appropriation of Asia to the land of Oriental despotism. In fact, they included Shiratori Kurakichi (1865–1942) of the rival Tokyo School, a strong believer of Goddess Amaterasu as well. Ironically, Shiratori was the best in retrieving civilizations to its Mongolian-Manchurian origin⁵⁴. Impressively, the attempt to retrieve a common origin of all major civilizations was shared by the scientific Tokyo School and the philosophical Kyoto School.

As Japan faced the identity puzzle of whether or not Japan should be a Western or Eastern nation, four options were available. A number of thinkers either affirmed or negated both identities, in addition to others who chose to join one side in opposition to the other⁵⁵. Many changed their positions during the course of their lives, indicating that repositioning had been widespread and conscious. The bottom line was to answer the Hegelian challenge by whichever way appeared to work at a given moment to a given thinker. Kitaro was able to group them all (before as well as after him) in his philosophy of place⁵⁶, which he girded by an ontological thrust termed nothingness.

⁵¹ Williams D. *Defending Japan's Pacific War: The Kyoto School Philosophers and Post-White Power*. London: Routledge, 2005.

⁵² Kōsaka M. *The Standpoint of World History and Japan (Sekaishiteki tachiba to Nihon)*. Tōkyō: Chūō Kōronsha, Shōwa, 1943; Kōyama I. *The Philosophy of World History (Sekaishi no tetsugaku)*. Tōkyō: Iwanami Shoten, 1942.

⁵³ Pan-Asianism in Modern Japanese History: Colonialism, Regionalism and Borders / eds. S. Saaler, J. V. Koschmann. London: Routledge, 2007; Globalism, Regionalism and Nationalism: Asia in Search of Its Role in the 21st Century / ed. Y. Yamamoto. Oxford: Blackwell, 1999.

⁵⁴ Tanaka St. *Japan's Orient: Rendering Pasts into History*. Berkeley: University of California Press, 1993.

⁵⁵ Huang Chia-ning, Chih-yu Shih. *No Longer Oriental: Self and European Characteristics in Japan's Views on China (bu zai dongfang: riben zhongguo renshi zong de ziwoxing yu ouzhouxing)*. Taipei: The Research and Educational Center for China Studies and Cross Taiwan-Strait Relations, Department of Political Science, National Taiwan University, 2009.

⁵⁶ Ong G. G. Building an IR theory with 'Japanese Characteristics': Nishida Kitaro and 'Emptiness' // *Millennium*. 2004. 33, 1. P. 35–58.

Presumably in the place of nothingness Japan was able to avoid choosing sides. Unlike Hegelian historiography embedded in the dialectical teleology toward an ultimate unity, teaching on nothingness appealed to the psychological exercise of withdrawal from situations/places, therefore avoiding a choice between the seemingly contradicting East and West⁵⁷. It was from the place of nothingness that Japan was able to enter all seemingly differing civilizations, becoming absolute and yet truly universal⁵⁸. The world history standpoint was that of nothingness as well as a religious Shinto way of making both Christianity and Confucianism appear secular since both had been grown civilizations in specific places. Nothingness had to be their common origin to be retrieved by the children of God. Practicing withdrawal to nothingness enables free re-entry anywhere, therefore overcoming the arbitrary modernist historiography or stagnant Confucian harmony.

The ability to retrieve the common origin of all civilizations is the root of subsequent versions of Asianism after WWII. The late Takeuchi Yoshimi (1910–1977), for example, proposed to treat Asia as a method of continuous self-denial, through which Japan would not be carried away by any specific civilizational position, be it European, Sinologist,

or even Greater East Asian⁵⁹. Contemporary Mizoguchi Yuzo⁶⁰ similarly promotes China as a method, by which Japan learns how to study a different nation without taking any specific (i.e. Japanese, European, or American) standpoint. Only by seeing China from its own historical subjectivity can Japan truly belong to the world, which is outside of any national condition in general and Japan's own in particular. Contemporary scholar Koyasu Nobukuni⁶¹ reinforces this position by treating East Asia as a constant process of becoming, but never a normative destiny to be reached or a physical land to be taken.

Despite the fact that the world history standpoint once supported ruthless killings during war, it continues to inspire generations of Japanese thinkers on Asianism⁶². They have endeavored to purge the history of Manchukuo from future Asianism in their narratives, which once accomplished should be a sharp contrast to the idea of contemporary IR. The latter conceives of international relations as between nation-states so that ontologically, nation-states come before internationally, nation-states come before international relations and “international relations” is a threat to nation-states. The world history standpoint finds contradiction between nation-states in such ontology, at best sec-

⁵⁷ Nakamura Y. Nishida Kitaro (Xitian jiduolang). Bu Chongdao and Liu Wenzhu. Trans. Beijing : Sanlian, 1992.

⁵⁸ Heisig, J. *Philosophers of Nothingness: an Essay on the Kyoto School*. London : Routledge, 2001 ; Fujita M. *The 'Place' Comes from the Fundamental Thinking* (“changsuo” laizi genbenchu de sikao) // *The Deconstruction and Reconstruction of Subjectivity: New Interpretations of the Japanese History of Thoughts* (benti de jiegou chongjian: dui riben sixiang shi de xin quanshi) / ed. Cheng Zhongying. Shanghai: Shanghai Social Science Academy Press, 2005.

⁵⁹ Calichman R. *Overcoming Modernity: Cultural Identity in Wartime Japan*. New York : Columbia University Press, 2008 ; Takeuchi Yo., Calichman R. *What Is Modernity? Writings of Takeuchi Yoshimi*. New York : Columbia University Press, 2005.

⁶⁰ Yūzō M. *China as Method (Hōhō to shite no Chūgoku)*. Tōkyō : Tōkyō Daigaku Shuppankai, 1989.

⁶¹ Koyasu N. *What Is It about Overcoming Modernity* (“Kindai no chōkoku” to wa nani ka). Tōkyō : Seidosha, 2008.

⁶² Goto-Jones Ch. *Political Philosophy in Japan: Nishida, the Kyoto School, and Co-Prosperity*. Routledge (Leiden Series in Modern East Asia), 2005.

ular and situational. Withdrawal into nothingness enables one to find the deeper self where the world begins. In other words, nation-states are later derivatives of the foundation, retrieval of which makes the side choosing between nation-states a mundane and ephemeral issue. Last but not least, the hidden world history standpoint undergirding contemporary Asianism has attracted a significant number of disciples throughout other East Asian communities⁶³.

Contemporary Japanese IR scholars such as Akira Iriye and Hirano Kenichiro⁶⁴, both students of John King Fairbank (1907–1991) but neither disciples of the Kyoto School, similarly conceptualize international relations as intercultural relations in their respective careers in the United States and Japan. For them, the task of IR theorization is no longer about defending nation-states against the threatening IR but to personalize⁶⁵ or localize it, as Iriye and Hirano have accomplished, respectively⁶⁶. As a result, one is able to appreciate where others come from. Needless to say, neither would praise the Kyoto School's service to the GEACS. Nevertheless, they appear likewise comfortable only with a mode of nation-state that traffics amicably among civilizations⁶⁷.

Conclusion

China does not rise in static space, territorially, economically, or strategically. Less noticeable is that China does not rise in one single intellectual space. Not only does the alleged China rising in itself trigger endless debates among its observers over the meanings of China rising, but they also inspire one another into self-searching. In other words, the image of China rising generates multi-sited reflections everywhere, inside and outside of China, so to speak. Many pick up national sites as their base to engage in combination and recombination of IR theorization with civilizational resources that carry a national brand. Consciously or not, all national sites are necessarily individualized endeavors. Therefore, national schools of international relations are not unlike China rising to the extent that no epistemological monopoly is possible.

This paper enlists sources that possibly support national school of international relations for the purpose of opening up the ontology of current IR theorization rooted in nation state, its epistemology rooted in rationality, and its methodology rooted in power calculus. The return of civilization to IR theorization helps one recognize multiple sources of international relations that IR has ignored, making sure that China rising, as well as other parallel or future claims of such elsewhere, does not lead to another intellectual parochialism of previous decades. Multi-sited repercussions out of the image of China rising compose the beginning of intellectual liberation indeed.

⁶³ Chen kwang-hsing. On the Possibility of an East Asian Discourse (guanyu dongya lunshu de kenengxing). Shucheng (Book Castle) December, 2004. P. 35–45 ; Sun Ge. The Space of Pervasive Subjectivities (zhuti misan de kongjian). Nanchang: Jiangxi Education Press, 2003.

⁶⁴ Between Understanding and Misunderstanding: Problems and Prospects for International Cultural Exchanges / ed. Sugiyama Yasushi New York : Greenwood Press, 1990.

⁶⁵ Iriye A. Cultural Internationalism and World Order. Baltimore : The John Hopkins University Press, 1997.

⁶⁶ A New East Asia: Toward a Regional Community / eds. K. Mōri, K. Hirano. Singapore : NUS Press, 2007.

⁶⁷ Shimizu K. et al. Is There a Japanese IR?: Seeking an Academic Bridge through Japanese History of

International Relations. Research Series 5. Kyoto: Afrasian Centre for Peace and Development Studies, Ryukoku University, 2008.

Синдром подъема Китая? Формирование национальных школ теории международных отношений в Азии

Ши Чиюй, профессор Национального Тайваньского Университета

Аннотация. Подъем Китая стал одним из ключевых вопросов изучения в теории международных отношений. В то же время эта тенденция стимулирует изменения в структуре самой, прежде западноцентричной, дисциплины. Она стимулирует рефлексию происходящих изменений в формирующейся китайской школе ТМО. В более широком плане становление китайской теории международных отношений заставляет другие азиатские страны также концептуализировать свое положение в мире, для предотвращения перспективы интеллектуального подчинения своему растущему соседу. Такое теоретизирование опирается на национальные традиции осмысления международной политики (по большей части игнорируемые на Западе). Развитие этой тенденции способствует подлинной либерализации дисциплины.

Ключевые слова: теория международных отношений, национальные школы ТМО, азиатские страны, конфуцианство, подъем Китая, цивилизации, Индия, Япония, Тайвань, Корея, АСЕАН.

China Rise Syndromes? Drafting National Schools of International Relations in Asia

Chih-Yu Shih, National Taiwan University, Professor

Abstract. The rise of China is now one of the primary issues in IR literature. However, this development promotes also changes in the structure of the discipline itself, as it fosters self-reflection in the rapid expansion of the Chinese IR school. Moreover, the quest for Chinese theory of IR provokes other Asian countries to conceptualize their place in the world, in order not to be intellectually submerged by the rising neighbour. This theorizing is enlightened by the national traditions of thinking about international politics, largely overseen in the West. This trend promotes genuine liberalization of the discipline.

Key words: International Relations Theory, national schools, Asian countries, Confucianism, China rise, civilizations, India, Japan, Taiwan, Korea, ASEAN.

THE ROLE OF ENABLERS IN CONTEMPORARY CONFLICTS — AND THE ENABLING OF DIPLOMATS TO RESPOND TO THEM: AN AMERICAN PERSPECTIVE*

Alan Henrikson

The word “enabler” is not an established term of art in international relations. It is not known to International Law or to academic IR theory — or to Diplomatic Studies. Nonetheless, in the real world, the actions of those who make it possible for conflicts that now rage around the world to *continue* and even to *spread* are felt, sometimes painfully — even if not clearly seen, closely tracked, or well understood.

The nature of “contemporary conflict” is itself problematical. No longer is conflict only the clash of military arms or even another form of violence. Conflict need not always be the result even of explicit antagonism, of “ancient hatreds.” It can nowadays be almost any situation of extreme tension that arises from human desperation within and between societies as, for example, when natural disasters, economic crises, or disease outbreaks such as the current Ebola flare-up in West Africa occur. Conflict is struggle — inner as well as outer. Its nature and shape can change, sometimes suddenly, owing to events. Or, simply, from fear. A recent program on PBS television in the United States, “The Roosevelts,” recalled President Franklin D. Roosevelt’s

saying in his inaugural address in 1933, during the Great Depression, that “the only thing we have to fear is fear itself.” The antidote to fear, as he knew, is confidence. That is what the institution of diplomacy is based on, and it is what diplomats, too, can bring.

Dealing with “contemporary conflicts” today can require new structures, new measures and methods, and, for diplomats, additional knowledge and new skills. Different kinds of training might be needed. I shall suggest — after a brief listing of what enablers are doing in today’s world, and then a consideration what the notion of “enablement” is, and what its implications are — several ways in which diplomats themselves might need to be further enabled, with new resources and further training.

“Enabling,” generally, seems to be an intermediary role. Those who do it are not the policy makers. Nor are they those with their “boots on the ground,” whether soldiers or other field workers. What “enablers” do ranges from giving direct support to providing more indirect, even contextual, kinds of assistance. Among the various ways of enabling in conflict that one witnesses today are:

- (1) infiltrating fighters, often disguised as “volunteers,” who thus can be said to be acting individually and from their own will;
- (2) recruiting fighters by preaching hatred and violence and otherwise inciting others to violent action;

* Discussion Paper for the 41st Annual Meeting of Deans and Directors of Diplomatic Academies and Institutes of International Relations — The International Forum on Diplomatic Training (IFDT) — held at the Department of International Relations and Cooperation (DIRCO) Pretoria, South Africa, September 25–26, 2014.

(3) supply in garms, and other materials used in warfare, including even weapons of mass destruction (WMD) such as poison gas, contagions, or radioactive materials;

(4) contributing money, for the payment of combatants and other operatives and for the purchase and shipment of weapons and other supplies they use;

(5) providing technical help, including communications technology and intelligence data;

(6) offering diplomatic “cover,” by publicly defending the positions taken by the parties in a conflict, and possibly even “harboring” the persons or groups actively involved in the fighting; and

(7) manipulating the world’s media, not just through propaganda campaigns but also through more subtle methods such as influencing the language, including names and other terms, of a conflict. One thinks of words and phrases such as “crusade,” “jihad,” or “war on terror.”

The above is hardly an exhaustive listing. No doubt there are additional ways of enabling — including some that haven’t been tried or perhaps even thought of yet.

As is clearly suggested by what I have said so far, the word “enable” considered in the context of today’s security-related conflicts has a *negative* connotation. In certain other present-day realms, such as that of business enterprise and economic development, however, the word has an entirely *positive* connotation. To “enable” something, to make it possible, seems a good thing. Even in the field of international politics and diplomacy, it should be remembered, the idea of providing assistance to a party to a conflict may be viewed only favorably. This is, of course, partly a matter of perspective. An enabler, from the point of view of an adversary, is an “enemy.” From

the point of view of the party receiving the support, however, an enabler might be a highly valued “friend” and “ally”.

To give an example of the favorable use of the word “enable,” from my own particular field of study and teaching, U.S. diplomatic history, I would cite the role of monarchical France in supporting the American Revolution. There is a passage in Richard B. Morris’s *The Peacemakers: The Great Powers and American Independence* (1965) which reads: “In 1776 Louis XVI’s uncle joined with his nephew in setting up an initial fund for the thinly masked operation by which Caron de Beaumarchais was *enabled* [emphasis added] to ship desperately needed munitions to America.” It has been estimated that as much as nine-tenths of all the military supplies used by the Americans in the early years of the Revolutionary War came from French sources — from French “enablers.” The very existence of the United States of America today, it could be argued, is the result of this early French support.

This realization is, for me as an American, “nationally” self-revealing. My own country, the United States, might today be in fact the world’s biggest enabler. One thinks of the range of support it has given and still gives, sometimes surreptitiously, to those it views as freedom fighters — including certain of the rebel forces now engaged in Syria, whether contending against the Assad regime or in opposition to ISIS. The United States is not alone, of course, in supporting military as well as humanitarian efforts inside that deeply-conflicted country and its surrounding region.

Enabling thus can be viewed very differently, depending in part on what side or (in complex situations like Syria) sides one is on. It is an ambiguous term. The phenome-

non of enabling conflict and perhaps its ultimate resolution is, historically, so recurrent that it should be possible to describe it comprehensively, and objectively — “scientifically,” if you will. Enabling — the word and what it describes — is something that should be readily recognizable to all, irrespective of the partisan positions of those involved in it. In order to try to develop something approaching a *neutral* concept of what enabling is, as a basis for considering how enablers should be dealt with by diplomats (who *themselves* might be involved in “enabling”), I would offer for consideration this set of defining characteristics:

(1) an enabler is not *itself* directly engaged in the conflict — that is, a party to the fighting or other violent contention;

(2) the support that an enabler gives to those that are directly involved in a conflict is to some degree *hidden*, and, accordingly, not acknowledged — not necessarily with an outright lie, i.e., with a denial, but with perhaps a “neither confirm nor deny” (“NCND”) response to questions that might be asked;

(3) the support that is given by an enabler is, for the most part, *intentional*, if not necessarily the expression of a publicly stated or otherwise well-defined policy. The degree of intentionality, however, can be highly variable, especially as enabling activity proceeds through long and sometimes very “loose” chains of command and delivery;

(4) What is fairly certain, even when intention is not acknowledged or otherwise clearly evident, is the fact of an underlying *interest* that an enabler has in providing aid. There can sometimes even be a “codependent” relationship, in which the donor *needs* the recipient — as occurs in the realm of interpersonal psychology (regarding eating disorders, gambling, alcoholism,

etc.) where the term “enabler” is well established.

(5) Even without the existence of an actual *relationship* — analogous to that between a drug dealer and customers, for example — there can be enablement-cooperation in a situation where a government has an *independent* interest in a subject, and acts separately, but also *in effect* helpfully — entirely for its own reasons. This observation may apply also to media organizations, with their appetite for news and the intense competitive pressures they are under — to get there first, and to spread the “story” fastest and farthest. Although news organizations and professional journalists consider themselves — as only observers — to be impartial, they also can *in fact* be enablers of conflict. The “CNN effect” was in part an enabling effect. Especially at risk of interfering in conflict in this way are reporters “embedded” with combatting forces, whether on a government side or that of an insurgency.

(6) The unstated goal of enablement, all too commonly, may be less the *conclusion* of a conflict — with one side or the other actually winning or, perhaps, withdrawing from a fight — than its *continuation*. The motivation behind such an apparently cynical attitude (if this interpretation is correct) can vary. Basically, however, the explanation probably comes down to the realization that an existing conflict is, in Donald Rumsfeld’s sense, a “known”. To bring a conflict, such as the evenly balanced war between Iraq and Iran in the 1980s, to an end would take policymakers into the “unknown” realm, even the dreaded world of “*unknown unknowns*”.

(7) Implicit in enablement is *control*. By contributing to the maintenance of a conflict, especially in a way that is not public and committal, an enabler can carefully

limit, calibrate, and time the assistance given so as to attempt the *management* of the conflict. This observation might even be applied, fairly or unfairly, to United Nations peacekeeping operations, such as the continuing UN presence in Cyprus, which, as some critics have suggested, has served to perpetuate that island's division by making resolution of its conflict unnecessary.

(8) The very involvement of outsiders-as-enablers does have the effect of *enlarging* a conflict, despite even a declared purpose of confining, or “containing” it. The involvement of additional countries in a containment effort, in a paradoxical way, can spread the conflict as an *issue* of international concern, if not in the physical sense of extending the fight itself. History is full of examples. The Non-Intervention Committee, composed of France, Great Britain, Fascist Italy, Nazi Germany, and the Soviet Union, that was set up after the outbreak of the Spanish Civil War to control the flow of war materials into Spain, with eventually some twenty-four countries involved, is a case of such “internationalization” of a conflict. “Non-intervention” then became almost a synonym for *intervening*. The various “contact groups” of recent decades also sometimes have widened the scope of a conflict-*issue*, if not the actual conflict itself.

(9) To give aid, comfort, and “cover” to the parties in a particular conflict can *instrumentalize* the recipient regime, political faction, or insurgent group — making a *tool* of it. In the 1980s the United States and the Soviet Union waged in various regions of the world, including Central America and parts of Africa, a series of “proxy wars” — that is, conflicts between local parties waged, to some degree, *on behalf of* their more powerful distant donors. Owing to the unacceptable risks involved, including that

of strategic nuclear war, leaders in Washington and Moscow did not dare to engage, directly and openly, in the struggles themselves. “Better to let others fight” — *enabling* them to do so. Some of the U.S. and Soviet proxies, to be sure, were quite willing to be “used.” Their own interests, and even survival, were at stake.

(10) For professional diplomats, whose own governments may be involved in a double game of “*non-intervening*” but *intervening* in the affairs of countries in conflict, the role of enabler, to the extent that diplomats themselves share in it, can be a very uncomfortable one. Like their government masters, they are, as official representatives of an individual state with distinct national interests to defend, committed also to uphold “the purposes and principles of the Charter of the United Nations concerning the sovereign equality of States, the maintenance of international peace and security, and the promotion of friendly relations among nations” (Preamble of the 1961 Vienna Convention on Diplomatic Relations). Furthermore, as accredited members of a diplomatic mission in a foreign capital, they have the stated “function” of “promoting friendly relations between the sending State and the receiving State” (VCDR, Article 3 (e)). To do this and, at the same time, to be involved in the clandestine and possibly illegal “enabling” of operations relating to a conflict within a host country or its region — no matter whether in support of a government or in opposition to it — is, at best, compromising. The role of the enabler is, one might even go so far as to say, *anti-diplomatic*.

A strong inference that could be drawn of the above line of argument is that diplomats *as diplomats* are, and also should

be, largely **left out** of contemporary conflict. Yet such a conclusion seems unrealistic, and even unacceptable — as I suspect it would be to most diplomats themselves. During the Second World War, U.S. and other Allied diplomats “fought” alongside soldiers, using all-but-military means in order to achieve victory in a cause that their peoples considered to be right and just. Peace, of course, was the ultimate objective. Even during the Cold War, almost no holds were barred, with diplomats being involved in political, economic, and psychological warfare, not only enabling it but sometimes themselves conducting it. East-West agreement on the VCDR was a remarkable, and welcome, mutual constraint. With the ending of the Cold War in the late 1980s, a “new world order” seemed possible, a globalized world in which diplomacy and peaceful resolution would prosper. The nature of today’s “contemporary conflicts” in the Middle East and elsewhere, however, has challenged this diplomatic assumption.

Within the United States at least, government officials involved in the work of dealing with conflicts abroad recognize the inadequacy of military solutions and the necessity of diplomatic — more broadly, civilian — involvement in coping with them. The most prominent such proponent of an increased role for diplomats in this context is former Secretary of Defense Robert M. Gates. While in office he even managed to shift funds from the Department of Defense to the Department of State in order to enhance its role in Afghanistan and Iraq, for example in the Provincial Reconstruction Teams (PRTs). Secretary Gates said in a widely quoted, still-mentioned speech at Kansas State University on November 26, 2007: “Despite new hires, there are only about 6,600 professional Foreign

Service officers — less than the manning for one aircraft carrier strike group.” He added: “What is clear to me is that there is a need for a dramatic increase in spending on the civilian instruments of national security — diplomacy, strategic communications, foreign assistance, civic action, and economic reconstruction and development.”

Diplomats, properly trained, funded, and authorized, can be positive *enablers* in all of these fields, which involve new challenges not just to “national security” but, more fundamentally, to human survival on earth. I would like to suggest, and very briefly to describe in concluding, three general areas in which diplomats — U.S. diplomats and other countries’ diplomats as well — need to be further empowered and also more specifically trained. A first area is that of international law and organization — more precisely, in what I would describe as *the organizing of legitimacy*. A second area is that of economic development — more precisely, what I would call *the business of enterprise*. The third area is that of politics — more exactly, let me call it, *the diplomacy of domestic engagement*.

First, **the organizing of legitimacy**. For most action at the international level today, cooperation between the United States, which finds that it cannot act effectively alone, and other countries is essential. Many problems, such as global warming, are inherently “multilateral.” Even “bilateral” ones, such as those connected with the history-based relationship between the United States and Liberia, often have regional and still-wider dimensions. Especially in the peace and security field, action by the international community is very difficult to achieve in the absence of an international legal mandate — that is, a clearly and strongly stated United Nations Securi-

ty Council Resolution — without the convincing appearance of “legitimacy.” Coordinated acceptance by leading governments of common principles, often already incorporated in the national laws of countries, that may warrant and support joint action is required. This needs to be coordinated by diplomats.

Among the current examples of areas in which such inter-governmental legal-diplomatic coordination is needed is that involving restrictions on nationals of the participating countries who have become, or who are inclined to become, “foreign fighters.” Profound issues of freedom versus security are involved. With President Barack Obama presiding, the UN Security Council, acting under Chapter VII of the Charter, on September 24, 2014, *decided* by a 15-0 vote “that Member States shall, consistent with international human rights law, international refugee law, and international humanitarian law, prevent and suppress the recruiting, organizing, transporting or equipping of individuals who travel to a State other than their States of residence or nationality for the purpose of the perpetration, planning, or preparation of, or participation in, terrorist acts or the providing or receiving of terrorist training, and the financing or their travel and of the activities.” The Council *decided* further “that all States shall ensure that their domestic laws and regulations establish criminal offenses sufficient to provide the ability to prosecute and to penalize in a manner duly reflecting the seriousness of the offense” (S/RES/2178). That cannot happen automatically. Diplomacy will be needed, within the Global Counterterrorism Forum and also in bilateral exchanges of “best practices.” Embassies must have personnel with legal training and with knowledge

of the legal systems of the host country as well as their own country in order to be able to help in — to enable — the establishment of the desired legislative and administrative regimes necessary for effective, and “legitimate,” enforcement. In the health diplomacy field as well, careful coordination of national policies, rules, and procedures will be required.

Second, **the business of enterprise**. For areas of the world that have been devastated by conflict, as well as regions where economic development has hardly begun, help in getting “enterprise” started — that is, future-oriented, constructive effort capable of being sustained locally and even of transforming countries and their regions — is urgently need. Such business-based action requires imagination, investment, planning, expertise, and adroit implementation. While diplomats themselves are rarely authorized to carry out such projects, let alone be their sponsors or their architects, today’s foreign ministries should include persons having financial knowledge, business acumen and awareness, and also management experience who can help — enable — projects that are envisioned to become realities. The Marshall Plan — and the role of diplomats, not only American, in devising the European Recovery Program and helping it to succeed — is a continuing object lesson, both as an instruction and as an inspiration. The administrator of the Plan for the United States was Paul G. Hoffman, a leading business executive. Increasingly, the need for public-private cooperation in any grand collaborative undertaking such as the ERP, or proposed “Marshall Plan”-like projects for other damaged regions including areas of the Middle East in need of reconstruction, has become obvious. It will surely be prominent in any rebuilding efforts that that

are undertaken — as eventually must occur, in Gaza, in Aleppo, and in many other places in the Middle East. Diplomats, properly trained, can be in the lead in enabling the business and other partnerships necessary for the recovery and future growth of this and other regions.

Third, **the diplomacy of domestic engagement.** Most, though certainly not all, of the most pressing problems in the world today are internal to nations' societies. They arise locally, they have been enabled there, and they therefore must be dealt with there. Foreign and domestic affairs are more and more intertwined. Diplomats must be trained in, and able to act in, *both* spheres. "Public diplomacy," in particular, knows no territorial bounds today. State boundaries, of course, do exist and political jurisdictions are limited. Any action that crosses jurisdictional lines must be carried out with great sensitivity. This applies to humanitarian action no less than to military action. Here, too, transnational "legitimacy" needed. Interventions by Western powers can engender suspicions of being "neo-colonial." In order for the World Health Organization and also purely private groups such as Partners in Health or *Mdecins Sans Frontières* to intervene successfully in Liberia, Sierra Leone, and neighboring parts of West Africa, the way must often be cleared diplomatically, and with tactful diplomacy.

In order to be able to work directly with people in communities in Africa, in trying to arrest the spread of the Ebola virus, explicit authorization and local permission may be needed. This must be negotiated. On-the-spot personal "credibility" also is necessary if any progress is to be achieved. Diplomatic staff who have medical training as well as medical staff with diplomatic skills can be enablers of life-giving help. Given

the "critical nature" of health diplomacy work, the U.S. Department of Health and Human Services states, as part of its Global Health Strategy, it is essential "to provide increased structure in both short- and long-term career development for staff" in carrying out vital new "functions". These include serving as health attachés with selected U.S. embassies as advisers to ambassadors and also for purposes of international cooperation, as well as partnering with the Department of State "to bolster knowledge about global health among the diplomatic corps" and strengthening "diplomatic knowledge, negotiation skills and understanding of development principles for HHS field staff and technical health experts" themselves. Diplomacy must be pervasive in a whole-of-government approach to dealing with global health issues.

In addressing this novel topic — "The Role of Enablers in Contemporary Conflicts" — from an American perspective, as I inevitably do, I confess that my mind's eye initially was cast *elsewhere* in the world for "trouble spots" to countries and places distant from the United States. But I quickly realized that the United States, too, is a locale of "contemporary conflict". I had in mind not so much "9/11" — the Al Qaeda attacks on the World Trade Center and the Pentagon, and the Global War on Terror that ensued. I was thinking about what had just recently happened in Ferguson, Missouri, where a young black man was shot multiple times by a white policeman, and rioting and militarized repression followed. One of the *de facto* "enablers" of that race-related and, partly for that reason, very widely reported struggle, it was soon realized, was the U.S. Congress, which had passed a law enabling local police forces to obtain surplus heavy

military vehicles and other military-style equipment never intended for domestic use. Grant funds from the Justice Department and the Department of Homeland Security, which was set up following 9/11 to protect the country from future terrorism, also contributed to the “military force” image of the local police response and that of the National Guard, which the Missouri governor called in. Amnesty International, intervening for the first time ever within the United States, sent a human rights observer team to Ferguson. UN Secretary-General Ban Ki-moon, through his spokesman, called on the local authorities “to ensure that the rights to peaceful assembly and freedom of expression are protected”, and for law enforcement officials “to abide by U.S. and international standards in dealing with demonstrators”.

At the time I received an e-mail message from a recently graduated Fletcher School student, a Haitian-American who had gone to work for the State Department. Stéphane asked: “How is the unequal treatment at home making our foreign policy agenda more difficult? Has there been any research done on that? How can American foreign policy professionals attempt to make the rest of America understand that their actions have a direct negative effect on our initiatives abroad? I don’t have the answer to this...”

I didn’t, and don’t, either. The best I then could do in response to Stéphane Larochewas to write: “Maybe our foreign policy leaders, including ambassadors abroad, when at home, should speak out — even by going to Ferguson, for example — and tell Americans what commentators and ordinary persons in the countries to which they are accredited are saying, disappointedly, and maybe angrily, about the United States”.

The *domestic* aspects of public diplomacy are today becoming more and more im-

portant. Local audiences, though not always receptive, are less and less *narrow-minded* audiences. They are willing to be informed. Encounters and conversations with diplomats can further broaden their horizons and deepen their understanding of issues known otherwise only through the global media.

Diplomats, with their knowledge and skills in negotiation, should be available to engage in local mediation. Former U.S. Senator George Mitchell, by profession a lawyer and a judge, offered his mediating help to the people of Northern Ireland, where peace finally was achieved with the 1998 Good Friday Agreement. He later tried mightily to achieve the same as the U.S. Special Envoy for the Israeli-Palestinian conflict. Other American emissaries, too, have in the past served as peace emissaries and local mediators abroad. So also, in unusual circumstances, have foreign diplomats contributed to stability and peace within the United States. This happened during the 1977 Hanafimilitants’ siege in Washington, D.C., when three leading Muslim ambassadors — Egypt’s Ashraf Ghorbal, Pakistan’s SahabzadaYaqub-Khan, and Iran’s ArdashirZahedi — successfully interceded, thereby preventing further loss of life in the nation’s capital.

Civilization, today, is global, and indivisible between home and abroad. Diplomats are instruments of the entire international community as well as of the states that send and receive them. In that sense, they are and should be “at home” everywhere. Ambassadors, as François de Calières wrote long ago, are men (and today women too) “of peace”. What they enable, for themselves and for their sovereigns and their peoples, should be for the common good.

Роль возможностей в современных конфликтах и возможности дипломатов реагировать на них: американский подход

Алан Хенриксон, профессор истории дипломатии,
директор центра исследования дипломатии
Факультета права и дипломатии Университета Тафтс

Аннотация. Природа современного конфликта сама по себе вызывает вопросы. Конфликт уже не представляет собой только столкновение вооруженных сил или даже иную форму насилия. Он не обязательно всегда является результатом проявления открытой враждебности или давней ненависти, сегодня им может быть практически любой случай крайней напряженности, которая вызвана человеческим безрассудством как внутри, так и между обществами. Конфликт — это борьба, внутренняя или внешняя. Его сущность и форма могут изменяться, подчас внезапно, вследствие тех или иных событий. Для того, чтобы разрешить современные конфликты, могут потребоваться новые структуры, меры и методы, а для дипломатов — дополнительные знания и навыки.

Ключевые слова: теория международных отношений, конфликт, условия.

The Role of Enablers in Contemporary Conflicts — and the Enabling of Diplomats to Respond to them: an American Perspective

Alan K. Henrikson, Lee E. Dirks Professor of Diplomatic History and the
Director of Diplomatic Studies at The Fletcher School of Law and Diplomacy,
Tufts University

Abstracts. The nature of “contemporary conflict” is itself problematical. No longer is conflict only the clash of military arms or even another form of violence. Conflict need not always be the result even of explicit antagonism, of “ancient hatreds.” It can nowadays be almost any situation of extreme tension that arises from human desperation within and between societies. Conflict is struggle — inner as well as outer. Its nature and shape can change, sometimes suddenly, owing to events. Dealing with “contemporary conflicts” today can require new structures, new measures and methods, and, for diplomats, additional knowledge and new skills. I shall suggest — after a brief listing of what enablers are doing in today’s world, and then a consideration what the notion of “enablement” is, and what its implications are — several ways in which diplomats themselves might need to be further enabled, with new resources and further training.

Key words: IR Theory, Conflicts, Enablers.

САУДОВСКАЯ АРАВИЯ ПОСЛЕ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»: ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ПЕРСПЕКТИВА РЕФОРМ

Гасымов Н.А.

2011 год ознаменовался ростом самосознания арабов, волной революций, крушением старых режимов или их трансформацией во многих странах арабского мира в регионе Ближнего Востока и Северной Африки¹. Неспособность арабской элиты к проведению давно назревших социально-политических, экономических реформ, вкупе с адаптацией к демократическим изменениям в мире, стали причиной крушения старых режимов в Тунисе, Египте, Йемене, привели к затяжной гражданской войне в Ливии и Сирии.

На первый взгляд, сам по себе акт самосожжения торговца Мохаммеда Буазизи в городе Сиди-Бузид — событие экстраординарное, он так бы и остался единичным случаем, но событие, подхваченное социальной сетью, СМИ, произвел эффект разорвавшейся бомбы не только для Туниса, но и для всего арабского мира, получив название «Арабская весна».

По сравнению с республиканскими режимами, арабские монархические политические системы не сильно затронули революционные потрясения, режимы, умело маневрируя перед требованиями протестующих, продемонстрировали устойчивость системы.

В этом ряду особо выделяются конституционные монархии в Иордании и Марокко, высокая степень их прочности обеспечивалась в первую очередь высоким авторитетом правящих династий, восходящих от пророка Мухаммеда².

Особо следует отметить, что протестные выступления в монархиях Персидского залива и Северной Африки не были направлены против правящих режимов, политические движения, участники парламентской оппозиции подчеркивали свою лояльность властям, как и монархическим принципам управления.

Самим фактом истории создание государственности главным образом связано с властью правящих династий, которые брали ответственность за судьбу страны, экономическое благополучие и безопасность своих подданных. В последние десятилетия в монархиях Персидского залива последовательно проводятся политические реформы, были приняты конституции, в соответствии с которыми создавались представительные органы, появились возможности для участия граждан в принятии политических решений. Однако все эти пре-

¹ Последние события мало затронули лишь режимы на периферии Арабского мира: Коморские о-ва, Сомали, Джибути.

² Исаев Л.М. Демократическая зима в Северной Африке // Неприкосновенный запас. 2011. № 3 (77). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/is15.html> [Isayev L.M. Demokraticeskaja zima. 2011. № 3 (77). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/is15.html>].

образования были недостаточными для трансформации режима в парламентскую монархию, как и в арабских республиках, здесь в силу ряда причин не сформировалась полноценная политическая оппозиция, она не обладает опытом парламентской деятельности. В арабских монархиях, за исключением КСА, действует выборный парламент, однако он не может формировать кабинет министров, его контрольные функции за деятельностью правительства сильно ограничены. Поэтому естественным требованием протестующих, помимо экономических требований и борьбы с коррупцией, стали требования продолжения реформ и изменения конституции.

Королевство Саудовская Аравия является одним из самых закрытых и консервативных государств на Ближнем Востоке. Несмотря на его относительную изолированность от региона, волнения в арабском мире затронули и королевство Саудитов. 22 января 2011 г. в городе Самта, провинция Джизан, неизвестный мужчина в знак протеста совершил акт самосожжения, вскоре от полученных ранений он скончался. Эти события, как и аналогичные случаи в других арабских государствах, спровоцировали волнения в королевстве³. Через несколько дней в Джидде произошла акция протеста, вызванная плохой работой городской инфраструктуры после сильного наводнения. Акция была пресечена через 15 минут после ее начала, были задержаны около 30–50 человек⁴.

³ Man dies after setting himself on fire in Saudi Arabia // BBC News Middle East. 2011. Jan. 23. URL: <http://www.bbc.co.uk/news/world-middle-east-12260465>

⁴ Dozens detained in Saudi over flood protests // Peninsula News Paper. 2011. Jan. 28. URL:

Тем временем в Эр-Рияде 23 февраля 2011 г., в день возвращения короля после трехмесячного лечения, было распространено обращение к монарху «Заявление 23 февраля», подготовленное группой «либеральных интеллектуалов» — «Молодежью Фейсбук». В заявлении авторы коснулись проблемы соседних арабских государств, что данные режимы не прислушивались к чаяниям народа, игнорировали необходимость перемен, результатом чего стало кровопролитие, сползание в анархию, попрание основ существования государства и правопорядка. Нельзя допустить, продолжали они, «чтобы негативные последствия революций затронули королевство». Чтобы избежать этих разрушительных для страны последствий, молодежь призывала провести назревшие реформы, либерализовать политическую систему, превратить Консультативный совет в полноценный избираемый парламент. Далее активисты требовали обеспечить независимость судебной системы, «легализацию политических партий, отмены цензуры в отношении СМИ, освобождение политических заключенных, предоставление политических и гражданских прав женщинам»⁵.

Несколькими днями ранее представитель старшего поколения саудовской королевской семьи принц Талал Бин Абдул Азиз дал интервью BBC Arabic

<http://www.thepeninsulaqatar.com/middle-east/140720-dozens-detained-in-saudi-over-flood-protests.html>

⁵ Косач Г. Саудовская Аравия и «арабская весна» // Свободная мысль. 2013. URL: <http://svom.info/entry/246-saudovskaya-araviya-i-arabskaya-vesna/> [Kosach G. Saudovskaja Aravija // Svobodnaja mysl. 2013. URL: <http://svom.info/entry/246-saudovskaya-araviya-i-arabskaya-vesna/>].

TV, где он предупреждал об угрозе распространения волнений в Саудовскую Аравию, в случае если правительство не проведет необходимых реформ, не расширит полномочий Консультативного совета, не реализует права человека и права женщин⁶. Его сын, крупный бизнесмен и миллиардер Аль-Валид ибн Талал ибн Абдель Азиз аль Сауд, в своей статье в газете New York Times продолжил мысль отца, автор высказал свое видение причин недавних судьбоносных событий в Арабском мире⁷. На его взгляд, помимо социально-экономических причин и проблемы безработицы среди молодого населения, сказалась проблема полного отчуждения между управляющими и управляемыми, элиты более не могут управлять людьми устаревшими методами, как и «предполагать, что население и далее останется инертным и задавленным». Поэтому, чтобы предотвратить общественные потрясения, автор рекомендовал властям продолжать реформы, начать широкий общественный диалог.

Сразу после прибытия король Абдалла бен Абдель Азиз издал указ о широкомасштабной помощи в размере 121 млрд саудовских риалов (около 34 млрд долл. США) на нужды социального обеспечения, строительства жилья для молодых семей. Большая часть средств направлялась на борьбу с безработицей, повышение на 15% заработной платы госслужащих, повышение

стипендий и развитие системы профессиональной подготовки женщин⁸. Король обещал амнистировать некоторых политических заключенных, однако основные требования молодежи были им проигнорированы.

Через несколько дней, 27 февраля, было предано гласности «Заявление 123», подписанное сто двадцатью тремя университетскими преподавателями, юристами, экономистами, правозащитниками и предпринимателями. Заявление содержало примерно тот же перечень требований трансформации режима в конституционную монархию, авторы заявления подчеркивали, что выступают «не против существующей власти, а солидаризируются с теми ее представителями, в первую очередь королем, которые призывают к реформам»⁹.

11 марта 2011 г. молодежью из сети Фейсбук был назначена акция протеста в столице страны Эр-Рияде. Требования протестующих были те же: освобождение политзаключенных, независимость судебной системы; свобода слова, собраний и т.д.¹⁰ Несмотря на то, что на странице Фейсбук около 34 тыс. пользователей выразили поддержку намечающемуся «дню гнева», на акцию протеста вышли всего несколь-

⁶ Saudi Prince Says Protests May Move to Kingdom, BBC Arabic Says // Bloomberg. 2011. Feb. 18. URL: <http://www.bloomberg.com/news/2011-02-18/saudi-prince-says-protests-may-move-to-kingdom-bbc-arabic-says.html>

⁷ A Saudi Prince's Plea for Reform // The New York Times. 2011. Feb. 24. URL: http://www.nytimes.com/2011/02/25/opinion/25alsaud.html?_r=0

⁸ The return of the reformist King // Asharq Al Awsat. 2011. Feb. 23. URL: <http://www.aawsat.net/2011/02/article55247414>

⁹ Косач Г. Саудовская Аравия и «арабская весна» // Свободная мысль. 2013. URL: <http://svom.info/entry/246-saudovskaya-araviya-i-arabskaya-vesna/> [Kosach G. Saudovskaja Aravija // Svobodnaja mysl. 2013. URL: <http://svom.info/entry/246-saudovskaya-araviya-i-arabskaya-vesna/>].

¹⁰ Saudi Arabia's "Day of Rage" Passes Quietly // Time. 2011. Mar. 11. URL: <http://content.time.com/time/world/article/0,8599,2058486,00.html>

ко сотен активистов. Аналогичные демонстрации прошли и среди шиитского населения в богатых нефтью восточных районах страны, где помимо демократизации общественно-политической ситуации звучали требования против дискриминационной политики шиитского населения, протестующие выступали за конфессиональное равноправие в государстве. Таким образом, намечающаяся революция так и не произошла, тут сыграли роль и грандиозные запасы нефти, позволившие правящему режиму «откупиться» щедрой социальной программой, работа государственных органов безопасности, широкомасштабная государственная пропаганда, от проповедей муфтиев мечетей до ведущих саудовских изданий¹¹.

Наибольшее беспокойство у саудовских властей вызвал рост протестных настроений в среде шиитского населения на наиболее богатом в ресурсном отношении востоке страны. В начале марта волнения, начавшиеся в аль-Катифе и аль-Амавийа, стали самыми серьезными после 1979 г. Протесты продолжались свыше года, приводили к многочисленным жертвам с обеих сторон. Дополнительным импульсом для недовольства жителей востока страны стал ввод саудовской армии и службы безопасности в Бахрейн 14 марта 2011 г., где также по примеру соседей были организованы многотысячные выступления их единоверцев. Официальные

власти утверждают, что недавние акции протеста вызваны вмешательством иностранной державы, под которой неизбежно подразумевается Иран. В своем телевизионном обращении Министр внутренних дел отметил, что «иностранная держава пытается подорвать национальную безопасность, разжигая рознь в аль-Катифе»¹². Зачастую власти до сих пор видят в шиитах «пятую колонну» — проводников влияния давнего своего противника Ирана. Особую озабоченность среди правящих кругов вызвало то, что помимо традиционных требований реформы государственного устройства, освобождения политзаключенных, гражданского и конфессионального равноправия, зазвучали лозунги против правящего дома аль-Саудов, в частности за отставку министра внутренних дел, наследника престола принца Наифа ибн Абд аль-Азиза¹³.

Традиционной сферой противостояния религиозной власти и «образованного класса» стала проблема женской эмансипации. С 2005 г. королем были предприняты ограниченные шаги в этом направлении, женщинам позволили получать удостоверения личности, становиться служащими управлений гражданской обороны и министерства торговли и промышленности, ректорами университетов для женщин, избираться в руководящие органы торгово-промышленных палат, ассоциации

¹¹ Косач Г. Саудовская Аравия и «арабская весна» // Свободная мысль. 2013. URL: <http://svom.info/entry/246-saudovskaya-araviya-i-arabskaya-vesna/> [Kosach G. Saudovskaja Araviya // Svobodnaja mysl. 2013. URL: <http://svom.info/entry/246-saudovskaya-araviya-i-arabskaya-vesna/>].

¹² Saudi police 'open fire on civilians' as protests gain momentum // The Independent. 2011. Oct. 05. URL: <http://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/saudi-police-open-fire-on-civilians-as-protests-gain-momentum-2365614.html>

¹³ The return of the reformist King // Asharq Al Awsat. 2011. Feb. 23. URL: <http://www.aawsat.net/2011/02/article55247414>

журналистов и литературных клубов¹⁴. Женщины все еще не имели права получать водительские права, свободно путешествовать, открывать бизнес, избирать и быть избранными в государственные учреждения и т.д. В результате группа женщин начала кампанию в Фейсбуке за разрешение им свободно водить автомобиль¹⁵. Частью кампании было то, что женщины стали в открытую водить машину, демонстративно нарушая официальный запрет, выкладывая затем в Интернет свои фотографии и видео за рулем. По словам активисток, протест продлится до тех пор, пока в стране не будет принят королевский указ, отменяющий запрет женщинам водить автомобиль.

Шагом навстречу правам женского населения стало историческое заявление короля, произнесенное им 25 сентября 2011 г., согласно этому заявлению впервые женщинам предоставлялось право голосовать и выдвигать свою кандидатуру на следующих выборах муниципального совета в 2015 г. Несмотря на это революционное для страны заявление, король так и не коснулся проблемы дискриминации женщин, института мужского опекуна над женщинами и наложенного запрета на вождение автомобиля¹⁶. 11 января 2013 г., вопреки сопротивлению консервативных групп

духовенства, впервые в истории страны в работу Консультативного совета были допущены женщины. Король назначил на четырехлетний срок 30 женщин в состав совета. Декретом было установлено, что отныне женщины должны составлять по крайней мере одну пятую часть совета из 150 человек. Было принято решение, что в совет также войдут четыре шиита, в том числе одна женщина, что на одно место больше, чем в предыдущих созывах¹⁷.

Арабская весна лишний раз актуализировала ССАГПЗ¹⁸ в качестве приоритетной для саудовской внешней политики международной структуры. Особенная роль этой организации возросла во время бахрейнских событий и после ввода армейских подразделений «Щит полуострова» для подавления шиитского восстания в Манаме. Дополнительным источником угрозы для режимов традиционно рассматривалась политика Ирана в регионе и его ядерные амбиции. Таким образом, для аравийских монархий, имеющих в своих странах значительный процент шиитского населения, организация стала одним из инструментов поддержания

URL: <http://www.hrw.org/news/2011/09/26/saudi-arabia-women-vote-join-shura-council>

¹⁴ Косач Г. Саудовская Аравия и «арабская весна» // Свободная мысль. 2013. URL: <http://svom.info/entry/246-saudovskaya-araviya-i-arabskaya-vesna/> [Kosach G. Saudovskaja Aravija // jurnal "Svobodnaja mysl". 2013. URL: <http://svom.info/entry/246-saudovskaya-araviya-i-arabskaya-vesna/>].

¹⁵ Saudi woman claims she was detained for driving // CNN. 2011. May 27. URL: <http://edition.cnn.com/2011/WORLD/meast/05/21/saudi.women.drivers/>

¹⁶ Saudi Arabia: Women to Vote, Join Shura Council // Human Rights Watch. 2011. Sep. 26.

¹⁷ Саудовский король назначил в Совет Шуры 30 женщин // BBC. Русская служба [12.01.2013]. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2013/01/130111_saudi_women_shura.shtml [Saudovskij korol naznachil v Sovet Shury 30 jenshin // BBC. Russkaja slujba. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2013/01/130111_saudi_women_shura.shtml].

¹⁸ Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) — региональная международная организация, созданная 25 мая 1981 г., объединяющая шесть аравийских монархий. Основной целью организации является координация, сотрудничество и интеграция во всех экономических, социальных и культурных и военных делах.

стабильности, безопасности и территориальной целостности правящих суннитских режимов. Результатом такого взаимодействия стала договоренность 25 декабря 2012 г. на саммите стран ССАГПЗ в Манаме о создании единого военного командования. По итогам встречи генеральный секретарь регионального содружества Абдель Латиф аз-Зайяни заявил, что объединенное руководство вооруженными силами будет планировать и управлять наземными, воздушными и морскими силами¹⁹.

Таким образом, с учетом социокультурных, исторических и других факторов перспектива демократизации в Королевстве Саудовская Аравия довольно туманна. Распространение демократии действительно довольно редкое явление в арабских странах. И все же, на наш взгляд, отсутствие процесса демократизации в арабских странах прежде всего связано с огромными месторождениями нефти, а не с особенностями культуры или религии.

В последние годы исследователи, изучающие мусульманский мир, разрабатывают теорию «государства-рантье». Согласно этой теории, страны — обладатели крупных финансовых ресурсов от продажи нефти характеризуются тенденцией к сохранению авторитарной формы правления²⁰. Государства, получающие огромные доходы от продажи нефти, газа и других сырьевых ресурсов, как прави-

ло, не нуждаются в налогообложении своих граждан. Граждане нефтедобывающих стран зависимы от государственных субсидий и рабочих мест, гарантированных правительством, следовательно, позиции гражданского общества в этих странах уязвимы. Безусловно, эта тенденция ярко выражена в Саудовском королевстве, где демократические институты не успели сформироваться до того, как в страну потекли нефтяные богатства²¹.

В целом государственная и общественная система КСА продемонстрировала прочность и стабильность перед внутренними вызовами и нарастающим давлением со стороны общества. Этому способствовало и наличие у государства огромных финансовых возможностей в проведении социальной политики, относительное экономическое благополучие населения в сравнении с арабскими государствами, не имеющими крупных запасов нефти, высокая популярность фигуры короля и его династии в обществе, консолидированность элиты перед лицом угрозы роста нестабильности и нарушения общественного порядка. Кроме того, участники протеста не имели четкой программы действий, волнения в столице и на востоке страны развивались как спонтанное массовое выступление, протестующие так и не смогли организационно оформиться. В результате ограниченные шаги со стороны государства так и не устранили фундаментальные противоречия между все более набирающим силу классом молодых и образованных людей, уль-

¹⁹ Аравийские монархии планируют создать единое военное командование // ИТАР-ТАСС. Мир [25.12.12]. URL: <http://www.itar-tass.com/c11/610041.html> [Aravijskiye monarhii planiruyut sozdat edinoye voyennoye komandovaniye // ИТАР-ТАСС. МИР. URL: <http://www.itar-tass.com/c11/610041.html>].

²⁰ Ross M. Does oil hinder democracy? World Polit. 53. 2001. P. 325–361.

²¹ Bayulgen O. Foreign investment, oil curse, and democratization: a comparison of Azerbaijan and Russia. Business Polit. 2005. 7: article 3 [Electronic resource]. URL: <http://www.bepress.com/bap/vol7/iss1/art3>

траконсервативных клерикалов и правящим домом, стремящимся сохранить статус-кво. Вместе с тем закрытость страны, сохранение традиционно сильных позиций клерикальных групп в обществе и государстве, вследствие этого затяжной процесс политической и ин-

ституциональной модернизации, как и присутствие шиитского фактора в политике государства, накладывает отпечаток на весь ход развития политической истории Саудовской Аравии, сохраняя потенциал протестных выступлений и в будущем.

Саудовская Аравия после «арабской весны»: внутривнутриполитические процессы и перспектива реформ

Гасымов Нурлан Алисаевич, аспирант 3-го курса РГГУ, специальность «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития»

***Аннотация.** В данной статье сделана попытка систематизации аналитической информации «арабской весны» в Королевстве Саудовская Аравия. Рассматриваются причины общественных протестов, цели оппозиционных групп и последствия «арабской весны» для внутривнутриполитических процессов в Саудовской Аравии.*

***Ключевые слова:** Арабская весна, модернизация, монархия, Консультативный совет, ССАГПЗ.*

Post “Arab Spring” Saudi Arabia: internal political process and possible reforms

Gasymov Nurlan Alisayevich, Ph.D., candidate at the RSUH Department of World Politics and International Relations

***Abstract.** This article attempts to systematize analytical information on the “Arab Spring” in the Kingdom of Saudi Arabia. The author specifies causes of the public outcry, goals of the opposition groups along with the consequences of the “Arab Spring” for domestic politics.*

***Key words:** Arab spring, modernization, monarchy, Consultative Assembly, Cooperation Council for the Arab States of the Gulf.*

*МАТЕРИАЛЫ ЗАСЕДАНИЯ УМС
ПО ЗАРУБЕЖНОМУ РЕГИОНОВЕДЕНИЮ*

**РЕГИОНОВЕДЕНИЕ КАК КОМПЛЕКС
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ И УЧЕБНЫХ ДИСЦИПЛИН
В РАКУРСЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ**

Зиневич О.В., Рузанкина Е.А.

В фокусе статьи — вопрос о специфике междисциплинарного пространства регионоведения как научного знания и как комплекса учебных дисциплин. Несмотря на успешные попытки очертить общее предметное поле регионоведческих исследований, практика реализации образовательных программ по регионоведению выглядит скорее «многопредметной», чем междисциплинарной. Ни одна из учебных дисциплин не выступает в качестве интегрирующей, связывающей все учебные предметы в единое целое. Мировое комплексное регионоведение как современная междисциплинарная область исследований слабо отражается в практике преподавания регионоведческих дисциплин.

Прежде чем перейти к рассмотрению сути дела, установим значения двух ключевых терминов, используемых в статье для характеристики регионоведения как кластера исследовательских и научных дисциплин — «комплексность» и «междисциплинарность». Иногда эти термины в отношении к регионоведению употребляют как синонимы, хотя их содержание принципиально различно. Различие коренится в вопросе о том, к чему именно относятся данные определения — к объ-

екту или предмету исследования. На наш взгляд, комплексным является объект регионоведческих исследований, предметную же область регионоведения следует характеризовать как междисциплинарную. Устанавливая различия между предметом и объектом, необходимо помнить, что объект, так же как и предмет, конструируется в процессе научного исследования. Регион как объект исследования, если воспользоваться пониманием региона, предложенным И.Н. Барыгиным¹, — это создаваемая исследователями идеальная модель «территории, ограниченной пространственно-временными рамками и обладающая набором целостно-образующих характеристик». Объект региональных исследований конструируется как комплексный — сложный, многосторонний, с множеством элементов и взаимосвязей между ними, структурой, функциями, характером и разнонаправленностью изменений — в зависимости от предметной области научного исследования. Именно в силу комплексности (сложности и многосторонности) объекта предметная область регионоведения является междисциплинарной, т.е. фор-

¹ Барыгин И.Н. Международное регионоведение : учебник для вузов. СПб. : Питер, 2009. С. 76.

мируется «на стыке» («в межгранице») различных наук. Представление о регионе как о комплексном объекте является предпосылкой, целью и результатом решения теоретических или прикладных задач в междисциплинарном пространстве научного регионоведения.

Используемое в российском научном регионоведении понятие междисциплинарности не имеет четких очертаний. Одна из причин заключается в том, что предмет научного регионоведения конструировался в рамках учебного регионоведения, хотя междисциплинарность в науке далеко не всегда совпадает с междисциплинарностью в образовательном пространстве. Формирование предметной области регионоведения было связано с попытками выявления ведущей дисциплины и конструирования междисциплинарной системы знания на основе ее предмета. Такие системы знания И.Т. Касавин называет «мульти- (или поли-) дисциплинарными». Они характеризуются «использованием некоторой дисциплинарной онтологии и методов для работы в другой дисциплине или их группе»². В области регионоведения «мульти-поли-дисциплинарная» стратегия была направлена на конструирование в межгранице наук предметного поля регионоведения, когда одна из дисциплин берет на себя роль ведущей, осевой и преобразует добытые в рамках предметов других наук знания таким образом, чтобы углубить собственное предметное видение того или иного явления.

² Междисциплинарность в науках и философии / Российская акад. наук, Ин-т философии; отв. ред. И.Т. Касавин. М.: ИФРАН, 2010. С. 21 [Mezhdisciplinarnost' v naukah i filosofii / Ros. akad. nauk, In-t filosofii; otv. red. I.T. Kasavin. M.: IFRAN, 2010. 205 s.]

Краткий исторический экскурс показывает, что на роль ведущей дисциплины междисциплинарного синтеза в российском регионоведении претендовали различные предметные области научного знания. К числу таковых относились география, востоковедение, экономические науки и науки политические.

Авторы учебника по регионоведению Ю.Н. Гладкий и А.И. Чистобаев, выдвигая в качестве основных регионоведческих дисциплин географические науки, сравнивают регионоведение с «плавильным котлом», аккумулирующим знания, почерпнутые из различных дисциплин в границах географии (физической, экономической, политической, культурной, медицинской) и страноведения (как географической дисциплины): «...Неотъемлемой частью любых «регионоведческих конгломератов» всегда остается география. Обычно она служит аналитическим инструментарием для пространственной дифференциации регионов, определения их рубежей, конструирования искусственных регионов и т.п.»³.

Необходимость глубокого изучения социокультурной специфики восточных регионов объясняет близость регионоведения к востоковедению. Востоковедение, являясь междисциплинарной областью знания об истории, философии, религии, памятниках культуры, искусства, литературы, экономики народов Азии и Северной Африки, широко использует цивилизационный (историко-культурный), лингвистический, литературоведче-

³ Гладкий Ю.Н., Чистобаев А.И. Регионоведение: учебник. М.: Гардарики, 2002. С. 32. [Gladkij Yu.N., Chistobaev A.I. Regionovedenie: uchebnik. M.: Gardariki, 2002. 384 s.]

ский подходы. Здесь большую роль играют исторические, культурологические и филологические дисциплины, предметные области которых очерчивают границы регионоведения. Во второй половине XX века в изучении Востока акценты сместились на исследование международных политических и социально-экономических отношений. В тематику Востока была включена экономическая, а затем и политическая проблематика, это привело к трансформации востоковедения в страноведение, а затем, в связи с усилением тенденций к регионализации, особенно экономической и политической, в *Regional science*⁴.

Близость регионоведения к социально-экономическим наукам давала возможность для его интерпретации в качестве мирового комплексного регионоведения — *Global Reginal Studies*, *Global Area Studies*. Это «комплексная, интегральная, социально-экономическая дисциплина, изучающая закономерности процесса формирования и функционирования социально-экономической системы регионов мира с учетом исторических, демографических, национальных, религиозных, экологических, политико-правовых, природно-ресурсных особенностей, места и роли в международном разделении труда и системе (подсистеме) международных отношений»⁵.

В конечном счете ключевым междисциплинарным направлением для развития отечественного регионоведения стали исследования на границе предметных областей международных отношений и политических наук. Развитие этого направления предполагало выход на проблематику глобализации, регионализации, интеграционных процессов, региональных конфликтов, региональной безопасности. Такого рода исследования проводились и проводятся на основе теорий и методов политических наук. Основным методом является политическая компаративистика, а одной из ведущих политологических дисциплин — сравнительная политология⁶.

Сегодня предметной областью регионоведческих исследований становится Мировое комплексное регионоведение, которое сформировалось на базе «классического страноведения» и является «комплексной, интегральной, политико-экономической и социально-экономической» дисциплиной, изучающей

тодический / учебно-методический комплекс по регионоведению: в 4 ч. Ч. 4 (т. 1) / редкол.: А.В. Торкунов (предс.) и др.; отв. ред.-сост. А.Д. Воскресенский. М.: МГИМО (У) МИД России, 2005. С. 90. [Mirovye kompleksnoe regionovedenie i mezhdunarodnye otnosheniya : nauchno-metodicheskij / uchebno-metodicheskij kompleks po regionovedeniyu: v 4 ch. Ch. 4 (t. 1) / redkol.: A.V. Torkunov (preds.) i dr.; отв. red.-sost. A.D. Voskresenskij. M.: MGIMO (U) MID Rossii. 2005.]

⁴ Воскресенский А.Д. Мировое комплексное регионоведение и перспективы построения незападной (китаезированной) теории международных отношений / А.Д. Воскресенский // Полис. 2013. № 6. С. 47. [Voskresenskij A.D. Mirovye kompleksnoe regionovedenie i perspektivy postroeniya nezapadnoi (kitaезirovannoi) teorii mezhdunarodnyh otnoshenij / A.D. Voskresenskij // Polis. 2013. № 6. S. 47.]

⁵ Мировое комплексное регионоведение и международные отношения : научно-ме-

⁶ Мировое комплексное регионоведение и международные отношения: Научно-методический / учебно-методический комплекс по регионоведению: в 4 ч. Ч. 4 (т. 1) / редкол.: А.В. Торкунов (предс.) и др.; отв. ред.-сост. А.Д. Воскресенский. М.: МГИМО (У) МИД России, 2005. С. 38–42. [Mirovye kompleksnoe regionovedenie i mezhdunarodnye otnosheniya: Nauchno-metodicheskij / uchebno-metodicheskij kompleks po regionovedeniyu: v 4 ch. Ch. 4 (t. 1); redkol.: A.V. Torkunov (preds.) i dr.; отв. red.-sost. A.D. Voskresenskij. M.: MGIMO (U) MID Rossii. 2005.]

«закономерности процесса формирования и функционирования социально-экономической и социально-политической систем регионов мира» с учетом исторических, демографических и иных его особенностей⁷. Методологической базой Мирового комплексного регионоведения являются сравнительно-политический и политэкономический анализ в области международных отношений.

В конструировании предметной области Мирового комплексного регионоведения реализуется другая, нежели «мульти-поли-дисциплинарная», стратегия междисциплинарности. Согласно этой стратегии дисциплины взаимодействуют для создания «целостной картины объекта». Систему междисциплинарного знания в этом случае «отличает объединение дисциплин для создания новой онтологии и методов для работы с ее объектами». Согласно И.П. Касавину, «данные системы знания характеризуются меньшей четкостью дисциплинарных границ. География, социология, экономика, гражданская история, языкознание, история культуры, политическая наука дополняют друг друга, к примеру, в рамках страноведения или исследования международных отношений. Они взаимодействуют в целях создания целостной «картины социально-региональной реальности», которая, в свою очередь, дает семантическую ин-

терпретацию фактов в каждой отдельной ресурсной дисциплине, обеспечивая их относительную интеграцию даже при отсутствии разработанной «теории страноведения» или «теории международных отношений»⁸.

Следует отметить, что успешность стратегии конструирования предметного пространства регионоведения как системы междисциплинарного знания не снимает эпистемологических проблем: интерпретации фактологического материала, теоретического описания, а также перевода с языка одной дисциплины на другой. При этом не исчерпан вопрос о лидерстве одной из дисциплин междисциплинарного комплекса. Как замечает И.П. Касавин, «одна из дисциплин периодически берет на себя креативную, нормативную или коммуникационную функцию». Применительно к научному регионоведению это означает, что дисциплины, имеющие собственный теоретико-методологический базис, должны «откликнуться» на доминантную установку ведущих дисциплин и согласовать концептуальный аппарат своей науки с теоретико-методологическим аппаратом политических (сравнительно-политических) исследований⁹.

Если междисциплинарный синтез в научном регионоведении уже имеет определенные очертания, то учебное регионоведение как комплекс препода-

⁷ Воскресенский А.Д. Мировое комплексное регионоведение и перспективы построения незападной (китаезированной) теории международных отношений / А.Д. Воскресенский // Полис. 2013. № 6. С. 47. [Voskresenskij A.D. Mirovye kompleksnoye regionovedenie i perspektivy postroyeniya nezapadnoy (kitaezirovannoy) teorii mezhdunarodnykh otnoshenij / A.D. Voskresenskij // Poliss. 2013. № 6. S. 47.]

⁸ Междисциплинарность в науках и философии / Российская акад. наук, Ин-т философии ; отв. ред. И.Т. Касавин. М. : ИФРАН, 2010. С. 21–22. [Mezhdisciplinarnost' v naukah i filosofii / Ros. akad. nauk, In-t filosofii; otv. red. I.T. Kasavin. M. : IFRAN, 2010. 205 s.]

⁹ Междисциплинарность в науках и философии / Российская акад. наук, Ин-т философии ; отв. ред. И.Т. Касавин. М. : ИФРАН, 2010. С. 13. [Mezhdisciplinarnost' v naukah i filosofii / Ros. akad. nauk, In-t filosofii; otv. red. I.T. Kasavin. M. : IFRAN, 2010. 205 s.]

ваемых дисциплин трудно назвать междисциплинарным. С одной стороны, стратегия междисциплинарности в обучении регионоведа заложена в образовательный стандарт и учебные планы как набор политологических, экономических, исторических, этнологических, географических и других дисциплин. С другой, практика составления учебных планов и сам процесс обучения по сути (а не по названию) не являются междисциплинарными. Междисциплинарность выглядит как «дискурсивный зонтик» для характеристики совокупности самостоятельных учебных дисциплин, структура которых отражает дисциплинарную структуру научного знания. Действительно, каждая из дисциплин, включенных в образовательную программу по регионоведению, содержит в себе региональный аспект, который и выделяется в качестве основного содержания преподаваемой дисциплины. В свою очередь, каждая дисциплина «закрывает» тот или иной аспект видения региона как комплексного образования, представляющего собой множество экономических, политических, конфессиональных, этнологических, исторических и других связей и отношений. «Дискурсивный зонтик» «междисциплинарности» в учебном процессе не обеспечивает формирование целостного, интегрального представления о регионе через изучение набора дисциплин, рассматривающих регион с разных сторон и под разным предметным углом зрения.

Специфика учебного дискурса междисциплинарности заключается в том, что в его рамках не предусматривается обсуждение вопросов взаимодействия дисциплин с внешними по отношению к

учебному процессу рефлексивных позиций. На практике преподаватель самостоятельно (или совместно с другими преподавателями) ищет место дисциплины в предлагаемом образовательной программой многопредметном описании региона. Теоретико-методологические вопросы, даже если они и обсуждаются, слабо влияют на учебную практику преподавания. Пересечение различных предметных полей, как правило, не предусматривается программами курсов. В лучшем случае оно происходит спорадически на лекциях и семинарских занятиях (например, обращение к историческому материалу в курсах «Социально-политические системы стран изучаемого региона», «Культура, религия и литература региона», к политологическому — в курсах по истории и теории международных отношений); в худшем — такое пересечение вообще отсутствует. В «зонтичном» варианте «междисциплинарное» видение региона в учебном процессе слабо связано с новейшими достижениями в области научных регионоведческих исследований — результаты научных исследований, в силу того, что они выходят за рамки рекомендуемых стандартом дидактических единиц, просто некуда «размещать». Знания, получаемые студентами, строго ограничены рамками изучаемого предмета и доступны только в ракурсе того или иного дисциплинарного предметного поля. Эти знания студент не может состыковать, соотнести друг с другом. Единственным основанием для такого соотнесения является их применимость к описанию изучаемого объекта — региона как фрагмента реальности — совокупности стран мира, объединенных общим на-

званием (Восточная Азия, Западная Европа и др.). Очевидно, что таким образом невозможно достичь целостного междисциплинарного видения региона.

Существует проблема преодоления многопредметной мозаики знаний, получаемых студентом. Для решения этой проблемы, казалось бы, достаточно внести необходимые коррективы в образовательные практики — применять комплексный подход в процессе обучения. Комплексный подход предполагает, что преподаватель научит студентов соотносить знания из разных предметных областей, описывающих один и тот же объект (страну, регион). Комплексный подход потребует разработки специальных обучающих методик, помогающих устанавливать междисциплинарные связи. В рамках существующих учебных планов, даже при условии наличия таких методик, систематическая работа преподавателей по ориентации студентов на комплексное видение региона практически неосуществима.

Вместе с тем учебное регионоведение имеет потенциал для реализации образовательных программ на основе междисциплинарного взаимодействия. Потенциально регионоведение как комплекс учебных дисциплин может развиваться в различных направлениях, в зависимости от того, на базе какой дисциплины будет осуществляться такое развитие. Выбор направления во многом зависит от институционального фактора. Так, развитие регионоведения на базе географических и экономических наук осуществимо под эгидой географических и экономических школ; на базе международных исследований и политологии — в образовательных учреждениях, где сконцентрированы специалисты по

международным отношениям и политическим наукам; историко-культурные и филологические исследования в региональном аспекте осуществляют востоковеды, этнологи, культурологи. Междисциплинарное пространство может быть занято разными видами дисциплин, включенных в образовательные программы по регионоведению, в зависимости от того, какая научная дисциплина завоеует лидерство. Весьма вероятно, что это пространство разделят между собой все существующие направления регионоведческих исследований, поскольку представители различных дисциплин вряд ли уступят друг другу пальму первенства. Поскольку, с учетом институционального фактора, возможно существование множества образовательных программ, в каждой из которых имеется своя лидирующая дисциплина, значительно усложняется задача соотнесения теоретико-методологических подходов и фактологического материала, представляемого в различных дисциплинарных ракурсах. Если «множественный» сценарий будет реализован, то вместо одного предметного поля регионоведения в образовательном пространстве придется конструировать несколько таких полей.

На наш взгляд, возможен другой сценарий становления междисциплинарности учебного регионоведения. Основной вектор и динамику становления должны определить исторические дисциплины. Предпосылки к осуществлению такого сценария коренятся в том, что любая из названных дисциплин, претендующая на роль ведущей, содержит в себе историческую (историко-культурную, историко-филологическую, историко-экономическую, историко-поли-

тическую, историко-географическую и т.д.) компоненты. История, по выражению Мишеля Фуко, «образует «среду» гуманитарных наук»¹⁰. Не исключено, что для развития исследований в рамках Мирового комплексного регионоведения вопрос о роли исторических дисциплин станет со временем более актуальным, чем является сегодня. Мы же хотели бы заострить внимание на том, что исторические дисциплины могут стать осью междисциплинарного синтеза именно в образовательном пространстве. При этом требуется междисциплинарный синтез внутри многопредметного поля самих исторических дисциплин, как внесенных в учебные планы по регионоведению, так и выходящих за его пределы. Основой для такого синтеза могут послужить методологические подходы, например, «тотальной истории». Образцом здесь выступает работа Фернана Броделя «Средиземноморье и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II»¹¹, в которой дан детальный анализ географии, экономической и социальной жизни, социальных структур и политической борьбы.

Лидерство исторических дисциплин в конструировании междисциплинарного пространства учебного регионоведения объективно задано тем, что понятие региона включает в себе определение

региона как пространственного (спатального) образования¹². Пространство же не существует без социального времени. «Хронотопичность нашего существования является атрибутивной характеристикой любых социальных, в том числе региональных, исследований...». По замечанию Барыгина, любые социальные пространства существуют только в рамках определенного временного периода, и время входит в региональные конструкции как динамика пространственных элементов¹³. Изучение этой динамики как движения «цепи событий» любого масштаба (от глобального до локального) и любого содержания (от экономического до религиозного) из прошлого в настоящее и будущее — прерогатива исторической науки.

Привлечение исторических нарративов позволяет развивать конструктивистский подход к вычленению региона. Это означает, что нарратор-ученый воспроизводит нарративы политиков, которые преследуют определенные цели (например, геополитические) и задают рамки пространственно-временных интерпретаций региона. Поскольку нарративы в устах политиков, подкрепленных авторитетом науки, имеют характер «са-

¹⁰ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994. С. 389. [Fuko M. Slova i veschi. Arheologiya gumanitarnykh nauk. SPb.: A-cad, 1994.]

¹¹ Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: в 3 ч. Ч. 1: Роль среды / пер. с фр. М.А. Юсима. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с. (Studia historica). [Braudel F. La Méditerranée et le monde méditerranéen à l'époque de Philippe II, Paris, Armand Colin, 1949. Deuxième édition révisée, 1966.]

¹² Мировое комплексное регионоведение и международные отношения: научно-методический / учебно-методический комплекс по регионоведению: в 4 ч. Ч. 4 (т. 1) / редкол.: А.В. Торкунов (предс.) и др.; отв. ред.-сост. А.Д. Воскресенский. М.: МГИМО (У) МИД России, 2005. С. 32. [Mirovye kompleksnoye regionovedeniye i mezhdunarodnye otnosheniya: nauchno-metodicheskij / uchebno-metodicheskij kompleks po regionovedeniyu: v 4 ch. Ch. 4 (t. 1) / redkol.: A.V. Torkunov (preds.) i dr.; otv. red.-sost. A.D. Voskresenskij. M.: MGIMO (U) MID Rossii. 2005.]

¹³ Барыгин И.Н. Международное регионоведение: учебник для вузов. СПб.: Питер, 2009. С. 108–109. [Barygin I.N. Regionovedeniye: Uchebnik dlya studentov vuzov / I.N. Barygin. M.: Aspekt Press, 2007.]

мосбывающихся пророчеств», глобальные и региональные процессы приобретают управляемый характер¹⁴. Таким образом, региональные исследования начинают играть существенную роль в конструировании реального регионального пространства и управлении региональными процессами.

В ситуации, когда в учебном процессе освоение истории региона ограничено по времени, становится проблематичным подробное изложение событийной канвы развития региона. В связи с этим представляется более плодотворным обращение к структурной истории, изучающей характерные черты и этапы эволюции общества; особенности исторического формирования и современного функционирования основных общественных институтов; соотношение факторов внутреннего развития и внешних влияний. Значимость структурной истории для конструирования предмета регионоведения (не только в образовательном, но и в научном пространстве!) подкрепляется необходимостью обращения к «научным структурным концепциям и подходам», в отечественных политических науках и теориях МО¹⁵.

¹⁴ Барабанов О.Н. Проблематика глобального управления в мировой политике / Пространство и время в мировой политике и международных отношениях : материалы 4 Конвента РАМИ. В 10 т. / под ред А.Ю. Мельвиля; Российская Ассоциация междунар. исследований. М. : МГИМО-Университет, 2007. Т. 9. С. 21. [Barabanov O.N. Problematika global'nogo upravleniya v mirovoi politike / Prostranstvo i vremya v mirovoi politike i mezhdunarodnyh otnosheniyah: Materialy 4 Konventa RAMI. V 10 t. / pod red. A.Yu. Mel'vilya; Ros. Associaciya mezhdunar. Issledovaniy. M. : MGIMO-Universitet, 2007. T. 9. S. 21.]

¹⁵ Воскресенский А.Д. Мировое комплексное регионоведение и перспективы построения западной (китаезированной) теории международных отношений / А.Д. Воскресенский //

Обращение к методологии исторического знания будет способствовать преодолению исторического позитивизма, характерного для преподавания не только исторических, но и других дисциплин. Преподаватель, работающий в позитивистском ключе, реализует основные положения позитивистской программы исторического познания. Во-первых, он убежден в том, что все собранные им факты объективны. Во-вторых, считает, что, увязывая факты друг с другом (объективные факты могут быть связаны друг с другом только объективными связями), он выявляет реально существующие закономерности в региональных процессах. Позитивистское понимание истории совершенно упускает из виду то, что само понятие региона конструируется исследователем, исходя из теоретической и культурной традиции, что изучаемая объективная реальность создается как понятийная конструкция и что существуют процедуры конструирования этой реальности как в научном дискурсе, так и в политике, идеологии, массовом сознании.

Таким образом, конструирование междисциплинарной предметной области регионоведения к настоящему времени приобретает статус развернутой теоретико-методологической рефлексии. В рамках такой рефлексии актуальна проблема установления междисциплинарных связей в практике преподавания регионоведческих учебных дисциплин. Авторы считают возможным конструирование множества различных междисциплинарных

Полис. 2013. № 6. С. 47. [Voskresenskij A.D. Mirovye kompleksnoye regionovedeniye i perspektivy postroyeniya nezapadnoy (kitaezirovannoy) teorii mezhdunarodnyh otnoshenij / A.D. Voskresenskij // Polis. 2013. № 6. S. 47.]

полей регионоведения как комплекса учебных дисциплин. В качестве ведущих дисциплин междисциплинарного

поля регионоведения в образовательном пространстве могли бы выступать дисциплины исторического цикла.

Регионоведение как комплекс исследовательских и учебных дисциплин в ракурсе междисциплинарности

Зиневич Ольга Владимировна, доктор философских наук, заведующая кафедрой Международных отношений и регионоведения факультета гуманитарного образования Новосибирского государственного технического университета

Рузанкина Елизавета Александровна, кандидат философских наук, доцент кафедры Международных отношений и регионоведения факультета гуманитарного образования Новосибирского государственного технического университета

***Аннотация.** Статья посвящена вопросу о необходимости дифференциации подходов к конструированию междисциплинарности регионоведения в научном и образовательном пространствах. Существует проблема установления междисциплинарных связей в практике преподавания учебных дисциплин и внедрения результатов исследований в учебные программы. В рамках образовательной программы рассматривается возможность конструирования различных междисциплинарных полей, где роль ведущих могут брать на себя различные дисциплины. Показано значение исторических дисциплин в конструировании предмета регионоведения. **Ключевые слова:** регионоведение, междисциплинарность, научная дисциплина, образовательная программа, исторические дисциплины.*

Regional Studies as a Complex of Research and Educational Disciplines in the Light of Interdisciplinarity

Olga Zinevich, Ph.D., Chair of International Relations and Regional Studies, Humanitarian Education Faculty, Novosibirsk State Technical University

Elizaveta Ruzankina, Ph.D., Associate Professor of International Relations and Regional Studies, Humanitarian Education Faculty, Novosibirsk State Technical University

***Abstract.** The paper is intended to answer the question about the necessity to distinguish between various approaches to reconstruction of interdisciplinarity of regional studies within the scientific and educational fields. There is a problem of establishing of such an interdisciplinary links in teaching practice and in application of research results in training programs. Within the educational program it is possible to introduce a lot of various interdisciplinary fields, when different sciences may play a leading role to represent the context. It is shown that historical disciplines play an important role within regional studies.*

***Key words:** regional studies, interdisciplinarity, academic discipline, educational program, historical discipline.*

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РЕГИОНОВЕДЕНИЯ В ФГБОУ ВПО «НГЛУ»

Самойлова М.П.

Регионоведение — широко востребованная в вузах, реализующих ООП по направлению «Зарубежное регионоведение», учебная дисциплина. Ее появление в учебных планах вузов относится к 2013 г. и связано с началом реализации ООП «Зарубежное регионоведение», профиль «Восточная Азия». В НГЛУ реализуется программа подготовки бакалавров с профильным языком — китайским, второй язык — английский (язык международного общения).

Появление регионоведения как учебной дисциплины связано с развитием в России регионологии как науки, предметом изучения которой является регион. Методические проблемы преподавания регионоведения в вузе тесным образом зависят от методологии регионоведения как направления научных знаний, которая все еще находится в стадии становления. Выбор метода, с точки зрения которого преподается дисциплина «Регионоведение» в конкретном вузе, во многом зависит от специфики реализуемого профиля ООП. С выбором метода также связан в конечном итоге и концептуальный подход к реализации ООП с конкретным профилем. Поскольку регионоведение является комплексной дисциплиной, используются методы ряда смежных наук (экономики, политологии, культурологи, этнологии, истории и др.). Специфика реализации ООП «Зарубеж-

ное регионоведение» в НГЛУ связана с тем, что НГЛУ — вуз лингвистический, главным достоинством подготовки выпускников НГЛУ всегда была именно подготовка в области профессионального владения иностранными языками, а также в области истории и культуры стран изучаемых языков. Лингвистический профиль вуза может быть использован при реализации ООП как методическое и методологическое преимущество.

В настоящее время существует достаточно большое разнообразие учебников по регионоведению, дающих основание констатировать незаконченность процесса становления концептуальной базы регионоведения. В каждом учебном пособии автор (коллектив авторов) демонстрирует различия в определении как самого термина «регион», так и науки «Регионоведение». Это объясняется тем, что как в отечественном, так и в зарубежном регионоведении наличествуют различные подходы к трактовке понятия «регион», различные основания для выделения регионов, различное понимание структуры, предмета и содержания данной науки и, соответственно, учебной дисциплины.

В отечественном регионоведении изначально наметился историко-географический подход к делению мира. Наиболее авторитетным представителем данного подхода является профес-

сор МГИМО А.Д. Воскресенский^{1,2,3}. Деление мира на культурно-религиозные макрорегионы, или цивилизационные комплексы, по А.Д. Воскресенскому, опирается на понимание региона как некой части, характеризующейся общностью исторического развития территории, географического положения (в большей степени), природных и трудовых ресурсов, специализацией хозяйства (в меньшей степени). А.Д. Воскресенский полагает правоммерным одновременное деление мира на геоэкономические и геополитические регионы, учитывающее современное состояние экономики и политической системы. Таким образом, в подходе данного автора многочисленных и авторитетных учебных пособий наличествует

сочетание методов различных наук — как истории, так и современной политологии. Он выделяет, например, «сообщества соразвития»: американское, европейское и азиатско-тихоокеанское. Такое членение соответствует делению на «торговые блоки» и имеет, согласно мнению указанного автора, уже экономические основания, соответственно осуществляется и анализ материала в отношении понятия «сообщества соразвития».

Членение им мира на регионы опирается на определение региона как «сложного культурно-территориально-экономического комплекса, имеющего ограниченные внутренние ресурсы, свою структуру производства и социальных отношений и определенные (специфические) потребности в связях с внешней средой».

Вопрос о регионах, как и, соответственно, вопрос о региональных и субрегиональных системах мира, является крайне дискуссионным.

Кроме уже описанной выше регионализации мира есть и другие подходы к его делению на регионы. Так, например, физико-географический критерий преобладает в учебнике под редакцией В.В. Вольского⁴. В названном учебнике выделяются одиннадцать цивилизационных макрорегионов мира: Западная Европа, Центрально-Восточная Европа, Российско-Евразийский регион, Северная Африка и Средний Восток, Южная Азия, Восточная Азия, Юго-Восточная Азия, Африка южнее

¹ Азиатско-Тихоокеанский регион и Центральная Азия: контуры безопасности: учеб. пособие / под ред. А.Д. Воскресенского, Н.П. Малетина; МГИМО (У) МИД России, каф. востоковедения. М.: МГИМО, 2001. 355 с. [Aziatsko-Tihookeanskij region i Central'naja Azija: kontury bezopasnosti: ucheb. posobie / pod red. A.D. Voskresenskogo, N.P. Maletina; MGIMO (U) MID Rossii, kaf. vostokovedenija. M.: MGIMO, 2001. 355 s.]

² Восток / Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений: учеб. пособие для вузов / под ред. А.Д. Воскресенского; МГИМО (У) МИД России. М.: РОССПЭН, 2002. 526 с.; [Vostok / Zapad: Regional'nye podsistemy i regional'nye problemy mezhdunarodnyh otnoshenij: ucheb. posobie dlja vuzov / pod red. A.D. Voskresenskogo; MGIMO (U) MID Rossii. M.: ROSSPJEN, 2002. 526 s.]

³ Мировое комплексное регионоведение и международные отношения: науч.-метод. / учеб.-метод. комплекс по регионоведению. В 4 ч. МГИМО (У) МИД России, каф. востоковедения; отв. ред.-сост. А.Д. Воскресенский. М.: МГИМО-Университет, 2005. 356 с. [Mirovoe kompleksnoe regionovedenie i mezhdunarodnye otnoshenija: nauch.-metod. / ucheb.-metod. kompleks po regionovedeniju. V 4 ch. MGIMO (U) MID Rossii, kaf. vostokovedenija; otv. red.-sost. A.D. Voskresenskij. M.: MGIMO-Universitet, 2005. 356 s.]

⁴ Социально-экономическая география зарубежного мира: учебник / под ред. В.В. Вольского. М.: Дрофа, 2003. 560 с. [Social'no-jeekonomicheskaja geografija zarubezhnogo mira: uchebnik / pod red. V.V. Vol'skogo. M.: Drofa, 2003. 560 s.]

Сахары, Северная Америка, Латинская Америка, Австралия и Океания. Содержательная характеристика перечисленных регионов носит экономический и географический характер, историко-культурный аспект характеристики практически не прослеживается в подходе данного автора к методологии регионоведческого анализа.

Своеобразную картину культурно-исторических регионов и субрегионов мира представляют авторы весьма пространственного в вузах и наличествующего на абонементе в НГЛУ учебника «Регионоведение», авторы которого — Ю.Н. Гладкий, А.И. Чистобаев⁵. Это Западная Европа, Восточная Европа, Евразийский макрорегион, афро-азиатские макрорегионы, англоязычная Америка, Латинская Америка, Австралия и Океания. В составе афро-азиатских макрорегионов ученые выделяют Месопотамию, Египет и Левант, Аравию, Магриб, Малую Азию, Иран — Афганистан, Центральную Азию, Японию, Китай, Индокитай, островную Юго-Восточную Азию, Индостан, Африку южнее Сахары. Характеристика этих субрегионов в учебном тексте занимает достаточно мало места. Большая часть текста учебника посвящена регионам России, поэтому данный учебник удобен, как представляется, для профилей, связанных с регионоведением России.

Деление мира на культурно-исторические регионы не вполне совпадает с вариантом В.В. Вольского и А.Д. Воскресенского. Одновременно с геогра-

фическим делением мира в содержании учебника есть попытка учесть и историко-культурный фактор, анализ которого вынесен в отдельную главу, однако объем материала ничтожно мал (по нескольким абзацам о каждом историко-культурном типе). К методологическим промахам этого учебника также следует отнести и несовпадение принципа регионализации в главах, характеризующих отдельные регионы, и в главах, посвященных экономическим, религиозным и этническим факторам регионализма. Данное противоречие еще раз подчеркивает сложный, комплексный характер регионоведения и нерешенность методических вопросов преподавания данной дисциплины.

Это же можно сказать и об учебнике под общей редакцией проф. Ю.Г. Волкова⁶. Дискуссионным в разных учебниках является вопрос о границах Восточной Европы. Долгое время Восточная Европа рассматривалась под углом зрения противостояния Восток-Запад и подразумевала, как правило, семь государств. По нынешним классификациям некоторых международных организаций к странам Восточной Европы относят Эстонию, Латвию, Литву, Россию, Белоруссию, Украину, Молдавию, бывшие же страны «народной демократии» относят к Центральной Европе.

По классификации ученых-географов МГУ все отмеченные выше государства отнесены к единому региону — Центрально-Восточная Европа.

В Восточную Азию обычно включают КНР, Японию, Северную и Южную

⁵ Гладкий Ю.Н. Регионоведение : учебник / Ю.Н. Гладкий, А.И. Чистобаев. М., 2003. 384 с. [Gladkij Ju. N. Regionovedenie : uchebnik / Ju. N. Gladkij, A. I. Chistobaev. M., 2003. 384 s.]

⁶ Регионоведение / отв. ред. профессор Ю.Г. Волков. 2-е изд., испр. и доп. Ростов н/Д : Феникс, 2004. 448 с. [Regionovedenie / отв. red. professor Ju. G. Volkov. 2-e izd., ispr. i dop. Rostov n/D : Feniks, 2004. 448 s.]

Корею, Монголию и Тайвань. Но в последнее время все большее распространение получает и «расширительное» понимание Восточной Азии как геоэкономического ареала, в который входят Япония, КНР, Южная Корея, Тайвань, Малайзия, Сингапур, Таиланд, Индонезия. С некоторыми оговорками в это образование включают также Вьетнам, Лаос, Камбоджу, Мьянму, а в самое последнее время — Монголию, российский Дальний Восток, некоторые государства на тихоокеанских островах, Австралию, Новую Зеландию.

Не сложилось единство мнений и по вопросу о границах Азиатско-Тихоокеанского региона. Имеется несколько вариантов их определения. Согласно первому к АТР относят гигантский район, ограничиваемый западным побережьем обеих Америк, восточным побережьем Азии и зоной Австралии. При такой интерпретации в АТР включают и страны Южной Азии. Второй вариант предполагает включение в АТР стран Тихоокеанской Азии, США, зоны Австралии и Новой Зеландии. Государства Южной Азии в этом случае также попадают в перечень стран АТР, но из него исключаются латиноамериканские государства. Третий вариант предполагает фокус на азиатских составляющих АТР от Берингова пролива до Мьянмы. Разумеется, понимание региональных событий в последнем случае требует обращения к политике таких государств, как США, Канада, Индия, Австралия.

Таким образом, деление мира на регионы имеет многовариантный и достаточно спорный характер. Причины этого явления разнообразны. Культурно-цивилизационная регионализация начала разрабатываться сравнительно

недавно и потому не достигла той степени совершенства, как, например, физико-географическая регионализация. Геополитические, политические, экономические срезы регионов не остаются неизменными, достаточно быстро подвергаются видоизменениям. Вопрос о региональных и субрегиональных системах международных отношений является крайне дискуссионным в связи с исчезновением биполярной системы. И пока нет ясности в том, что же пришло ей на смену: распалась ли она на независимые региональные системы или же они все же являются подсистемами.

Все эти дискуссии, отраженные в существующих современных учебных пособиях, приводят к выводу о том, что регионоведение не вышло на уровень синтеза научных знаний, не имеет пока собственной методологической базы. Констатируя это, нельзя забывать, что регионоведение — это область знаний, имеющая значимые социальные функции, они связаны прежде всего с синтезом знаний о территориях. Интерес общества к странам и регионам носит не столько дифференцированный, сколько интегральный характер.

Что касается отсутствия у регионоведения собственной методологии, то это отсутствие еще не означает невозможности ее выработки. Следует учесть также и то, что в настоящее время вообще достаточно мало наук, обладающих только своими собственными методами. Даже математика сегодня использует инструменты формальной логики, принципы философии, элементы общей теории систем.

Методы, которые та или иная наука заимствует у других наук, как правило, адаптируются к предмету ее изучения.

Это положение целиком и полностью относится к регионоведению (и страноведению) в НГЛУ. Имея междисциплинарный, комплексный характер, регионоведение использует как общенаучные методы, так и методы экономической географии, демографии, политических наук, истории, физической географии, экономики и т.д., а также и методы лингвистики. Более того, лингвистические основания могут быть положены и в основу принципов регионализации.

Характеристика разнообразных методов в их применении к потребностям комплексного регионоведения дается, например, в учебном пособии В.А. Дергачева и Л.Б. Вардомского «Введение в регионоведение»⁷. Данное учебное пособие написано с точки зрения методов политологии, анализ региона предполагает прежде всего его характеристику в качестве участника международных отношений, международных экономических связей, хотя в характеристике каждого региона авторами дается также и параграф, названный как «цивилизационный код». Для потребностей НГЛУ данный учебник может быть назван как наиболее удачный, поскольку содержит не только характеристику регионов, в том числе и Китая, но также включает теоретическую часть, объясняющую принципы регионализации, знакомит с наиболее значимыми теориями в области политологии, геополитики и регионоведения. Это задает структуру и системность представлений студентов о

выбранной ими специальности и о регионоведении как науке.

В то же время преподавание регионоведения в ФБОУ ВПО «НГЛУ» связано с реализацией профиля, предлагаемыми для изучения языками, а также наличием в НГЛУ собственной методической и организационной базы. Методическая база НГЛУ складывалась с началом подготовки в НГЛУ студентов со знанием китайского языка. В структуре НГЛУ существует «Институт Конфуция», наличествуют партнерские связи с двумя китайскими лингвистическими вузами, существует практика включенного обучения и возможность стажировок студентов НГЛУ в Китае, а китайских студентов — в НГЛУ. Подготовка по китайскому языку всегда включала значительный страноведческий компонент. Практику языка региона ведут не только преподаватели НГЛУ, но и носители языка — китайские преподаватели. Студенты НГЛУ с самого начала тесно общаются с китайскими студентами, что является подготовкой к непосредственному знакомству с регионом специализации. Все это делает необходимым создание собственной учебно-методической базы, которая вместе со знакомством с необходимыми и традиционными для регионоведения теоретическими и прикладными разделами, большее внимание с самого начала уделяла изучению Китая. В качестве удачного дополнения к основному учебнику в НГЛУ используется учебник И. Кочергина «Регионоведение. Китай»⁸.

⁷ Дергачев В.А. Регионоведение / В.А. Дергачев, Л.Б. Вардомский. М. : Юнити-Дана, 2004. 463 с. [Dergachev V.A. Regionovedenie / V.A. Dergachev, L.B. Vardomskij. M. : Juniti-Dana, 2004. 463 s.].

⁸ Кочергин И. Регионоведение. Китай : учебник / И. Кочергин. М. : Из-во «Восточная книга», 2013. 544 с. [Kochergin I. Regionovedenie. Kitaj : uchebnik / I. Kochergin. M. : Iz-vo «Vostochnaja kniga», 2013. 544 s.].

В целом методические усилия преподавания регионоведения как дисциплины должны быть направлены на то, чтобы создать у студентов необходимую теоретическую базу формиро-

вания компетенций, установленных ФГОС по данному перспективному направлению подготовки, отвечающему потребностям настоящего времени.

Методологические аспекты преподавания регионоведения в ФГБОУ ВПО «НГЛУ»

Самойлова Мария Павловна, кандидат исторических наук, заведующая кафедрой культурологии и истории
ФГОУ ВПО НГЛУ им. Н.А. Добролюбова

***Аннотация.** Появление регионоведения как учебной дисциплины связано с развитием в России регионологии как науки. Дискуссии, отраженные в современных учебных пособиях, приводят к выводу о том, что регионоведение не вышло на уровень синтеза научных знаний, не имеет пока собственной методологической базы, а деление мира на регионы имеет многовариантный и достаточно спорный характер. С этим связана большая часть методических проблем преподавания регионоведения в ВУЗе.*

***Ключевые слова:** регионоведение, регион, методика преподавания.*

Methodological Aspects of Teaching Regional Science at Linguistics University, Nizhny Novgorod

Maria Samoilova, Ph.D. in History, Chair of Culture and History, LUNN

***Abstract.** The appearance of Regions Science as an academic discipline is connected to the development of regional science as a scientific field. As a field of social science regional science is still on its way of becoming mature: it is yet to introduce its specific scientific method. At present even the very principles of world regional division are subject of a debate. It is this character of uncertainty that regional science has at this stage of development that poses most problems for teachers.*

***Key words:** regional science, region, teaching methods.*

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на книгу

«История Китая с древнейших времен до XXI века» : в 10 т. / гл. ред. акад.

С.Л. Тихвинский. М. : Наука, 2013.

Т. X: Тайвань, Сянган (Гонконг), Аомэнь (Макао), зарубежная китайская диаспора / отв. ред.

Л.М. Гудошников, Г.А. Степанова;

сост. Т.Г. Герасимова. 2014. 764 с.

Десятый том многотомной истории Китая, выходящей под редакцией акад. С.Л. Тихвинского на базе Института Дальнего Востока РАН, посвящен истории расселившихся по 150 странам и регионам мира зарубежных китайцев. Хотя идея, выдвинутая в свое время Чан Кайши, о непрерывном многотысячелетнем своеобразном развитии китайской цивилизации и ее государственности нуждается в дополнительном научном подкреплении, поскольку она все же является продуктом идеологической мысли китайцев новейшего времени, а прошлая концепция особи китайского очага цивилизации на основе генетической уникальности предка современных китайцев — синантропа — была развеяна новейшими методами генетических исследований ДНК, тем не менее современная ипостась китайского государства цементируется именно этой концепцией, а китайские гуманитарные науки включают в историю изучения китайской цивилизации также и историю китайцев, расселившихся на протяжении последней тысячи лет по другим странам. Впрочем, и некоторые другие народы, проживающие по границам Китая, считаются ветвями китайской нации.

Настоящий том состоит из четырех структурно тесно взаимосвязанных разделов, посвященных основным регионам расселения китайцев.

Первый раздел посвящен истории, культуре, системе власти, управления и суда Тайваня, островной части Китая, утерянной им в ходе исторического развития и попавшей на полвека под японское владычество. Эта географическая часть была возвращена политическому режиму Китайской Республики, установившемуся в Китае в 1912 г. после падения маньчжурской династии Цин и представлявшему собой своеобразный симбиоз политического режима маньчжуров и китайцев. Возвращение суверенитета Китая над Тайванем произошло после капитуляции Японии согласно Каирской Декларации 1 дек. 1943 г. В 1949 г., после образования на материковой части Китая в ходе гражданской войны политического режима КНР, сторонники партии Гоминьдан, до этого управлявшие всем Китаем, включая его материковую часть, были вытеснены на о. Тайвань и ряд прилегающих к нему малых островов. В настоящее время о. Тайвань представляет собой цивилизационную ипостась Китая, которая продолжает управляться наследниками центрального правительства политического режима Китайской Республики 1912 г. де-факто абсолютно самостоятельно под названием Китайская Республика (Тайвань) параллельно с ведением диалога между двумя географическими частями Китая об их возможном объединении по формуле «одно государство, две системы».

В этом разделе тома полно и непредвзято изложена история острова Тайвань (раздел написан Л.М. Гудошниковым), включая такие наиболее сложные и мало изученные в России страницы его существования, как японская оккупация и период восстановления китайского суверенитета (автор Г.А. Степанова), а также период эвакуации политического режима Китайской Республики на остров. Впервые в отечественной историко-политической литературе коротко и ясно изложена эволюция системы управления Тайванем и все сложности, связанные с настоящим этапом ее реформирования на этапе формирования национального режима открытого социально-политического доступа, т.е. построения полноценной демократии с национальной спецификой (автор Л.М. Гудошников). В этом разделе также впервые в отечественной литературе подробно изложены проблемы и перспективы Тайваньской проблемы (авторы А.Г. Ларин, В.И. Трифонов, В.П. Ломыкин), подробно изложена культура Тайваня прошлого и настоящего (автор А.Л. Верченко), особенности религиозной жизни на острове, а также даны довольно подробные биографические справки наиболее важных и известных политических фигур Тайваня (авторы А.Г. Ларин, Г.А. Степанова).

Второй раздел тома посвящен истории Сянган (Гонконга). Здесь впервые в отечественной литературе подробно описана вся история Гонконга, включая период его передачи Великобритании и существования в виде колониального анклава Британской империи (автор Л.М. Гудошников). Подробно описан период подготовки переда-

чи Гонконга под юрисдикцию КНР и история образования Сянганского особого административного района (автор Л.М. Гудошников). В этом разделе впервые подробно проанализирована политическая система СОАР, включая партийную систему, объяснена специфика административно-исполнительной власти, представительной системы и ее эволюции, суда и прокуратуры (автор Л.М. Гудошников). Отдельная глава этого раздела посвящена жизни Сянгана после перехода под суверенитет КНР (автор Г.А. Степанова). В главе удачно показано, как происходило снижение политической напряженности и выработка Пекином новых подходов к проблемам СОАР. Также в этом разделе подробно описана культурная жизнь Гонконга и впервые приведены биографические справки на его основных политических деятелей (автор Г.А. Степанова).

Третий раздел тома посвящен Аомэню (Макао). Описана его история, политическая система, общественно-экономическая и культурная жизнь, приведены биографические описания ключевых политических деятелей (авторы глав К.А. Кокарев, Г.А. Степанова).

Четвертая часть тома, пожалуй, наиболее интересна. Предваряют ее небольшие разделы, которые состоят из объяснений терминологического аппарата (впервые в русскоязычной литературе внятно объяснены различия в терминах *хуажэнь* и *хуацяо*), а далее изложены основные вехи многовековой китайской эмиграции, проанализирована политика КНР в отношении диаспоры на разных этапах ее осуществления (авторы А.Г. Ларин, Г.А. Степанова). Отдельная

глава этого раздела посвящена очень интересной и важной проблеме взаимосвязи зарубежных китайцев и модернизации Китая (авторы А.Г. Ларин, Г.А. Степанова). Здесь также описана современная эмиграционная политика КНР.

Особенный интерес для российского читателя в этом разделе представляет Глава 4. Хотя о китайцах в России в настоящее время написано довольно много, Глава 4 представляет собой очень удачный компактный очерк, на 20 страницах излагающий все основные проблемы истории китайцев в России (автор А.Г. Ларин). Завершают этот раздел, как и предыдущие, биографии основных персоналий (автор Г.А. Степанова).

Том X истории подготовлен со всей научной тщательностью, его завершает научная хронология основных исторических и политических событий, библиография научных работ, он снабжен указателем имен, указателем географических названий, списком сокращений и списком всех авторов, принимавших участие в подготовке тома (составитель Т.Г. Герасимова).

Как уже отмечалось выше, том X «Истории Китая», несомненно, выполнен на высоком научном уровне, включает много оригинальных, в том числе и малоизвестных, сведений, до этого не присутствовавших в русскоязычной китаеведческой литературе, очень скрупулезно и тщательно излагает сложные политические моменты китайской истории и является важным добавлением в копилку знаний российской синологии по проблемам китайцев, проживающих вне Китая.

Конечно, не обошлось и без недостатков. В такой действительно фундаментальной работе странными выгля-

дят библиографические пропуски: не упомянута единственная научная монография по зарубежным китайцам советского времени (Т.М. Котова. Китайцы за рубежом и их роль в политике Китая. М. : Институт Дальнего Востока, 1983), нет работ Е.П. Бажанова по китайским эмигрантам в Америке. И если отсутствие этих работ в библиографическом списке можно хоть как-то объяснить некоторым скандальным флером (уже, правда, давно забытым за давностью лет, но, возможно, все еще хранящимся где-то в запасниках памяти профессионалов) первой работы и научно-популярным характером второй, то отсутствие фундаментальной «Энциклопедии зарубежных китайцев» (The Encyclopedia of the Chinese Overseas. Singapore : Editions Didier Millet, 1998, 2nd edition 2006) является очень досадным упущением. Использование вышеупомянутых работ помогло бы более непредвзято показать не только политику привлечения эмигрантов для модернизации Китая, но и прошлые периоды отчуждения эмигрантов или борьбы разных политических сил Китая за их внимание. В частности, было бы полезно показать, как шла борьба за эмигрантов между Сунь Ятсеном и официальными китайскими властями, как была в конце концов распространена на зарубежных китайцев политика «политической опеки» Гоминьдана. Да и вообще, взгляд на взаимоотношения официальной китайской власти с эмиграцией при разных политических режимах на материковом Китае стал бы более многомерным. Ну и, конечно же, этой многомерности никак не помешало бы использование материалов самой китайской эмиграции, детально пред-

ставленных в «Энциклопедии зарубежных китайцев».

Однако в целом мелкие недочеты не умаляют высокого класса и научной объективности этой работы, которая по праву не только кодифицировала существующее на сегодняшний день синологическое знание в этой области, но и будет служить долгие годы источником

знаний для нового поколения российских синологов, а также исследователей, интересующихся всеми аспектами многообразных проявлений китайской цивилизации в прошлом и в нашей современной жизни.

*А.Д. Воскресенский,
профессор*

**Review of the book
«The Chinese Challenge
to the Western Order», edited by Antonio
Fiori and Matteo Dian. Trento,
FBK Press, 2014**

It would not be a too much to say that there is already a large number of texts on the role of China in the world, both from a regional and a global perspective. The stunning and sustained economic growth that the country has been enjoying for more than twenty years has scholars from all corners of the globe scratching their heads and asking, is Chinese growth sustainable in the long term? And, will it represent a model for other developing countries?

The economic power acquired by China in the course of the last few decades has brought to the fore further issues. In particular, the question of if and when this impressive growth will be channelled towards military power, and a more assertive foreign policy. In this sense, we are lead to ask, will China move to challenge, or even overthrow, the world order as it stands, led by western powers and based on the principles of liberal democracy?

It is into this densely populated intellectual landscape that the latest

offering, *The Chinese Challenge to the Western Order*, edited by Antonio Fiori from the University of Bologna and Matteo Dian from the University of Venezia, finds its own voice. The collection of seven essays approaches this controversial issue from several of points of view, attempting to delineate a coherent and comprehensive analysis of the changes in Chinese international relations since the end of the Cold War.

The overarching analytical lens adopted in the volume ranges from an explication of the development of innovative and autochthonous ideas tied up in the political and social development of China, to strategic and military issues, and on to a broader analysis dissecting China's relations with regional and global actors. Given the indepth and broad discussion that is a hallmark of each chapter, this work clearly holds academic value.

From the introduction onwards, it is clear that the battle will be fought primarily over the difference between challenge and threat. Intuitively, between the two terms there arises a positive/negative dichotomy, but also a distinction in terms of an asymmetry of power, since a challenge implies a newcomer moving to undermine

a consolidate position. Quite often, this scheme led to a polarization of opinions between optimists and pessimists. A great merit of this book lies in the successful attempt to stay away from evaluating the rise of China through this kind of lens, instead focusing on the effects of this “brand new China” on the global order.

The volume is divided into two parts; the first focuses on what can be called the real challenge, that is the innovations — or the rediscoveries — that the new role of China in the global order is bringing to the spotlight. The two opening essays share the same attention to the importance of the long cultural legacy of China and its impact on current political issues. Using a constructivist approach, Menegazzi’s analysis on Chinese foreign policy is based on the consideration that historically informed Chinese identity and ideas still shape the way in which Chinese scholars and policy makers interpret the sphere of international relations. Concepts like *chaogong* (the tributary system) and *Tianxia* cannot be discarded as outdated because they continue to play a significant role, and taking into consideration these concepts encourages a better understanding of contemporary Chinese foreign policy.

In a similar vein, Onnis’ contribution on the Chinese political order shows how the development model, elaborated by Beijing over the past thirty years, is becoming an alternative to the western liberal order, especially since the global financial crisis, beginning in 2008.

The third and fourth essays in the first section deal with military and strategic matters. The transformation of the People’s Liberation Army, the subject tackled by the work of Dian and Giacomello, can be interpreted as an intellectual encounter

between contemporary Western concepts, such as Revolution of Military Affairs and informatization of warfare, and the classical Sun Tzu notion of “winning without fighting”. Similarly, Fiori’s analysis of China’s oil diplomacy and the voracity of the “Dragon” for energy supplies points out how the impact of strategic energy security issues will influence China’s foreign policy and its projection on the global arena.

The second section of the book shifts the focus to reactions to the challenge. Passeri and Fiori’s essay discusses the emerging Sino-american rivalry in the Southeast Asia theatre. Through clear and comprehensive analysis and explication the authors demonstrate how middle and small powers strive to take advantage of the competition between the two global powers. This is done by various means, such as hedging, as in the case of Myanmar, or soft-balancing strategies, as for Vietnam.

Koldunova’s essay on Russia’s response to a rising China and Dian on the American rebalance toward Asia introduce the role of the Big Powers. In particular, the last contribution to the volume looks at the issue of the close relationship between the rise of China and Washington’s Pivot to Asia, a strategy that encompasses military, diplomatic and economic components. While most scholars have focused on the military aspects, Dian’s analysis points out the importance of the Trans-Pacific Partnership, an economics focused element within the Pivot. Dian describes economic strategy as an American efforts to limit China in the area in which it has achieved the most prominent results and risks being able to undermine the U.S. position to re-establish a new Sino-centric order in East Asia.

Despite the weight of analysis within the second part of the volume, several significant deficiencies are encountered. If, in fact, the first part manages to touch on the main issues with regards to the rise of China, some fundamental points appear to have been entirely omitted. The theater of Northeast Asia, for example, is not taken into account, although that is precisely where it could be argued that China exerts the most influence, geopolitically and culturally, it is China's 'backyard'. In addition, recent developments show that the region is of crucial importance for the Sino-american relationship, and one needs look no further than the North Korean nuclear issue, renewed Japanese nationalism, or the increasingly close relationship between Beijing and Seoul to find examples of this.

Another aspect worth considering, is how the Chinese challenge to the Western order is materializing in developing regions of the world, especially in Africa and the Middle East, and how the role of China within the larger group of the BRICS countries could represent a further and stronger challenge to the West.

In the end, *The Chinese Challenge to the Western Order* is a fascinating and welcome contribution to the field of Chinese contemporary studies. This text serves as both a clear introduction to the turbulent and often opaque relations between China and the West and as a valuable and original academic analysis of the biggest challenges facing the world in the near future.

Marco Milani
University Of Cagliari

**Рецензия на сборник статей
«Критическая геополитика» /
отв. ред. И.Ю. Окунев, С.О. Савин.
Ногинск : Аналитика Родис, 2014**

Сборник статей «Критическая геополитика» подготовлен редакционной группой МГИМО в начале 2014 г. на материалах Клуба геополитических исследований, существующего с 2013 г., и конференции «Современные направления геополитических исследований: пространство, власть, политика», прошедшей в МГИМО в ноябре 2013 г. В составлении материалов сборника принимали участие молодые специалисты с различным бэкграундом: политики, социологи, экономисты-меж-

дународники, географы, регионоведы. Данный факт обуславливает как значительную часть плюсов, так и ряд минусов сборника.

Первым достоинством, очевидным даже неподготовленному читателю при знакомстве с оглавлением, является множественность рассматриваемых проблем и углов, под которыми они рассмотрены. Междисциплинарность, в последние десятилетия все в большей степени становящаяся ключевым фактором научной продуктивности, присуща и сборнику, и положенным в его основу конференции и научному студенческому обществу. Это выгодно отличает работу коллег — авторов и составителей — от значительной части

политико-географических исследований, выполняемых у нас по старинке в русле какой-то одной жесткой парадигмы и методического аппарата одной науки.

Междисциплинарность носит в сборнике полимасштабный характер, заметна как на уровне сборника в целом, так и на уровне отдельных исследований, результаты которых в нем представлены. Готовность и желание молодых исследователей применять методы коллег из смежных дисциплин, безусловно, внушает уважение и оптимизм по поводу продолжения этой работы.

Значительная часть материалов базируется на богатом эмпирическом материале, в том числе на данных экспедиционных исследований. Это также является огромным плюсом, далеко не всеобщим в современных российских науках об обществе. Авторам в большинстве своем удалось избежать соблазна реферативности, который, безусловно, усиливается возможностями современного Интернет-пространства. Даже те авторы, которые базируются на чужом эмпирическом материале, работают в основном с первичными данными, а не с результатами чужой аналитики.

Как следствие, слабо выражена в сборнике и другая проблема: догматизм и излишняя нарративность. Проблема эта, увы, присуща не только отечественной геополитике последних десятилетий, но и зарубежной классической геополитике периода холодной войны, о чем И.Ю. Окунев пишет в первой статье сборника. Длительная объективная биполярность мировой политической карты спровоцировала

субъективную биполярность исследовательского взгляда на нее. Принадлежность страны к «западу» или «востоку», «развитому» или «третьему» миру рассматривалась в качестве основного фактора ее развития, все остальное считалось вторичным.

В результате классическая геополитика как наука далеко отошла от традиций подробного историко-географического анализа тех условий, в которых развивается объект исследования, — традиций, заложенных Макиндером, Хаусхофером и другими геополитиками эпохи до железного занавеса. Одной из задач критической геополитики является снятие ограничений, которые накладываются этими догматами биполярности на свободный исследовательский процесс — и представленный сборник полностью отвечает этой задаче.

Как и любая публикация, представленный сборник не идеален. Базовое замечание, которое, впрочем, сложно назвать претензией, — незавершенность. Четыре направления критической геополитики, обозначенные И.Ю. Окуневым в уже упомянутой статье, освящены в сборнике лишь частично. Не считая общей теоретической рамки, заданной в первом разделе сборника, в трех эмпирических разделах присутствуют работы по всем четырем направлениям критической геополитики. При этом основное место занимает популярная геополитика. В сфере формальной геополитики обращает на себя внимание попытка системно оценить связь между пространственной идентичностью и контекстными условиями северо-западного пограничья в целом цикле статей. Практическая геополитика

присутствует фрагментарно в работах, посвященных совершенно разным регионам, от Сибири до Албании. Структурная геополитика, объективно наиболее сложный и полемичный раздел, фактически представлена только в последней статье сборника — об Украине.

Приведенные замечания не ставят под сомнение научную ценность той работы, которую проделали авторы и со-

ставители, а являются пожеланием на будущее, на которое сами авторы, судя по смелой надписи на обложке «Выпуск № 1», весьма рассчитывают, и мы желаем им всяческого успеха.

С.Л. Баринов,
*кандидат географических наук,
научный сотрудник
НИУ «Высшая школа экономики»*

НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ

Евразийская дуга нестабильности и проблемы региональной безопасности от Восточной Азии до Северной Африки : коллективная монография / отв. ред. В.Н. Колотов. СПб. : СПбГУ, Восточный факультет; Изд-во «Студия НП-Принт», 2013. 576 с.

Материалы коллективной монографии группируются вокруг проблем безопасности ключевых регионов Евразии и Северной Африки, а также глобальной безопасности. В монографии также впервые представлена разработанная участниками проекта карта «Евразийской дуги нестабильности в 2013 г.», которая позволяет оценить современное состояние безопасности в Евразии. Монография состоит из пяти разделов — «Глобальные аспекты безопасности в Евразии», «Восточная и Южная Азия», «Северная Африка и Дальний Восток», «Центральная Азия», «Технические аспекты обеспечения безопасности РФ в Евразии» — посвященных ключевым регионам и основным аспектам рассматриваемой проблематики.

Коллектив авторов выражает надежду, что их совместный труд будет востребован в экспертном сообществе, а также окажется интересным для студентов и преподавателей профильных вузов.

Актуальные проблемы региональной безопасности современной Азии и Африки / отв. ред. В.Н. Колотов. СПб., 2013. 778 с.

В коллективной монографии подвергнуты анализу актуальные проблемы

безопасности Азии и Африки на современном этапе. При подготовке данного проекта внимание уделялось соблюдению баланса между рассмотрением проблем регионального и глобального характера.

Исследование состоит из четырех разделов, в которых рассматриваются проблемы региональной безопасности: 1) Восточной Азии и АТР, 2) Юго-Восточной Азии, 3) Северной Африки, Ближнего Востока, Центральной и Южной Азии, а также 4) глобальные аспекты безопасности.

Издание предназначено для востоковедов, историков, политологов и всех интересующихся проблематикой региональной безопасности стран Азии и Африки.

Колотов В.Н. Технологии использования религиозного фактора в управляемых локальных конфликтах: Южный Вьетнам в период колонизации и Индокитайских войн (вторая четверть XVII — третья четверть XX в.). СПб. : НР-Принт, 2013. 684 с.

В монографии впервые подвергнута комплексному рассмотрению проблема роли религиозного фактора в управляемых локальных конфликтах в период колонизации и двух индокитайских войн в Южном Вьетнаме с XVII по XX в. Сопоставление новых материалов с уже известными источниками и фактами позволило выйти на новый уровень понимания проблемы, перейти от описания отдельных эпизодов к реконструкции технологий, применявшихся католической церковью и колониаль-

ными спецслужбами в целях стабилизации оккупационного режима путем проведения управляемой региональной дестабилизации. В работе впервые детально проанализированы конкретные условия возникновения новых религий в Южном Вьетнаме в контексте сложных политических и социальных процессов. Разработанная в ходе исследования концепция управления конфликтом с использованием религиозного фактора позволяет глубже понять и многомерные технологии управления конфликтом, применявшиеся внешними акторами в процессе преобразования традиционного общества.

Данная концепция позволяет связать в единую систему отношений колониальные власти, новые религии, освободительное движение, а также особенности ведения и результаты двух индокитайских войн. На конкретном историческом материале показывается, что южновьетнамские новые религии возникли не естественным образом, а в результате новой стратегии умиротворения, суть которой состояла в трансформации религиозной идентичности путем создания и имплантации новых религий. Осуществление данного замысла позволило перейти от локальных культов к управляемым локальным конфликтам на региональном уровне, и таким образом парализовать освободительное движение в Южном Вьетнаме к середине 1950-х годов.

Издание адресовано историкам, политологам, религиоведам, конфликтологам, международникам, культурологам и широкому кругу читателей, интересующихся историей Востока.

Актуальные проблемы мировой политики в XXI веке : сборник статей / под ред. В.С. Ягья, М.Л. Лагутиной, Т.С. Немчиновой. СПб. : СПбГУ, 2014. 564 с.

Тема седьмого сборника, издаваемого коллективом преподавателей кафедры мировой политики факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, — Россия и проблемы глобализации. Поднимаемые авторами темы затрагивают вопросы региональной политики, экономической и экологической, а также информационной политики России.

Сборник предназначен для исследователей мирополитических процессов, студентов-международников и всех интересующихся проблемами мировой политики и международных отношений.

Философия мировой политики / под ред. Н.А. Васильевой, М.Л. Лагутиной. М. : РГ-Пресс, 2013. 392 с.

В учебнике, подготовленном коллективом преподавателей Санкт-Петербургского государственного университета, рассматриваются вопросы философской рефлексии на глобальные трансформации мировой политической системы XXI века.

Содержание учебника включает историю и современные проблемы философии мировой политики — одной из новых и перспективных отраслей научного знания. Исследуются различные теоретико-методологические построения, обосновывающие философское осмысление современных ми-

рополитических процессов. Большое внимание уделяется проблеме формирования предметного поля философии международных отношений, мировой политики и глобалистики. На базе широкого использования зарубежной и отечественной литературы анализируются такие практически значимые проблемы, как хронополитические и геополитические координаты глобальных процессов XXI века, мультиакторность современной мировой системы, становление глобальных этических норм и институционализация глобального управления. Кроме того, даются прогностические оценки цивилизационных перспектив человечества. Содержание учебника соответствует государственному образовательному стандарту высшего профессионального образования по дисциплинам «Политическая философия» и «Мировая политика».

Учебник предназначен для студентов, обучающихся по программам магистратуры по направлениям «Международные отношения», «Философия», «Политология», а также представляет интерес для специалистов в данных областях науки.

Современные теории международных отношений / под ред. В.Н. Коньшева, А.А. Сергунина. М. : РГ-Пресс, 2013.

В учебнике, подготовленном коллективом преподавателей Санкт-Петербургского государственного университета, дается развернутый анализ современных теорий международных отношений. В нем рассматриваются идейные истоки, основные положения и критика ведущих парадигм — неореализма, неолиберализма, глобализма и постпозитивизма. Анализируются последствия так называемой постпозитивистской революции для теории международных отношений, а также перспективы межпарадигмальных дебатов в обозримом будущем.

Учебник предназначен для студентов-магистрантов, обучающихся по направлению «Международные отношения». Он также может быть полезен студентам и аспирантам, обучающимся по другим гуманитарным направлениям и специальностям, преподавателям и научным работникам, специализирующимся на исследовании теоретических аспектов международных отношений.

PROJECT ON THE MIDDLE EAST AND THE ARAB SPRING (POMEAS)

Project on the Middle East and the Arab Spring (POMEAS) arose in response to the upheavals that began in 2011 throughout the Middle East and North Africa (MENA), as well as the subsequent developments of an unfolding regional process that mixed disappointments with opportunities. To take note of the initial promise and hopes, and to underline our continuing commitment to realize the democratic potential of the original movements against abusive authoritarian rule, we refer to this dynamic as the 'Arab Spring.'

Our intention is to initiate a forum that is open and accessible to people throughout the Middle East, as appropriate beyond. POMEAS aims to provide an open forum for reflecting and analyzing the various dimensions of the Arab Spring, both those embodying the whole range of revolutionary promises and those that embody and express a counter-revolutionary backlash. To carry out this project, we plan to sponsor research, hold conferences of invited experts, and have a publications program that includes scholarly monographs, policy briefs, and opinion editorials. We seek to have impacts on both the discourse of experts and the climate of public opinion.

POMEAS takes into account both the specific national circumstances and the global, regional, and sub-regional dimensions of the unfolding reality in the Middle East as a result of the Arab Spring. The project is also concerned with disturbing developments that challenge the authority of elections as the foundation of governmental legitimacy. Such a challenge resorts to fear tactics, street politics, and destabilization to create a crisis of legitimacy that sets the stage for a military

coup and an associated repudiation of democratically elected governments. We hope in this project to clarify the distinctions between majoritarian and republican forms of constitutional democracy, and to demonstrate the advantages for the citizenry of republicanism.

Above all, we seek to promote democratic values and humane forms of governance that are sensitive to individual and collective human rights, and seek forms of economic, social, and political development that are both equitable and respectful of the rule of law. POMEAS will also diagnose regional trends as interactive with relevant global trends, sensitive to the cyber habitat in this era of intensifying globalization. The global dangers such as climate change, water and food security, and the role of women in the Middle East inform many recent regional developments, and are often not adequately reflected in political analysis.

We believe that the processes of academic inquiry, debate, and public discussion can contribute to the emergence of a democratic political culture. We also believe that listening attentively to the voices of academics, writers, youth, women, and the general public is closely related to achieving benevolent forms of political, economic, social, and cultural development within the region. We will use our geographical site to establish a meeting point in Istanbul and but also engage with other cities in the MENA region. It is our view that culture and religion are principally responsible for whether a society evolves in an inclusive and pluralist manner, and should be reflected in political diagnosis and the assessment of policy options.

See more at: <http://www.pomeas.org/>

МОСТЫ. АНАЛИТИКА И НОВОСТИ О ТОРГОВЛЕ И УСТОЙЧИВОМ РАЗВИТИИ

BRIDGES NETWORK

МОСТЫ

Аналитика и новости о торговле и устойчивом развитии

**Торговля услугами — новые возможности
для роста и развития
Выпуск 6 — сентябрь 2014**

Редакторская статья

Совокупная доля услуг в глобальной экономике постоянно увеличивается, начиная с 1980-х годов, и сегодня они занимают ключевую позицию в структуре международной торговли. По данным ЮНКТАД, в 2011 г. на услуги пришлось 65,6% мирового ВВП и 44,1% всех занятых, и этот сектор растет намного быстрее, чем сельское хозяйство и машиностроение. Согласно Докладу ВТО о мировой торговле за 2013 г., глобальный экспорт коммерческих услуг в 2013 г. возрос на 6% и достиг 4,6 триллиона долларов США.

На многостороннем уровне услуги начали регулироваться сравнительно недавно: Генеральное соглашение по торговле услугами (ГАТС) было инкорпорировано в систему ВТО в ходе Уругвайского раунда. Научно-технологический прогресс и усиление связей между экономиками разных стран ставят новые вызовы по регулированию этой сферы.

ВТО**Провал Соглашения по упрощению процедур торговли: значение для будущего ВТО**

Запланированное на конец июля 2014 г. вступление в силу Соглашения по упрощению процедур торговли не состоялось из-за отказа Индии поддержать его принятие до выработки решений по продовольственной безопасности.

ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ**Будущие вызовы для торговли услугами: что нужно знать развивающимся странам?**

Харша Вардхала Синх

Эволюция международной торговли услугами привела к осознанию огромной важности этой сферы для экономического и международного развития. Сегодня услуги не только взаимосвязаны с торговлей товарами, но и с цепочками добавленной стоимости, технологиями и инвестициями. Автор оценивает эти и другие факторы с точки зрения развивающихся стран.

УСЛУГИ И ЗАНЯТОСТЬ**Взаимосвязь между сектором услуг и воздействием занятости: вызовы современной политики**

Луиса Родригес

С ростом торговли услугами все ярче проявляется взаимосвязь между сферой услуг и занятостью населения. Автор статьи рассматривает эту взаимосвязь на основе обзоров ЮНКТАД, посвященных политике ряда стран в области услуг, и предлагает свои рекомендации.

ПЛЮРИЛАТЕРАЛЬНОЕ СОГЛАШЕНИЕ**Переговоры по торговле услугами — еще одна попытка либерализации**

Переговоры по торговле услугами хорошо прогрессируют, отмечают страны-участницы. О чем дискутируют они за закрытыми дверями? Какие последствия повлечет за собой это соглашение?

ПЛЮРИЛАТЕРАЛЬНОЕ СОГЛАШЕНИЕ**Привлекательная проблематика: мысли вслух о плюрилатеральном соглашении по торговле услугами**

Пьер Сове

В своих размышлениях о новом соглашении по услугам автор призывает увеличить инклюзивность на переговорах и использовать максимально приближенные к ГАТС подходы для либерализации доступа на рынки услуг.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ СОГЛАШЕНИЯ

Торговля услугами в соглашении о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве

Олеся Кривецкая

Торговля услугами является важным аспектом переговоров по Трансатлантическому соглашению между США и ЕС. Краеугольными камнями будущего соглашения являются, в частности, вопросы, связанные с мерами внутреннего регулирования, и финансовые услуги.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ СОГЛАШЕНИЯ

Подходы к регулированию торговли услугами и инвестиций в региональных торговых соглашениях

Алина Черняга

На сегодняшний день в мировой практике существует три подхода к регулированию торговли услугами в региональных торговых соглашениях: на базе ГАТС, НАФТА и соглашений ЕС. Наиболее приемлемым для государств — членов ТС и ЕЭП может стать подход, используемый в соглашениях ЕС.

ТРАНСПОРТНЫЕ УСЛУГИ

Перспективы экспорта услуг автомобильного транспорта с территории ТС и ЕЭП

Илья Кабанов

Страны — члены ТС могут использовать свое выгодное географическое положение и существующий инфраструктурный потенциал для расширения экспорта транспортных услуг, в том числе обслуживания транзитных перевозок.

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ

Расширение торговли услугами: потенциал для развития

Сектор услуг, динамично растущий в последнее время, может дать значительный стимул для устойчивого развития развивающихся государств и стран с переходной экономикой. По мнению экспертов ЮНКТАД, пока этот потенциал используется недостаточно.

Публикации

Новости ICTSD

В центре внимания

МЦТУР на Общественном форуме ВТО

Международный центр по торговле и устойчивому развитию (МЦТУР) будет участвовать в нескольких сессиях Общественного форума ВТО, который прой-

дет с 1 по 3 октября 2014 г. в Женеве. Мероприятия МЦТУР будут посвящены таким темам, как инновации, защита прав интеллектуальной собственности, развитие Африки, роль торговли в Повестке дня в области развития на период после 2015 г. и растущая роль небольших игроков в мировой торговле. Присоединяйтесь к нам и будьте в курсе последних новостей с Общественного форума ВТО. Предлагаем Вам воспользоваться нашими официальными приложениями для iPhone и Android.

Публикации

Июль 2014 г.

Измерение торговли и инноваций: проблемы и вызовы

Июль 2014 г.

Анализ конкуренции в лицензионных соглашениях: подходы для развивающихся стран в рамках Соглашения по ТРИПС

Июнь 2014 г.

Продовольственная безопасность и правила ВТО по внутренней поддержке пост-Бали

Июнь 2014 г.

Создание запасов в целях обеспечения продовольственной безопасности: варианты окончательного решения

Июнь 2014 г.

Экспортные ограничения на продукцию сельского хозяйства, продовольственная безопасность и ВТО

Июнь 2014 г.

Закон США 2014 г. «О сельском хозяйстве» в контексте Марракешского соглашения 1994 г. и раунда Доха

Конференции

30 сентября 2014 г.

Бизнес-форум «Конкурентоспособность российского бизнеса на международных рынках»

Москва, Россия

1–3 октября 2014 г.

Общественный форум ВТО 2014: почему торговля имеет значение для каждого
Женева, Швейцария

1 октября 2014 г.

«БРИКС и Африка: партнерство для развития»

Сессия на Общественном форуме ВТО

Регистрация: bricswatch@gmail.com

Женева, Швейцария

9–10 октября 2014 г.

Эволюция международной торговой системы: проблемы и перспективы
Санкт-Петербург, Россия

13–16 октября 2014 г.

Всемирный инвестиционный форум 2014: инвестирование в устойчивое будущее
Женева, Швейцария

22–24 октября 2014 г.

Второй Национальный нефтегазовый форум
Москва, Россия

Будьте с нами

Подпишитесь!

Изучайте мир торговли и устойчивого развития вместе с публикациями Bridges
Международного центра по торговле и устойчивому развитию.

BRIDGES

Новости торговли с точки зрения устойчивого развития
Международные новости на английском языке

BIORES

Аналитика и новости о торговле и окружающей среде
Международные новости на английском языке

PONTES

Аналитика и новости о торговле и устойчивом развитии
Международные новости на португальском языке

Аналитика и новости о торговле и устойчивом развитии
Международные новости на китайском языке

PASSERELLES

Аналитика и новости о торговле и устойчивом развитии
Новости стран Африки на французском языке

BRIDGES AFRICA

Аналитика и новости о торговле и устойчивом развитии
Новости стран Африки на английском языке

PUENTES

Аналитика и новости о торговле и устойчивом развитии
Новости стран Латинской Америки и Карибского бассейна на испанском языке

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

При направлении материалов в журнал просим вас соблюдать следующие требования.

Редакционный совет и редакция журнала рассматривают материалы оригинального характера, не публиковавшиеся ранее и не принятые к публикации другими журналами. Они должны быть присланы по электронной почте (предпочтительно) или представлены в редакцию на бумажном носителе вместе с электронным носителем в следующих объемах:

- статья — 20 000–75 000 печатных знаков со всеми сносками и пробелами,
- обзор, рецензия, информация — не более 3 страниц,
- иные материалы — по согласованию с редакцией.

При определении объема материала просим исходить из таких параметров:

- текст печатается на стандартной бумаге А-4 через 1,5 интервала;
- размер шрифта основного текста — 14;
- сноски можно печатать через 1 интервал, размер шрифта 12;
- поля: слева 3 см, сверху, справа и снизу — 2 см.

Для рассмотрения редакции просьба направлять два файла статьи: один — содержащий информацию об авторе (см. структуру статьи), один — без идентификации автора. Все материалы направляются на анонимное рецензирование, поэтому любая идентификация автора в тексте или ссылках должна быть убрана в одном из файлов.

При оформлении статьи просим авторов проверять их на соответствие следующей структуре:

1. Заглавие статьи на русском языке прописными (заглавными) буквами (должно быть коротким, отражать суть исследовательской проблемы).
2. Инициалы и фамилия автора(ов).
3. Название учреждения, где работает автор, и адрес, включая почтовый индекс.
4. Резюме статьи на русском языке (200–250 слов).
5. Ключевые слова (10–12 слов на русском языке).
6. Основной текст.
7. Список литературы (составленный по алфавиту и пронумерованный).
8. Об авторе (ФИО полностью, научные звания, должность, место работы и его почтовый адрес, научная специализация, e-mail).
9. Заглавие статьи на английском языке прописными буквами.
10. Инициалы, фамилия (английская транскрипция).
11. Название учреждения, где работает автор и адрес на английском языке, включая почтовый индекс.
12. Abstract (резюме на английском языке, 200–250 слов).
13. Key words (ключевые слова на английском языке).
14. References (список должен соответствовать пронумерованному списку литературы, но названия книг и статей на русском языке транслитерируются латински-

ми буквами и переводятся на английский язык. Иностранные источники на латинице оставляются без изменения).

15. About author (об авторе на английском языке).

Ссылки оформляются в основном тексте статьи путем указания в конце предложения в квадратных скобках [] порядкового номера упоминаемого произведения из «Списка литературы» и, в случае цитаты, номера страницы цитируемого произведения, через запятую после порядкового номера [3, с. 5].

«Список литературы» оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1 и ГОСТ 7.82. Второй список, References, оформляется в соответствии с требованиями журналов, включенных в систему Scopus. Нумерация в двух списках должна полностью совпадать. Они должны быть идентичными по содержанию, но разными по оформлению.

Требования к оформлению References: названия статей, монографий и журналов на русском языке должны быть транслитерированы латиницей и переведены на английский язык. Например: Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945–1995) / А.Д. Богатуров. М. : Конверт-МОНФ, 1997 (описание в «Списке литературы» согласно ГОСТу) в References описывается как: Bogaturov A.D. Velikie derzhavy na Tikhom okeane. Istoriia i teoriia mezhdunarodnykh otnoshenii v Vostochnoi Azii posle vtoroi mirovoi voyny (1945–1995) [Great Powers on the Pacific Ocean. History and theory of international relations in East Asia after World War II (1945–1995)]. Moscow: Konvert-MONF, 1997). Транслитерировать можно автоматически с помощью translit.ru, режим транслитерации следует выбрать LC (Library of Congress). При ссылке на переводную литературу в References следует указывать оригинальное издание.

Статьи аспирантов принимаются при наличии рецензии или рекомендации соответствующих кафедр вузов, отделов, секторов научно-исследовательских учреждений либо научного руководителя.

Статьи необходимо направлять на e-mail по двум адресам: [sravitpolit@mail.ru](mailto:sravnitpolit@mail.ru) и avtor@lawinfo.ru

При несоблюдении перечисленных требований присланные материалы не рассматриваются.

Связь с авторами осуществляется через редакцию.

Контактная информация: e-mail: avtor@lawinfo.ru и [sravitpolit@mail.ru](mailto:sravnitpolit@mail.ru)

Мнения и оценки, содержащиеся в публикуемых материалах, могут не совпадать с позицией редакционной коллегии журнала.